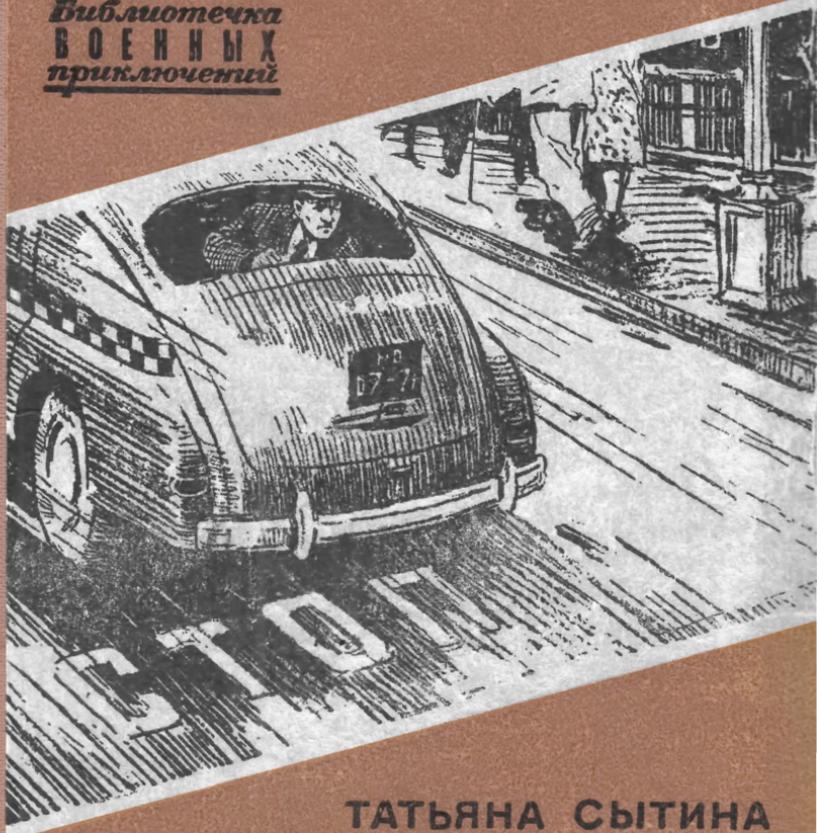

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

ТАТЬЯНА СЫТИНА

Конец Большого
Юшуса

Т. Сытина — КОНЕЦ БОЛЬШОГО ЮЛИУСА

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ТАТЬЯНА СЫТИНА

КОНЕЦ БОЛЬШОГО
ЮЛИУСА

Повесть

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1955

— Но... Спартакoвцы дружно защищают свои ворота! Труднейший мяч только что взял вратарь! Вы слышите, как аплодируют москвичи великолепной атаке сталинградцев! Вот мяч опять на середине поля...

Полковник Смирнов с сожалением выключил радиоприемник. От дверей кабинета к его столу торопливо шел маленький толстый человек в расстегнутом измятом пыльнике. Из правого кармана пыльника торчал кончик зеленого галстука. Лицо толстяка пылало, в круглой детской ямочке на подбородке светлели капельки пота.

— Нелегко добраться до вас, товарищ полковник! — задыхаясь, сказал он. — Мне пришлось двум товарищам объяснять свое дело. И оба недослушивали и передавали меня друг другу, как бумажку. Вы третий!

— Прошу садиться! — вежливо перебил Смирнов посетителя.

— Благодарю вас! — с облегчением сказал толстяк и вытер лицо клетчатым платком, скомканным в кулаке. — Тяжело! В такую жару чувствуешь каждый килограмм своего веса. Очень тяжело...

Толстяк ворчливо жаловался, а Смирнов молча его разглядывал. Особого доверия посетитель не внушал. Вероятно, придется долго выслушивать путаный рассказ, а в результате «дело» окажется чепухой. Такие случаи, к сожалению, бывают...

— Вы отдышитесь, отдохните, а потом расскажете мне, что с вами случилось, — предложил он толстяку, напряженно прислушиваясь к аппетитному говорку Синявского, доносившемуся теперь из открытого окна с верхнего этажа. Внезапно говорок исчез в могучем нарастающем обвале звуков. Гол! — вздрогнул Смирнов. — Но кому? Скоро конец второго тайма... Этот гол может решить игру.

— Я уже отдышался! — покорно сказал толстяк и поглубже угнезвился в кресло. — Дело в том, что в 1945 году, находясь в рядах Советской Армии, на территории Германии, в городе Мюнстенберге, 11 августа, в два часа дня, я шел по улице... — неожиданно связно и кратко начал рассказывать толстяк.

И Смирнов вдруг перестал прислушиваться к Синявскому.

Сначала его привлекла деловая интонация посетителя. Взглянув ему в лицо, он увидел тугие румяные щеки, светлоголубые глаза и в них сосредоточенность чувств, которая сделала бы честь человеку с более мужественным обликом. Это были глаза мужчины, принявшего решение сражаться до конца. В них светилось упрямство и веселая дерзость.

— Простите, как ваше имя? — прервал толстяка Смирнов, вынимая из ящика коробку Беломорканала и протягивая ее посетителю.

— Спасибо, не курю! Зовут меня Окуневым Борисом Владимировичем. По специальности механик. В армии служил в танковой части. Сейчас работаю в сборочном цехе главным мастером.

— Так... так... Значит, в два часа дня 11 августа 1945 года вы шли по улице города Мюнхенберга...

— Точно! — подхватил Окунев. — Я шел мимо большого дома, превращенного в развалины, и собирался уже свернуть за угол, когда услышал женский крик. По мостовой навстречу мне шел человек в серых брюках и толстом зеленом свитере. Я могу рассказать вам в отдельности о каждой черточке лица этого типа, потому что то, что он при мне сделал... Словом, я узнаю его днем и ночью, в любом костюме, даже в гриме. За ним бежала девушка в коричневом платье, без чулок, в одной тряпичной туфле. Другую она, наверное, потеряла во время погони. Помню, что волосы у нее были совсем светлые, редкого серебристого оттенка, и они расплелись и облачком летели за ней по ветру. Заметив меня, человек остановился и повернулся к девушке, поджидая ее. А девушка кричала, и я помню каждое ее слово: «Негодяй! — кричала она. — Держите его, товарищ! Предатель! Сколько людей он в застенке погубил! Палач!»

— Конечно, я виноват! — Окунев замолчал и сморщился, как от боли. Затем сильно хлопнул себя по колену скомканной шляпой. — Никогда себе этого не прощу! Ведь у меня было оружие, я мог подстрелить его, скажем, в ногу. Но меня сбило именно то обстоятельство, что он не бежал. Он стоял и спокойно ждал

ее. В десяти шагах от меня. А когда между ними осталось расстояние не более чем пять-шесть шагов, когда она уже подняла руку, чтобы схватить его за плечо, он вдруг нагнулся, поднял кирпич и, размахнувшись изо всех сил, швырнул его в лицо девушке. И тут же метнулся в развалины...

— Здесь... — Окунев снова вытер лицо платком. — Я сделал вторую ошибку. Я бросился к девушке.

— Понятно... — сказал Смирнов. Открылась дверь, на пороге кабинета показался сотрудник отдела капитан Захаров. Он хотел что-то сказать, но Смирнов остановил его вопросом: «Срочно?»

— Терпит, товарищ полковник! — сказал Захаров, отступил и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Так, вы бросились к девушке, а неизвестный тем временем скрылся в развалинах...

— Да! — пробормотал Окунев и подозрительно взглянул на полковника. — Скажите, а вы будете слушать меня дальше? На этом месте оба товарища прерывали меня и посылали дальше...

— Я вас выслушаю до конца. Итак, неизвестный скрылся.

— Да, я сплеховал. Девушку отвезли в хирургический госпиталь.

— Она что-нибудь рассказала?

— Она не приходила в себя две недели, а на третью мы ушли из Мюнстенберга. Единственное, что я знаю о ней, — имя и возраст. Ее зовут Машей Дороховой, и в ту пору ей было семнадцать лет.

— Ну что ж, вы много знаете! — сказал

полковник. — Дальше, Борис Владимирович. Только вы не волнуйтесь, вы спокойнее...

— Спокойно я об этом не могу. Дальше... Сегодня, спустя десять лет, я сделал вторую непростительную ошибку. Я узнал его там!

Окунев ткнул шляпой в сторону звуков, долетающих из окна.

— На стадионе? Борис Владимирович, вы могли ошибиться! Прошло десять лет!

— Товарищ полковник, не надо мне это говорить. Я скромный человек, но я честно прожил свою жизнь. То, что я не сумел задержать подлеца, — единственное темное пятно на моей совести. Вы можете не поверить, но когда я болею, я всегда вижу все снова — улицу, девушку и ее лицо, потом, в госпитале. Ручаюсь, я видел его на стадионе сегодня. Я узнал его в ту минуту, когда он подошел к своему месту в шестнадцатом ряду на северной трибуне...

— Борис Владимирович! — прервал Смирнов. — У меня к вам просьба. Постарайтесь сейчас точно восстановить каждую мелочь вашей встречи. Расскажите, что он сделал и как вы себя вели...

— Я вел себя, как последний дурак. Я вскочил и уставился на него. И стал пробираться к нему вдоль ряда...

— Понятно. Он ушел?

— Не сразу. Нас разделяла толпа. Он закурил и, не торопясь, стал пробираться к выходу. Я побежал за ним, крикнул что-то, меня остановил милиционер и долго не понимал, что я... что у меня...

— Понятно, понятно... — повторил Смирнов, с силой притушил папиросу в пепельнице и некоторое время молчал. — Минутку, Борис

Владимирович! — заговорил он, наконец. — Я еще раз прошу вас вспомнить детали. Как он закурил, как пошел, что у него было в руках, сложилось ли у вас впечатление, что он один на стадионе или с ним был еще кто-нибудь?

— Не знаю. Я об этом не думал. Закурил... Вынул папиросу из коробки и обыкновенно закурил.

— Обыкновенно! Так, значит, он исчез, а вы отправились сюда, к нам?

— Да, я вскочил на первую попавшуюся машину и приехал. Нет, наверное, он был один. Во всяком случае у меня нет ощущения, что он пришел с кем-нибудь! А впрочем, не могу утверждать.

В кабинете стало тихо. Смирнов молчал, разглядывая свои руки. Окунев устало вздохнул и откинулся на спинку кресла. В простенке между книжным шкафом и дверью неторопливо отбивали секунды старинные часы в высоком футляре из полированного дуба. — А ведь его не очень-то заинтересовал мой рассказ! — подумал с отчаянием Окунев. — Вот только что вспыхнул было, когда спросил о деталях, и — погас. Нет, повидимому, романтика осталась только на страницах старых приключенческих романов. Ничто в этом здании, прохладном, чистом и тихом, не напоминает о ней. И в человеке, сидящем перед ним, нет ничего романтического. У него лицо, в котором все буднично: толстый вздернутый нос, крупные губы, широкий лоб, приглаженные светлые волосы, седеющие на висках. Даже простой заинтересованности не отражается на этом лице, только вежливое внимание и тень некоторой предубежденности, скептической и расхолажи-

вающей. Окуневу вдруг стало тоскливо, он почувствовал, что устал, захотелось домой, жалко стало потраченной энергии и упущенного шанса исправить свою большую ошибку.

— Не помню я деталей!.. — устало повторил он. — Но даже сейчас я вижу перед собой его лицо. Понимаете, у этого типа есть характерная черта. Вообще-то говоря, нос у него длинный и тонкий, но книзу, — Борис Владимирович поднял свои толстые ручки и тронул себя за кончик носа, — книзу он расширяется таким мясистым треугольничком...

Смирнов встал. Он прошелся по кабинету, остановился перед часами, постоял так минуту, опустил руку и, вздохнув, вернулся к столу.

Опять некоторое время в комнате было тихо. Смирнов молчал сосредоточенно и, как казалось Окуневу, разочарованно.

— Я понимаю! — с отчаянием сказал Окунев. — У вас есть право сомневаться в том, что я рассказал...

— Да нет, Борис Владимирович! — поспешно прервал Смирнов. — Я ни в чем не сомневаюсь. Я вот вас о чем попрошу... — он открыл ящик, вынул стопку бумаги и протянул ее Окуневу. — Присядьте вон за тот столик у окна и напишите все, о чем вы мне рассказали, и все, что дополнительно припомните.

— Ка-а-к? — рот Окунева округлился, и на лице появилось выражение такого искреннего возмущения, что Смирнов невольно улыбнулся. — Что ж, товарищ полковник, значит, нет на земле такого учреждения, чтоб без бумажек, без бюрократизма? Обязательно канцелярщина?

— Порядок! — улыбнулся Смирнов. — Во всем должен быть порядок, Борис Владимирович. А я, чтобы не мешать вам, займусь пока своими делами.

Смирнов вышел. Где-то неподалеку стрекотала пишущая машинка. Домовито гудел лифт. Окунев покачал головой, потянулся к письменному прибору, взял ручку, расправил лист бумаги и принялся добросовестно заполнять страницу крупным почерком, в котором все буквы «б» имели лихие хвостики, загнутые наверх, а «с» напоминали улитку.

Смирнов пришел минут через сорок, а Окунев все еще сражался со словом «который» — просто невысказано было написать строчку, чтоб не пришлось применять это слово минимум три раза. Наконец, заменив часть «которых» словом «данный», толстяк расписался и со вздохом облегчения протянул Смирнову пачку листов.

— Как вы думаете, товарищ полковник, можно будет поймать данного мерзавца?

— В нашем деле загадывать нельзя! — буркнул Смирнов, проставляя номера на страничках. — А поймать надо! Ну, так... Позвольте теперь, Борис Владимирович, поблагодарить вас за помощь.

— Полноте! — с возмущением перебил Окунев, встал и прошелся, одергивая на себе смятый пыльник детскими, суетливыми движениями. — Хорош бы я был, если бы...

— Ну, в таком случае давайте попрощаемся! — улыбнулся Смирнов, и лицо его на мгновение вдруг показалось Окуневу таким открытым и добродушным, что он с сожалением подумал: «Вот сейчас бы и начать раз-

говор!» — Но они уже стояли на пороге, и Смирнов жестом, вежливым и одновременно холодным, распахивал перед посетителем дверь...

— Да, простите, еще один вопрос, Борис Владимирович! — задержался на пороге Смирнов. — Вы ведь человек семейный?

— Жена, двое детей — сын и доченька. Но, товарищ полковник! — обидчиво заметил Окунев. — Я человек взрослый и понимаю, о чем можно разговаривать в семье и о чем не следует.

— Ну, желаю вам всего хорошего и еще раз благодарю!

Окунев вышел. Смирнов вернулся к столу, снял трубку телефона, назвал номер и сказал:

— Вышел от меня. Пусть Соловьев идет к седьмому подъезду.

Окунев спускался в лифте. Он чувствовал себя разбитым, начинала болеть голова. Выйдя из подъезда, Окунев остановился, прикидывая, как быстрее добраться домой на Пресню, и решил ради такого случая не пожалеть денег на такси. Устало размахивая шляпой, утратившей всякую форму, и по-медвежьки переваливаясь, он добрал до стоянки такси, повалился на сиденье и назвал свой адрес.

В тот момент, когда такси, мягко дрогнув, скользнуло от стоянки в общий поток машин, сзади хлопнула дверца второй машины.

Юноша в светлых летних брюках и в спортивной белой рубашке наклонился к шоферу и на мгновение раскрыл перед ним книжечку удостоверения.

— Давай, друг, поедем! Не слишком близко к той машине, но и не чересчур далеко.

— Понятно! — кивнул шофер и, пригнувшись, обеими руками обхватил руль. — Под желтый светофор придется проскочить! — предупредил он. — Ждать будем — разминемся.

— Рискнем! — согласился пассажир. Шофер незаметно оглянулся на пассажира. В удостоверении он успел прочитать только звание — младший лейтенант и имя — Михаил. Сейчас шофер увидел юношеский профиль, озабоченный и слегка торжественный.

— Дела! — сказал шофер, но пассажир не поддержал разговор.

«Серьезный парнишка!» — одобрительно подумал шофер.

— Вот орлы! Под нашу с вами марку еще одна машина через светофор проскочила! — заметил он, глядя в зеркальце над приборной доской, но и на этот раз пассажир промолчал. Шофер не знал, что младший лейтенант Михаил Соловьев служит в органах госбезопасности второй год и жестоко стыдится своего юношеского вида и прозвища «Малыш», которым окрестили его старшие товарищи по работе.

«Такая служба, что положено молчать, — подумал шофер. — Серьезная служба!»

На следующее утро Миша Соловьев, усталый, сонный, но в общем довольный собою, писал рапорт полковнику.

День выдался на редкость хороший, нежаркий июньский день. На рассвете прошел ливень, и все краски вспыхнули с новой силой. Даже дряхлеющие особнячки в самых глухих переулках приободрились и изо всех сил старались хотя бы на час казаться розовыми или го-

лубыми, хотя в действительности их разбухшая, выветрившаяся штукатурка уже давно утратила цвет. В такой день даже рапорт писать было весело, хотя обычно Миша не любил это занятие.

Соловьев пришел работать в органы безопасности после окончания военной службы в пограничном полку. Надо прямо сказать, полтора года тому назад Миша многое представлял себе иначе. Получая в политотделе части комсомольскую путевку, слушая торжественные напутствия членов бюро, Миша мысленно представлял себе, как он в глухую ночь мчится на мотоцикле, может быть, через лес, а еще лучше через непроходимые горные перевалы, настигает врага и вручает его советскому суду. Получалось очень здорово и приятно. Теперь, вспоминая свои мечты, Миша снисходительно улыбался.

«Через указанных два дома от места жительства гражданина Окунева, — старательно писал Миша, поглядывая на часы, — помещается забор длиной в восемьдесят метров, высота метр семьдесят, окрашен в серую краску... По ту сторону забора находится склад таксомоторного парка...»

Зазвенел телефон.

Миша неторопливо снял трубку и, продолжая дописывать фразу, спросил, стараясь придать тону своего голоса тот глубокий, могучий тембр, которым славился бас полковника.

— Соловьев, давай быстро к самому! — торопливо проговорил капитан Захаров, и в торопливости его Миша почуял грозу...

В кабинете Смирнова сидел капитан Захаров, и по лицу его, откровенно растерянному и

злому, Миша понял, что предстоит не просто гроза, а какое-то очень серьезное испытание, от результатов которого зависит вся его дальнейшая судьба.

Некоторое время Смирнов сидел молча, разглядывая Мишу Соловьева.

Перед полковником стоял юноша с румяным от волнения лицом, с чистыми, сейчас чуть потемневшими глазами. Рот его был по-мальчишески полуоткрыт, и в глазах — Смирнов это отчетливо уловил — светилось больше любопытства, чем страха.

В кабинете стало совсем тихо. Смирнов и Захаров услышали легкий вздох. Это Миша перевел дыхание.

— Младший лейтенант Соловьев! Расскажите нам, как вы вчера выполняли задание... — негромко и почти спокойно начал Смирнов.

— Мне было поручено проследить за благополучным возвращением домой гражданина Окунева, — начал Миша, отчетливо слыша свой собственный голос. — Гражданин Окунев поехал домой в такси 86-01. В двадцать часов сорок две минуты он вышел из машины около своего дома, расплатился и направился во двор, к флигелю. Я продолжал вести наблюдение до шести часов утра, то есть до полного рассвета, как было указано капитаном Захаровым. Ничего подозрительного не обнаружено. В шесть часов пятнадцать минут я снял наблюдение и вернулся в отдел.

— А в семь часов сорок пять минут Окунев был обнаружен убитым в подворотне своего дома, — ровным голосом прервал Смирнов. — Заколот. Обстоятельства убийства по первым данным исключают случайность. Убийца

скрылся и никем не был замечен. Вы, младший лейтенант, свою боевую задачу не выполнили. Как мы и предполагали, за Окуневым враг вел наблюдение. Вы не обнаружили наблюдателя. Вы не сберегли жизнь товарища Окунева, честного патриота, хорошего человека... Вы обманули наше доверие!

В лице Миши Соловьева теперь уже не было ни кровинки. Он стоял, вытянувшись, не отрывая глаз от лица полковника, и капитан Захаров удивился силе, которая держит сейчас Соловьева на ногах. Ведь Миша услышал самое страшное обвинение, и услышал от человека, за которого, как и многие работники отдела, готов был идти в огонь и в воду по первому знаку.

— Ну, что ж ты молчишь, Соловьев? — не выдержал и спросил Захаров, до боли жалея парня.

— Да, отвечайте, младший лейтенант! — резко сказал Смирнов, желая вывести Мишу из транса.

— Что я могу сказать, товарищ полковник! — с трудом разжимая холодные, твердые губы, начал Миша. — Я виноват, так виноват, что и говорить нечего... Но не для оправдания, а только ради фактической справки, скажу... Товарищ полковник, враг наблюдения не вел! Ручаюсь за это. Только ради фактов!

— Ну как «не вел»? — вспыхнул Захаров. — Ты же не маленький!

— Там обстановка для наблюдения сложная, товарищ капитан! — продолжал Миша. — Вот в рапорте я указываю. Местность, как блюдце, ввиду того, что три промышленных склада находятся неподалеку друг от друга...

Я вышел из положения, познакомился с девушкой и всю ночь просидел напротив ворот на лавочке, в самом дворе гулял! По переулку ходил с ней, как постовой... Врагу от меня невозможно было укрыться!

— Слушайте, Соловьев, а может быть, в какой-то момент вы увлеклись беседой с девушкой и что-нибудь пропустили? — жестко спросил полковник.

Миша не ответил. Он стоял, вытянувшись, сжав кулаки, не глядел на Смирнова, и по лицу его медленно ползли слезы...

— Нет, товарищ полковник, такого с младшим лейтенантом Соловьевым не могло быть! — твердо сказал Захаров. — За это я вам ручаюсь!

— Чувства-то у вас обоих, конечно, хорошие, а вот дело мы с первых шагов провалили... — с раздражением произнес Смирнов. — Ну ладно, что сейчас корить друг друга! Мы с вами тоже, капитан, виноваты. Надо было отправить на наблюдение опытного человека... Вы, Соловьев, не успокаивайте себя. Враг наблюдение вел, вы что-то пропустили. На вашем месте я бы заставил себя найти — что именно пропущено. Это необходимо найти!

Не вытирая слез, Миша еще сильнее вытянулся и перевел глаза на Смирнова.

— Младший лейтенант Соловьев! — продолжал полковник. — Вы отправитесь сейчас же к семье Окунева. Вы останетесь там до конца похорон и сделаете все, чтобы помочь Антонине Михайловне. Капитан Захаров! Подготовьте письмо в Совет Министров с ходатайством о назначении персональной пенсии семье Окунева... Выполняйте оба!

Спотыкаясь, ничего не видя перед собой, кроме широкой спины капитана Захарова, Соловьев вышел из кабинета полковника.

Трое с половиной суток он провел в доме Окуневых. Он почти не спал и не ел за это время, выполняя множество мелких важных дел, всегда возникающих в семьях вместе с несчастьем, и ни о чем не мог думать.

После похорон он отвез Антонину Михайловну домой, помог сыну Окунева, Владику, расставить мебель по местам и к вечеру, как было приказано, вернулся в отдел.

— Погоди! — сказал Захаров огорченно, с удивлением разглядывая Мишу. — Я доложу, что ты прибыл. Покури пока...

Полковник Смирнов много лет прослужил в армии, из них более двух третей — в органах госбезопасности на руководящей работе. Давно прошло то время, когда он, налагая взыскания на подчиненного, внутренне мучился: «Так ли...», «Прав ли?», «Надо ли...» У Смирнова выработался четкий кодекс требований к себе и к людям, и уклоняться от них теперь для него было уже просто физически невозможно. А в последние годы, когда оба его сына повзрослели, к этому моральному кодексу прибавилось еще сильное чувство, не поддающееся формулировке, связанное с отцовством, помогающее ему глубже и легче понимать людей.

— Вернулись? — спросил он, глядя на серое лицо Соловьева. — Садитесь, младший лейтенант.

Миша сел.

— Устали?

— Ничего, товарищ полковник... — вяло ответил Миша.

— Идите спать. Завтра вечером отправитесь в командировку.

Миша думал о том, что сейчас должны привезти от тетки доченьку, — так звали в семье Окуновых младшую девочку. Как-то встретит ее Антонина Михайловна? Он вспомнил еще, что купил масло и забыл предупредить бабушку Окуневу, что оно за дверями на полочке...

— Полетите на самолете. В Одессу. Вы меня слушаете, младший лейтенант?

— Да, товарищ полковник! — вяло подтвердил Миша. — На самолете в Одессу...

— Надо закончить дело... — просто сказал полковник. — За эти три дня вы, наверное, поняли, что такое горе, что значит терять близких. Враг всегда приносит горе в наш дом, Соловьев!

— Я вспомнил то, что вы велели, товарищ полковник, — все так же вяло сказал Миша. — Насчет моей промашки. Когда мы пошли за Окуновым, еще одна машина проскочила вместе с нами светофор. И ведь, главное, шофер сказал, а я не обратил внимания. Это, конечно, был он. Кто ж решится в самом центре на желтый свет идти?

Смирнов долго молчал. Потом кивнул.

— Интересно, — заметил он. — Значит, у него есть машина. Шофер для пассажира на такое нарушение вряд ли пойдет.

— Куда ж он потом делся, товарищ полковник? Не для того, чтоб оправдаться, а ради существа дела — не было его на территории объекта, товарищ полковник! Что хотите со мной делайте, не было!

— Вернее всего случилось так! — прервал Мишу полковник. — На стадионе он обнаружил

Окунева, вышел, выследил и отправился по его следу. Это старая уловка тигров — ходить по следу охотника. Вот так! Установив, что Окунев обратился к нам, он принял решение расправиться с Борисом Владимировичем, ведь Окунев знал его в лицо. И вот тут вы, повидимому, правы, Соловьев, — наблюдения он не держал. Он просто заметил адрес, уехал и вернулся утром к тому времени, когда служащие идут на работу. Нагло, но разумно! Вы с ним разошлись в минутах! Но сегодня об этом не думайте. Надо исправлять нашу общую ошибку. Вы полетите в Одессу. Там живет некая Мария Николаевна Дорохова-Ворошина. Учительница, преподает историю в школе. Теперь слушайте внимательно. В августе 1945 года в Германии, в городе Мюнстенберге, на нее напал человек. Ваша задача выяснить все, что знает о нем Мария Николаевна. И чтоб ни одна душа не подозревала о цели вашего приезда в Одессу. Вы получите документы учителя, историка. Начнете с посещения городского отдела народного образования. Там узнаете адрес Марии Николаевны. Для всех, кроме нее самой, вы знакомитесь с диссертационной работой Марии Николаевны.

— Понятно, товарищ полковник!

— Сказать мало, надо действительно понять. Вот вы сейчас думаете, а почему бы не запросить Одессу по телеграфу, шифром... Поручить местным товарищам собрать материал! Верно?

Миша вздрогнул и слабо улыбнулся.

— Да, я так подумал. Мне показалось, что надо быстрее...

— Мы обязаны беречь людей. Всегда помните о семье Окунева! Чем крупнее дело, тем

меньше людей должно участвовать в нем. Идите спать!

Смирнов взгляделся в лицо Миши. Юноша... Э, нет! Перед ним сидел не юноша. За последние три дня с Соловьевым произошла перемена, на которую в обычных условиях потребовалось бы несколько лет. Он вытянулся, похудел, беспокойный, веселый блеск, загоравшийся в его глазах при малейшем поводе, исчез. Движения стали сдержаннее...

«Это — ничего! — подумал Смирнов. — Это — возмужание. Ну что ж, ему двадцать три года. Пора!» — Полковник вспомнил, какой бурный взрыв энергии, любопытства, восторга и нетерпения пришлось бы сдерживать в Соловьеве, если бы поручение давалось ему три дня назад, и на мгновение сердце у Смирнова сжалось. Стало жаль щедрой и легкомысленной юности, вот так же ушедшей в свое время от него, уже ускользающей от сыновей...

«Ну что ж, всему свое время! — вернул себя к действительности Смирнов. — Пора, пора! Соловьев вступает в новую пору жизни. Ничего, наше время было суровее, и возились с нами меньше! Определится парень!»

Так думал Смирнов, а говорил он другие, сухие и обидные слова.

— Помните, что Одесса для вас всего лишь территория для операции. Вы не на курорт едете. Капитан Захаров передаст деньги и билет. Чем быстрее обернетесь, тем лучше. Но помните: быстрота и спешка — разные вещи. До свиданья. Выспитесь как следует.

Смирнов встал и через стол протянул руку Соловьеву. Тот поднялся, ответил на пожатие и с какой-то новой, поразившей Смирнова кра-

сотой — да, именно красотой, другого слова не подберешь — вытянулся прощаясь.

— Хорош будет, если... — и Смирнов не закончил мысль, потому что, постоянно находясь на линии огня, он, как и все старые солдаты, не любил загадывать.

— Желаю успеха, «Малыш», — сказал он, кивком давая понять Соловьеву, что тот свободен.

— Это всего лишь территория, где я выполняю задание! — твердил себе Миша Соловьев, разглядывая небольшую полукруглую площадь, представляющую собой шедевр пропорций, площадь, куда вливался переулок, словно узкая река, не вмещающая потоков солнечного света...

— Но это прекрасно! — повторял он и старался не видеть, что ступает по тяжелым плитам, вырубленным человеческими руками и отшлифованным дождями и ветром. Старый камень на мостовой и на стенах домов отражал солнечный свет смягченным и придавал ему оттенки серебра. Отыскивая нужный номер дома в переулке, он заглядывал в каменные подворотни, изумлялся просторным дворам, траве, прорастающей сквозь щели в плитах, и чистейшему, прелестному звуку, источник которого он долго не мог определить, а, отыскав, впервые понял, как может петь струйка воды, падающая в каменный водоем.

— Да, прекрасно, но это не имеет никакого отношения ко мне! — повторял он себе и отворачивался от окон, широких, гостеприимно распахнутых, за которыми двигались и разговаривали красивые загорелые люди.

На пороге квартиры Марии Николаевны Соловьева встретил веселый черноглазый великан в морской тельняшке, в синих холщовых брюках. В руке у великана был велосипед со смятым передним колесом, он держал его, как предмет, не имеющий ни веса, ни тяжести. Узнав, что Соловьев хочет ознакомиться с диссертацией Марии Николаевны и посоветоваться о своей работе, великан добродушно кивнул и указал велосипедом в глубину коридора.

— Идите! Машенька на балконе... Я вот из рейса вернулся, хозяйствую. Будем знакомы — капитан Ворошин... Сейчас провожу вас.

— Машенька! — сказал великан, подходя к дверям балкона. — Раз уж к нам гость пришел, я думаю, надо прикончить эту самую ягоду! А?

— Рад поводу! — засмеялся очень юный женский голос. Миша шагнул через порог балкона, и внезапно все мускулы в теле у него напряглись от жалости, доходящей до боли.

Перед ним в низком плетеном кресле, залитая прямыми лучами солнца, сидела женщина в широком белом платье. Волосы ее, вьющиеся, странного серебристого оттенка, были скототы тяжелым пучком на затылке, и на лбу золотился загар. То, что находилось ниже, было лишено формы, а, кроме того, по наклону головы и по напряженным плечам Миша догадался, что женщина слепа. Взглянув на загорелые плечи и руки, он понял, что она очень молода, и волна жалости снова захлестнула его.

— Так я сейчас ягоды принесу... — просительно сказал великан и исчез в глубине комнаты. Через несколько минут он вернулся с блюдом клубники и бутылкой сливок.

— Не ставь сливки на пол, опять разольешь!.. — усмехнулась женщина. — И усади гостя, он все еще стоит...

Ворошин хозяйничал решительно и просто. Он выложил всю клубнику с блюда в глубокие тарелки, залил сливками, вручил Мише столовую ложку и первым принялся уничтожать ягоды.

— За сервировку не осудите! — засмеялась Мария Николаевна. — Сегодня я не вмешиваюсь в хозяйство: в школе экзамены, я немного устаю!

Соловьев вдруг поймал себя на мысли, что он смотрит в лицо Марии Николаевны, не испытывая более тягостного чувства страха и жалости.

— Толя, это тебе! — Мария Николаевна протянула мужу свою тарелку. — Мне что-то больше не хочется!

— М-да! — сказал Ворошин, с сожалением косясь на почти полную тарелку Марии Николаевны. — Плохо вы знаете своего мужа! Вырвать из рук женщины последнюю в сезоне клубнику? Поступок низкий! Давай, в холодильник поставлю, после съешь...

— Ну, как хочешь, благородный Ворошин! — засмеялась Мария Николаевна. — Тогда вот что, забирай велосипед и иди слесарничать во двор. А мы с товарищем поговорим о наших делах. Нет, нет, в коридоре нельзя, опять испачкаешь маслом паркет и Франциска Львовна будет сердиться...

Миша с благодарностью взглянул на Марию Николаевну. Ворошин ушел, прижимая к груди тарелку с ягодами. Загремела цепочка на входных дверях, и вскоре Соловьев увидел его

внизу, на плитах двора, где он расположился около распростертого велосипеда с непосредственностью южанина, для которого дом простирается далеко за порогом.

— Что с вами стряслось, товарищ Соловьев? — неожиданно спросила Мария Николаевна, прикладывая руку к горячим каменным перилам балкона. — У вас беда?

— Да, Мария Николаевна! — неожиданно для самого себя тихо ответил Соловьев и впервые за последние дни глубоко и легко вздохнул. — Большая беда. Только рассказать вам о ней я не могу. Нас здесь никто не услышит?

— Идите в комнату.

Мария Николаевна встала и прошла в комнату. Она села на диван, перебросила Мише подушку и сама облокотилась на валик, расправив складки своего широкого белого платья.

— Мария Николаевна, я ведь не учитель, я работник органов госбезопасности, — заговорил Миша, с трудом отрываясь от ощущения покоя, отдыха, неожиданно пришедшего к нему в этой прохладной, уютной, большой комнате. — Мария Николаевна, у вас хорошо, и, вероятно, это далось нелегко. А я должен вернуть вас на время к вещам тяжелым.

— Ну что ж, — тихо отозвалась Мария Николаевна, — если нужно...

— В сорок пятом году, в августе, вы находились в Германии. На вас напали. Мне нужно знать все о человеке...

Дверь скрипнула и открылась. Мария Николаевна сделала поспешное движение вперед всем телом и даже руки протянула, как бы пытаясь помешать войти маленькой девочке лет четырех.

— Толя! — громко позвала Дорохова, и тотчас же снизу донесся голос Ворошина.

— Ау, Машуня?

— Толя, возьми Настеньку!

— Дочка ваша? — спросил Соловьев, с удовольствием разглядывая девчурку, толстенькую, озабоченную, с такими же веселыми и черными глазами, как у отца.

— Да, это Настенька. Она играла с девочкой соседки. Нет, дочка, ко мне сейчас нельзя! Я занята. Тебя возьмет с собой папа, вы вместе будете чинить велосипед!

Девочка выдвинула вперед пухлую, покрытую золотым пушком губу, деловито набрала воздуха и завела хорошую руладу, начиная с низкой, требовательной нотки, последовательно проходя все тональности вплоть до верхнего «ре». Но она не успела закончить, смуглые сильные руки подхватили ее, подняли в воздух, дверь закрылась и рулада стихла в коридоре.

— Очень тяжело расстраивать вас, Мария Николаевна! — снова заговорил Миша. — Но поверьте, если бы не нужда, я бы не приехал!

Некоторое время Мария Николаевна собиралась с мыслями... Потом устало вздохнула и кивнула, как бы соглашаясь. Соловьев поспешно раскрыл записную книжку, готовясь делать необходимые заметки.

— Что знаю — расскажу! — сказала Мария Николаевна. — Неужели этот человек жив? Это большое несчастье! Сколько зла успел он натворить с тех пор? Плохие люди хуже волков... Нет, нет, вы курите, пожалуйста. Меня это не беспокоит. Сейчас я вам все расскажу...

А если я что лишнее расскажу, вы меня остановите... Только, для того чтобы понять этого человека, надо многое знать! Вот надо рассказать вам о Сошновске. Конечно, ведь там, собственно, все и началось... Нет, что вы, я себя хорошо чувствую... Сейчас одышка пройдет. Это иногда бывает, это не страшно... Так я буду рассказывать, а вы все подробно запишите. Я понимаю, надо. Хорошо, что вы приехали...

«Мой отец, товарищ Соловьев, был шофером, человеком добрым и легкомысленным. Больше всего на свете он любил дальние рейсы и веселые компании. Он купил патефон и собрал больше тысячи пластинок. Я сделала ему каталог пластинок, и за это он купил мне новые туфли на белой каучуковой подошве. Первая красивая вещь, принадлежавшая мне. Помню, ложась спать, я взяла их с собой в постель.

Первое, что сделали немцы, заняв наш городок, — расстреляли восемьдесят два человека из городского партийного актива и открыли в клубе железнодорожников кафе-бар с веселыми девушками и отдельными кабинетами. Людей расстреливали ночью и говорили об этом шепотом. Бар гремел на весь городок и не закрывался круглые сутки.

Моему отцу бар понравился. Мать в семье голоса не имела, она, как всегда, боялась, что в одну из поездок отец встретит еще более злобивую, любящую женщину, чем она, и бросит нас. Со времени прихода немцев она находилась в состоянии непрерывного страха за меня, потому что в городе упорно держался

слух, что немцы заберут всех девушек: самых красивых пошлют в бар, остальных — на работу в Германию. Как всякая мать, она считала меня красивой и боялась. Кроме того, перед приходом немцев во время бомбежки маму контузило и она иногда вела себя странно. Она умерла хорошо. Вышла за щепками во двор, присела на крыльцо, сказала: «Машенька, отец...» — и умерла, говорили, от разрыва сердца.

Мне было тогда четырнадцать лет. Школа закрылась, я отсиживалась дома. Отца мобилизовали возить немецкие грузы. Однажды он выпил лишнее, что-то перепутал и нагрубил немцу. Случилось это во дворе автобазы, при народе. Отца раздели и выпороли на глазах у толпы.

Всю ночь отца колотило от боли и злости. К нему зашел товарищ. Он убеждал, что отец отделался даром, немцы за меньшее расстреливали. Отец бился головой о спинку кровати и ругался страшными словами. Под утро он выпил всю водку, оставшуюся в доме, и сказал мне:

— Я, дочка, конечно, не сахар. Но холуем не был и не стану! Я ухожу в одно место, в лес, где люди посвободнее живут, а ты царапайся сама, как можешь. Прибейся к тете Поле и живи, она добрая.

Теперь я понимаю, он был лишен отцовских чувств. Я связывала его, и он, не задумываясь, бросил меня, как котенка, на добрых людей. Тогда я очень обижалась, плакала и представляла себе, как мы с ним опять встретимся и я ему все выскажу. Позже мне рассказали, что он

погиб в партизанском отряде, в первом бою, схватившись врукопашную с гитлеровцами.

Да... отец ушел в лес, а я меняла вещи, на картошку и вечерами сидела без огня, потому что «на огонек» заходили гитлеровцы.

У меня был знакомый мальчик Гена Волков. Он учился в школе классом старше, не боялся купаться под мостом, где было самое сильное течение, и сам выдумывал длинные истории о приключениях разных людей, и они мне казались лучше всяких книг. Мы дружили, и я с некоторых пор стала замечать, что у Гены появился от меня секрет. Я догадывалась, в чем дело: партизаны осмелели в нашем районе, и гитлеровцы по вечерам боялись нос на улицу показывать, а начальство у них разъезжало только в бронированных машинах. Я сказала как-то: «Гена, неужели ты меня не возьмешь помогать партизанам?» Он объяснил, что помочь мне не может, сам только помогает кое-кому, да и потом он сказал, что я в такие дела не гожусь, характер у меня очень мягкий. Ну что ж, я постеснялась настаивать, хотя мне очень хотелось помогать партизанам.

Вскоре я попала в облаву на рынке. В комендатуре немец во время обыска обошелся со мной нахально, и я вцепилась ему ногтями в лицо. Полгода меня держали в тюрьме на Забродинке, в подвале, где гнилая вода стояла почти до колен. Среди заключенных был один дедушка из поселка, Федор Иванович. Гитлеровцы забрали его на огородах, он прошлогоднюю картошку копал, ну они и посекали старика лопатой. Раны у Федора Ивановича не заживали, перевязывать было нечем, а умирать старику не хотелось. Очень он просил по ночам

с ним разговаривать, только у нас заключенные были тяжелые, все больше смертники, и люди не хотели беречь себя разговорами, молчали и ждали либо случая бежать, либо своего часа. А еще, конечно, запах шел тяжелый от дедушки, и сидеть с ним рядом было невозможно. Но я вскоре привыкла, раны ему обчищала, переворачивала раза три в день, чтоб тело не мертвело. А по ночам он мне свою жизнь рассказывал. Он работал театральным парикмахером и много видел интересного...

При гестапо был отдел по борьбе с партизанами, и в этом проклятом отделе находился русский, по прозвищу «Жаба»; фамилии его никто не знал.

Что сказать вам об этом человеке? С девяти утра до часу дня он допрашивал. Потом обедал и спал. Вечером играл на бильярде в баре и там же напивался к трем часам утра. Солдат-порученец привозил его домой за-мертво.

Жабу в городе ненавидели страшной ненавистью и несколько раз пытались убить, только он, как зверь, чуял покушение и уходил с опасного места в самую последнюю минуту.

Он был не просто жестоким человеком. Ведь, товарищ Соловьев, даже у самого жестокого имеется своя, пусть мерзкая, но логика — злится и мучает. Жаба никогда не злился. Он мучил спокойно и по какому-то, одному ему понятному, выбору. Бывало арестует человека, который и близко к партизанам не подходил, иногда даже прохвоста какого-нибудь выглядит и, не торопясь, потихонечку замучает на допросах. Даже сами гитлеровцы не любили его и боялись, ходили слухи, что он никому из

них не подчинен и связан с каким-то очень высоким начальством.

Вот так ни с того ни с сего замучил дедушку Федора Ивановича. А потом вызвал меня. Внешне каков он был? Хорошо, я вам его опишу. Почему он оставил меня в живых? До сих пор не понимаю. А оставил. Даже из тюрьмы велел выбросить.

Меня привели к нему рано утром, часов около девяти. Охрана ушла, на его допросах никто никогда не присутствовал. В кабинете были серые стены и сильно пахло карболкой, табаком и спиртным перегаром — могильный запах. Посередине кабинета стоял человек лет тридцати шести, высокий, худой, жилистый, с очень широкими плечами и узкими бедрами. Может быть, он был пьян, может, болен, только глаза у него были бесцветные и почти не отражали света. Брови, густые, светлые, сходились на переносице, и от них тянулся к губам тонкий, длинный нос с плоским мясистым кончиком. Он стоял, обхватив себя за плечи руками, и трусился мелко-мелко, — видно, его крепко знобило.

Он долго меня не замечал, а когда от напряжения у меня в коленке косточка хрустнула, дернулся и спросил, знаю ли я, что мой дед подох? Я поняла, что он спрашивал про Федора Ивановича, и объяснила, как было дело. Он еще раз переспросил, действительно ли я не внучка ему, а потом спросил: «Где сейчас Федор Федорович Гордин?» — Я говорю — не знаю и никогда о таком не слышала. Он позвал солдата и велел выбросить меня из тюрьмы. Я с ним говорила спокойно оттого, что убеждена была в своей смерти. А когда меня

выгнали из тюрьмы, я долго не уходила от ворот, все боялась... Все казалось, что опять схватят, арестуют и тогда уже конец...

Несколько дней я была очень счастливая. Отмылась, выспалась, к свету привыкла. Потом прибежал Гена и сказал, что Лену Жевакину угоняют с другими девушками в Германию, а Лена — нужный человек, выполняет ответственные поручения. Гена спросил, не поменяюсь ли я с Леной, есть возможность сговориться с гитлеровским уполномоченным за большую взятку. Если я согласна, надо сейчас же идти на вербовочный пункт, а Лена останется и будет продолжать работу. «А ты все равно без толку сидишь, — сказал он. — У тебя характер тихий...» Я сказала — ладно. Всю ночь проплакала, вещи, которые сохранились, тете Поле отдала, а утром пошла с Геней на вербовку. Сначала немец вынес мне пальто Лены и платок, я надела, а свое отдала немцу, и он ушел, а потом пришла Лена, и солдат толкнул меня за проволоку. Я даже попрощаться не успела, Лена ушла с Геней. А меня отвели в отделение к девочкам.

Когда нас увозили на вокзал, мне все хотелось дом свой увидеть на прощанье, но шел дождь, и я ничего не увидела, да и брезент на грузовике был наглухо застегнут. Погрузили нас, как телят, — в товарный, без печки, без нар — и повезли. С крыши течет, колеса стучат, а девочки плачут и поют: «Прощайте, мама, вас я не увижу, прощай, моя родимая земля. Страна Германия, тебя я ненавижу, девчонку русскую покорить нельзя!» Самодельная песня, а мы ее часто пели.

В Германии я сначала работала у бауэра, в деревне, а потом меня бауэр отослал, потому что я носила продукты нашим военнопленным, близко был лагерь. За это полагался расстрел, продукты мы воровали, но ведь нельзя же дать пропасть своим людям? Так что я еще дешево отделалась.

Из лагерного распределителя меня направили на химический завод, и вот там я начала сдавать. Кашляла, волосы выпадали, ногти слезали, зубы расшатались. Если бы наши пришли на месяц позже, я бы пропала, — так доктор сказал.

Про то, как мы наших встречали, говорить не буду, это дело известное. Нас, русских девушек, собрали всех вместе, стали лечить и отправлять на Родину.

Однажды я с подругами пошла в город и встретила Жабу. Он стоял с нашими офицерами и смеялся, рассказывал им что-то. Так хорошо, так дружно они стояли, и вот это меня больше всего испугало!.. Теперь подумайте, что он за человек! Он меня видел один раз в жизни. Какие-нибудь двадцать минут, да и выглядела я тогда иначе, совсем девчонкой была... Но запомнил! Как увидел, перестал смеяться, простился с офицерами и пошел прочь...

Товарищ Соловьев, какая же я была глупая! Мне бы объяснить офицерам, они бы сами... А я кинулась его догонять! Он не бежал, шел и вроде спокойно, но так быстро, что я бегом не успевала. Один раз упала, туфлю потеряла... Наконец нагнала! И навстречу вышел офицер, такой толстенький, с добрым лицом, танкист. Я ему закричать хотела, но в это время поравнялась с Жабой...

Больше я, товарищ Соловьев, ничего не помню...

Сейчас я закончу. Ничего, я отдышусь, это у меня бывает...

Да, очнулась я уже в палате... Долго болела. Одиннадцать раз оперировали. Все надеялись хотя бы частично зрение сохранить. И немножко сохранить лицо.

Однажды хирург Андрей Севастьянович присел ко мне на постель пьяненький, обнял и сказал: «Маша, Маша, прости, ничего я тебе больше не могу сделать. Сапожник я, а не хирург!» И заплакал.

Когда поправилась немного, меня повезли в Москву, а уже из Москвы — в Одессу, к профессору Филатову, все хотели зрение вернуть. Учиться я начала еще в Германии, на слух, за седьмой и восьмой классы. Андрей Севастьянович иногда читал, иногда сестры, больные тоже, кто свободен, приходят и говорят: «Давай, Маша, почитаю». Сдала в Москве за десятилетку, поступила в заочный педагогический институт. И все было ничего. А вот в Одессе стало худо на душе. Филатов посмотрел, говорит: «Девушка, не надо от человека ждать больше, чем он может! Я не святой дух. Пока ничего сделать не могу...» Вот когда я почувствовала, как сильна была во мне надежда поправиться! Надо жить, перестраиваться на положение настоящей слепой, а у меня руки опустились. Остался год до окончания института — я учебу бросила. И знаете, товарищ Соловьев, страшное ощущение было, как будто я не только слепая, но и глухая к тому же! Не слышу людей, не могу звуки разделить, все сливается в грохот, все машины летят на меня.

Начала учиться улицы переходить с палочкой—не получается! Стыдно, страшно просить, чтоб перевели. Люди, жизнь — все мимо меня, как река, и я за течением уже не успеваю! Видите ли, тут еще, конечно, была причина: в зеркало я посмотреть не могла, но руками свое новое лицо хорошо изучила и понимала, каково людям на меня смотреть.

Однажды стою вот так на углу, мучусь и чувствую, кто-то взял под руку и повел на другую сторону улицы... Я поблагодарила и опять остановилась. Слышу тот же человек снова подходит и спрашивает: «Вы что, не умеете еще одна ходить?» Это был Анатолий Васильевич. Он меня повел в клинику. По дороге мы разговорились, я кое-что рассказала. Он тогда очень хорошо со мной поговорил. «Переживаете вы,— говорит, — Маша, законно. Горе у вас огромное. А жить надо. Учение бросать вам невозможно, потому что связь с людьми только через труд бывает. А без людей вы пропадете. Как ни тяжело — кончайте институт...» На меня его слова хорошо подействовали. Первое время он приходил редко, из жалости навещал. Ну, а потом чаще стал бывать. Настало время мне выписываться из клиники, а идти некуда. Я решила уехать потихоньку, чтоб не связывать своим горем Анатолия Васильевича. Мне дали пенсию, я уже договорилась с нянечкой, чтобы она мне чемодан купила, билет домой, в Сосновск, продукты на дорогу и проводила на поезд. К вечеру пришел Анатолий Васильевич и забрал меня из клиники. Привез сюда, говорит: «Маша, живите сколько хотите. Кончайте институт, сил наберитесь. Там посмотрим, как ваша жизнь сложится. Меня вы не

стесните, я все равно больше на корабле нахожусь». Так мы прожили еще полгода. Когда его мать узнала, что он на мне женился, приехала из Ростова и на коленях перед ним при мне стояла, плакала, чтобы он отступился от меня. Да. Меня прокляла. И уехала обратно в Ростов. Так и не помирилась с нами до сих пор, даже внучку не хочет видеть... Ну, да это я вам все уже лишнее рассказываю...»

Несколько раз повторила Мария Николаевна подробности своих встреч с Жабой. Соловьев шифровкой стенографировал необходимое.

В дверях показался капитан. Он подошел, глянул на капельки пота, облотившие лицо жены, на ее руки и хмуро покосился на Соловьева.

— А ты здорово устала, Машуня! — сказал он и распахнул двери на балкон. Только сейчас Соловьев заметил, что в комнате висит облако табачного дыма, а свет за окном стал оранжевым. Дело шло к вечеру.

— Ребята приходили, рыбу какую-то притащили тебе показывать, но я отослал... Обедать пора, Машуня...

Мария Николаевна молчала. Вся она как-то сжалась и ушла в складки своего широкого белого платья.

Соловьев поспешно встал.

— Простите, Мария Николаевна, и вы, Анатолий Васильевич, что задержал... Нет, спасибо, обедать не могу остаться, дела. Большое спасибо за внимание и помощь.

Он пожал руку Марии Николаевны и с болью подосадовал на себя, — такой горячей и сухой была ее рука.

Капитан проводил Соловьева до ворот.

— Мария Николаевна плохо чувствует себя, — виновато сказал Соловьев, останавливаясь, чтобы проститься с капитаном. — Идите к ней! До свидания и спасибо, Анатолий Васильевич!

— Ничего! — улыбнулся капитан Ворошин, с привычной осторожностью пожимая своей огромной смуглой ручищей руку Миши. — Дочку ей подкину — все пройдет! Еще раз приедете в Одессу — заходите.

Миша ушел. Некоторое время капитан стоял хмуро, сосредоточенно глядя ему вслед, потом повернулся и пошел домой. Выйдя из-под темной арки ворот, он остановился и несколько мгновений стоял посреди двора, глядя на балкон, где стояла женщина в белом и тонкими золотисто-смуглыми руками прижимала к груди голенького ребенка.

Что-то с силой, мягко толкнуло в грудь капитана, и он опять — в который раз — испытал тот высокий душевный подъем, чувство, обостряющее в душе его все лучшее, сильное, умное, — чувство, которое за всю его жизнь, богатую людьми и событиями, помогла узнать только Маша и без которого он уже не умел, не мог приближаться к женщине.

Примерно в то же самое время, когда шифрованное донесение Миши Соловьева пришло по телеграфу из Одессы в Москву, в пригороде Берлина шел дождь.

Два человека торопливо направлялись из сада на террасу маленького каменного особняка. За домом женщины с веселыми криками поспешно снимали белье с веревок. Дождь шел

отвесный, крупный, с мутным стекляннным отливом.

На террасе было сумрачно и пахло резедой.

— Прошу садиться, господин майор! Продолжим нашу беседу здесь... — предложил хозяин и выдвинул навстречу кресло, плетенное из белой и красной соломы.

Женщины вбежали в дом. Капли дождя со свистом ударялись о листву винограда, обвиняющего террасу. Хозяин дома ходил по террасе, перекатывая в пальцах длинную черную сигару. У хозяина дома был странный облик — он был худой, но в то же время при взгляде на него чувствовалось, что каждая мышца его тела тренирована и полна сил. Невысокий, в старомодном длинном и широком сюртуке, по-юношески коротко остриженный, он двигался порывисто. Возраст его не поддавался определению, хотя именно этим занимался сейчас гость, советский майор органов госбезопасности. Майор давно и много знал о Гейнце Штарке, но встретился с ним впервые.

3 марта 1943 года в одном из городов Советского Союза в четырнадцать часов Штарке подошел к первому встречному, оказавшемуся начальником сборочного цеха, и сказал на отличном русском языке:

— Гитлер — психопат и предатель. Остальные наши «деятели» — ублюдки и предатели. Германия погибает, господа надо что-то делать, пока не поздно. Будьте добры, немедленно передайте меня в руки ваших властей, я постараюсь хоть чем-нибудь помочь моим несчастным соотечественникам. Я профессиональный разведчик с большим стажем.

Это происходило в далеком тыловом городе, и начальник цеха принял Штарке за сумасшедшего. Он прошел мимо, но через несколько минут вернулся и для очистки совести, на всякий случай, отвел Штарке к ближайшему милиционеру. В отделении милиции Штарке разложил перед начальником набор документов и сказал:

— Все они «липовые», как у вас говорят. Настоящее мое имя, на которое, кстати сказать, у меня никогда не было документов, — Гейнце Штарке. Почему я поднимаю руки? Видите ли, господин начальник милиции, в вашей стране я убедился в одном: человек может существовать без войн. Опыт содружества наций в вашей государственной системе это доказал. Больше того, при вашей государственной системе война не выгодна ни человеку, ни государству. Значит, в мире происходит чудовищная, преступная неадекватность. Я не могу больше в ней участвовать. Все. Будьте добры немедленно сообщить обо мне в Москву, я еще пригожусь. Я асс — разведчик международного класса!

Последующие события несколько охладили энергию Штарке. В Москве ему объяснили, что он не «герой», а преступник, заявивший о своих преступлениях. Штарке подал заявление с просьбой позволить ему искупить свои преступления на фронте борьбы с фашизмом. Суд учел заявление Штарке, и действительно, все оставшееся до победы два года Штарке честно сражался на тех участках фронта, куда его направляли немецкие организации сопротивления фашизму.

Вскоре после конца войны тяжелое сердечное заболевание заставило Штарке уйти на покой.

Недавно Штарке исполнилось семьдесят два года, но майор колебался в фантастических пределах между тридцатью пятью и шестюдесятью. Лицо без морщин. Горячие, молодые глаза, пепельно-серые волосы без седины и без блеска, легкие движения, чистый звучный голос. Сорок шесть?

— Вы называете это сохранением принципов международной солидарности? — сердито говорил Штарке, размахивая сигарой. — Я квалифицирую ваш поступок как легкомыслие, недопустимое в деле защиты мира. Зачем понадобилось отдавать его союзникам? Надо было самим судить подлеца!

— Принцип международной солидарности, господин Штарке, основан на точном выполнении юридических обязательств! — терпеливо отвечал майор, с интересом следя за энергичными движениями Штарке. — Я с вами совершенно откровенен, господин Штарке, — продолжал он. — Я не знаю, чем вызван интерес руководства к фигуре Жабы-Горелла, под последним именем он фигурирует в берлинских данных. Я только что получил срочное указание связаться с вами и выяснить, не знакомы ли вам эти имена. Теперь о нашем «легкомыслии». Я не оправдываюсь, это ненужно, я объясняю. Как вы уже знаете, Горелл напал в Мюнстенберге на русскую девушку Машу Дорохову. Судя по нашим данным, в тот момент, когда он был задержан советским патрулем, его опознал представитель разведки союзников; по документам же видно, что на другой день Гореллу, находящемуся под стражей в совет-

ской комендатуре, были предъявлены тягчайшие обвинения в физическом уничтожении целой группы пленных американских летчиков. Кроме того, союзники представили документальные данные о том, что Жаба не русский, как заявляет Дорохова, а француз по происхождению, родился в Берлине, носит имя Стефена Горелла. Известно, что в 1932 году он переменял подданство.

— А, боже мой! — лицо Штарке почернело от прилива крови. — Неужели вы верите всей этой чепухе?

— Видите ли, господин Штарке! Какие бы сомнения ни возникали у нас, мы всегда считаемся с фактами. Союзники представили юридическую документацию, живых свидетелей. Проверка показала, что на нашей территории Стефен Горелл как разведчик неизвестен. А союзники располагали официальным обвинением. У нас не было оснований препятствовать совершению правосудия. Мы официально передали Горелла суду союзников. Они судили его и казнили 11 октября 1945 года. В прессе были помещены подробные отчеты о процессе и казни...

— А! «Отчеты!»

— Господин Штарке, мы вправе сомневаться, но мы обязаны уважать законные действия любой страны, — с легким оттенком раздражения повторил майор. — Сейчас надо уточнить одно: знаете ли вы Стефена Горелла?

— Беда в том, — выкрикнул Штарке, — что в период с 1936 по 1943 год я не занимался организацией, меня мотало по всему свету. И я слабо знаю новых людей. Горелл? Имя для меня мертво.

На террасу вышла старуха с подносом в руках, в старомодном лиловом капотике. Она поставила поднос на низкий плетеный стол и принялась расставлять перед майором серебряные вазочки со льдом и печеньем, кувшин с фруктовым соком, бутылку рейнвейна и бокалы.

— Познакомьтесь! — буркнул Штарке, садясь верхом на перила террасы. — Моя супруга, фрау Этель Гейнце Штарке. Ну, что ты на меня уставилась, Этель? Я не волнуюсь. Я просто громко говорю. Уходи, у нас дела...

Майор встал и поклонился, но Этель Штарке, едва ответив на его поклон, умоляюще посмотрела на мужа и молча пошла к дверям.

«Да, — подумал майор. — Ему не меньше семидесяти, потому что ей больше!»

— До сих пор не верит, что я дома! — фыркнул Штарке, разглядывая пепел на кончике сигары. — Да, что ж поделаешь. Я не надоел ей за пятьдесят один год супружества. Недавно мы подсчитали, в общей сложности мы были вместе пять лет и три месяца... Вы женаты?

— Да! — неохотно произнес майор, глядя на дверь. — Значит, Горелл вам не известен? Жаль. Ваше здоровье, господин Штарке.

Они сидели около полутора часов, беседуя о достоинствах старой китайской бронзы, в которой Штарке знал толк. Он притащил на террасу каталоги, фотографии, несколько экземпляров действительно чудесной скульптуры. Поверхность бронзы была смугла и тепла на глаз, как тело, и краски эмали, насчитывающие два тысячелетия, не утратили свежести.

— Я могу кое-где попробовать реакцию на это имя! — небрежно сказал Штарке, протягивая майору статуэтку монаха, сидящего на че-

репахе и перелистывающего толстую книгу. — Да. Это возможно. Сегодня же. Обратите внимание на детали панцыря черепахи... А в книге триста страниц. Все покрыты иероглифами и рисунками. Ее можно читать, и я иногда этим занимаюсь.

— Действительно, бронзовые листы не толще папиросной бумаги... — сказал майор, рассматривая в лупу листы книги на коленях монаха. — Необыкновенный экземпляр! Я, господин Штарке, не уполномочен давать вам поручения! — четко сказал майор, бережно опуская статуэтку на стол. — В наших отношениях должна быть абсолютная ясность. Кроме того, как вы знаете, мы все делаем для себя сами. Словом, благодарю за гостеприимство! Спешу сообщить ваш ответ руководству, поэтому вынужден прервать нашу интересную беседу.

Майор встал. Штарке пристально рассматривал своего гостя. Аккуратненький, старательный, молодой, невозмутимый... Чувство, похожее на свежую ссадину где-то в дальней складочке души, вытеснило хорошее настроение, вернувшееся к Штарке в последние полтора часа.

Зависть! Да, он завидовал майору. Завидовал его молодости, здоровью, спокойствию... Сколько он может сделать! Сколько он сделает! Все то, что не сумел Штарке! Все, что не досталось Штарке, будет принадлежать этому плотному крепышу с чистыми карими глазами! Штарке поежился, стыдясь своих мыслей, и быстро пошел вперед по дорожке сада.

Он проводил майора до калитки и долго стоял, глядя ему вслед, посасывая горький окурок сигары и борясь с унижающим, тяж-

ким чувством — завистью, которое, как он это хорошо понимал, приходит только к тем людям, жизнь которых определенно не удалась.

— Ну что ж, всему свое время! — проворчал он, сплевывая горькую слюну. — В его годы я тоже не сидел дома...

И устало направился к террасе.

Полковник Смирнов вышел из подъезда Комитета и направился вниз, по Кузнецкому мосту к Петровке. Он шел не торопясь, точно гуляя, часто останавливаясь у витрин. Он любил думать на людях. Ему помогали вещи, лица, голоса. Что бы ни происходило в душевных подпольях отдельных людей, жизнь народа, озабоченная, веселая, требовательная, шла вперед своим чередом, служить ей было радостно и необходимо. Это чувство всегда помогало Смирнову.

Теперь, рассматривая чучела птиц в витрине зоомагазина, Смирнов мысленно вел старый спор с интуицией.

Охрана государственной безопасности — труд чрезвычайно сложный, и у каждого разведчика есть его вернейший помощник и в то же время опаснейший враг-provokator — интуиция.

Вот уже несколько суток интуиция Смирнова кричала ему, что Горелл — вполне реальная фигура.

Факты — вот что должно являться основой разработки всякого дела. Мало фактов в деле Горелла! Они хрупки и условны.

Ведь могло быть и так: Окунев ошибся. Человек, к которому он ринулся на стадионе, был на самом деле не Горелл, а, скажем, Иванов,

пригласивший на матч чужую жену. Во избежание скандала Иванов ретировался. Он мог быть также карманным воров... Дальше. За машиной Соловьева проскочил светофор неопытный любитель. Очень важно выяснить, зафиксирован ли номер нарушителя. Простая справка, а возьмется вторые сутки...

Дальше. Утром, направляясь на работу, Окунев мог столкнуться в подворотне с грабителями. Либо на него напали, либо он кого-нибудь защищал. А Уголовный розыск, как назло, тянет с ответом. Смирнов в тот же день запросил, не зафиксированы ли в настоящее время случаи нападений на граждан в ранние утренние часы. Если таковые зафиксированы — этот факт ослаблен.

Штарке ничего не знает о Горелле. Весьма серьезное обстоятельство. Значит, до 1943 года Горелл не был крупным разведчиком.

Девочка в красном пальто вышла из зоомагазина. Кто-то ее толкнул, и из рук девочки посыпались пакеты. Она стояла, растерявшись, по-птичь поджав ногу, а Смирнов аккуратно собрал свертки с крупой и маслом и помог ей соорудить из старой газеты и обрывка бечевки пакет.

— Спасибо большое, — застенчиво сказала девочка, обхватывая пакет двумя руками.

— Ничего. Это ничего, — пробормотал Смирнов. — Беги скорей домой — мама ждет! — сказал он девочке и побрел дальше.

Надо было решить: приступить ли к разработке дела Горелла либо отложить ее до возникновения новых, реальных фактов.

— Легко сказать — отложить! Каждый день,

проведенный Гореллом на нашей земле, приносит несчастье.

И еще, интуиция с утомительной настойчивостью подсказывала Смирнову — Горелл не из числа тех, кто болтается в коктейль-холле и вытягивает из пьяных все, что хоть отдаленно напоминает информацию... Надо решать!

Да, легко сказать, приступить к разработке! У контрразведчиков никогда не бывает мало работы, потому что мир пока еще разделен на две группы людей: тех, кому не нужна война, и тех, кто ее добивается. Начать новое дело означает поднять тонны справочного материала, приобщить новых людей, собрать мельчайшие крохи сведений, иногда в десятках стран. Стоит ли?

Контрразведчик привык смотреть на вещи трезво. Наивно предполагать, что аппарат контрразведки противника глух, глуп и слеп. Они также кое-что умеют делать! Что стоит за Гореллом? Новый вражеский разведчик на территории — это всегда новая группа вопросов или новый поворот старых. Какую еще авантюру врагов мира он подготавливает? Куда направлен удар? Какой жизненно важный участок в стране находится сейчас под ударом?

Смирнов почувствовал голод. Он посмотрел на часы — оказалось, что он блуждает уже больше двух часов. Он огляделся и нашел себя на Ленинградском шоссе.

«Позвоню в отдел, если новостей нет, поеду обедать!» — решил Смирнов и направился к станции метро.

Капитан Захаров ответил по телефону, что, пожалуй, есть смысл встретиться до обеда.

В отделе Захаров с непроницаемым лицом положил перед полковником несколько листов бумаги.

— Под светофором зафиксирована только наша машина, — сказал Захаров. — Утверждают, что не было второй... Из-за этого и задержали ответ, все проверяли...

Смирнов закурил и отложил листок. От раздражения, похожего на озноб, он передернул плечами. Вот, вот, начинается... Уже обсуждается в Управлении Оруда, может быть даже в гаражах, запрос о второй машине... Кто может знать, что эта информация не будет подхвачена врагом? Не Горелл, конечно, но мелкий шпион принесет эту информацию более крупному «сборщику», тот упомянет о ней в отчете, отчет попадет в руки шпика с дипломатическим паспортом, он немедленно передаст по назначению, там материал будет тщательно проанализирован, разведчика предупредят, что у него на хвосте повисли советские контрразведчики.

— Выходит второй машины действительно не было! — сердито ответил полковник. — Что там еще? Давайте посмотрим.

Далее обстоятельно перечислялись случаи воровства ранним утром. С грузовика похищен ящик апельсинов. Украден ковер, повешенный для просушки во дворе. Около очереди, ожидающей открытия молочной, задержан карманый вор. С окна первого этажа сняли щенка охотничьей породы... И еще множество подобных фактов с датами, цифрами, адресами.

— М-да... — угрюмо вздохнул Смирнов, не думая уже о том, что и по поводу этого за-

проса могли быть разговоры, обобщения, догадки...

Если бы люди только знали, какой страшный вред может иногда причинить пустейшая фраза, сказанная без всякого плохого умысла.

— Небогато! Зря мы с вами, Алексей Данилович, людей тревожили...

— Ну, как сказать! — невесело пошутил Захаров. — По крайней мере я теперь знаю, что щенят нельзя на подоконник сажать!

— А может быть, все-таки еще раз поднять архивы?

— Бесплезно, товарищ полковник! — уныло ответил Захаров. — Нет в наших данных имени «Горелл»! Я до двадцатого года просмотрел, глубже возраст не выдержит...

Раздался стук в дверь, и на пороге показался Миша Соловьев.

— Прибыли? — спокойно встретил его Захаров, так, словно Миша не в Одессу летал, а ходил купить папирос. — Сдавайте документы по командировке и отправляйтесь снова в распоряжение капитана Берестова.

— Разве я... — Миша спохватился и умолк, взглянул с отчаянием на полковника, раскрыл рот, но не издал ни звука, покраснел и снова взглянул на полковника.

Смирнов с Захаровым молчали, и Миша сделал еще одну бесполезную, наивную попытку.

— Я думал... товарищ полковник, разрешите обратиться! Я думал, что меня уже подключат к этому делу! Я прошу вас, товарищ полковник! Ведь я должен оправдать... Я...

Захаров отвернулся и, точно не слыша Соловьева, направился в коридор. Смирнов оглядел Соловьева и спросил:

— Младший лейтенант Соловьев, что с вами? В каком вы виде?

— Я? — переспросил Миша упавшим голосом. — Извините, товарищ полковник... А что?

— Если вы надеваете штатское платье, умеете носить его! Ваш пиджак измят! Рубашка несвежа! Вы похожи на загулявшего командировочного!

— Я только что с аэродрома, товарищ полковник! — сказал сквозь зубы Миша, чувствуя, что у него даже в носу щиплет от обиды.

— А была необходимость являться в отдел прямо с аэродрома? Или вы могли заехать домой, принять ванну, вымыть, например, голову, которой вам давно пора заняться? И уже тогда являться с рапортом!

— Я мог заехать домой, товарищ полковник!

— Почему же вы этого не сделали? — с отвратительным спокойствием, даже с добродушием спросил Смирнов. — Вы свободны, младший лейтенант.

Выйдя в коридор, Миша набрал воздуха и глубоко вздохнул. «Ни слова!.. Он ни слова не спросил о том, как я съездил! Я не смог даже рассказать о Марии Николаевне! Потом... потом — это уже будет не то! Ни слова!.. Ехать сейчас домой! — мысленно негодовал Миша, спускаясь по лестнице к подъезду. — Поступить в распоряжение капитана Берестова, который опять засадит за канцелярщину! Быть отстраненным от дела Горелла? А если я слово дал отомстить за Бориса Владимировича? Если обязан? Ехать мыть голову в то время, как Смирнов, и Захаров, и, наверное, другие занимаются боевой работой!»

— Пропуск! — резко сказал часовой.

— Ну вот он, пропуск! — разъяренно ответил Миша. Часовой холодно посмотрел на документ, на Мишу и сделал легкое движение головой к дверям.

— Проходите!

— Ну прохожу...

Через минуту Соловьев шел к остановке троллейбуса.

От душевного подъема, с которым он спешил в Москву, не осталось и следа.

Перед рассветом, когда дети и счастливые люди спят особенно крепко, в стекло окна спальни госпожи Штарке ударился маленький камушек.

Этель Штарке умела просыпаться от ничтожнейших звуков. Она села на постели, провела ладонями по лицу, и пальцы ее стали влажными от пота.

Проснувшись окончательно, она сообразила, что убийца не стал бы предупреждать о приходе, и перевела дыхание.

— Гейнце! — спокойно окликнула Этель, сядя на край постели и отыскивая ногами на коврике ночные туфли. Она знала, что Штарке стоит по другую сторону постели босой, в смятой пижаме и глядит в темноту широко раскрытыми глазами, определяя направление и характер звука, вернувшего его из сна.

— Я, муттерхен, — сейчас же ответил Штарке. — К нам стучатся, муттерхен. Сейчас я выясню, кто наш гость!

— Не подходи к окну, Штарке, я посмотрю сама! — взмолилась Этель, но Штарке усмех-

нулся коротким щелкающим смешком и побрел к окну.

Он прижался лбом к стеклу и разглядел в темноте под окном на клумбе фигуру человека без шляпы, закутанного в длинный макинтош.

— Я открою! — успокаивающе сказал он Этель. — Я знаю, кто это. Не волнуйся, спи и не вздумай выходить к нам.

Он провел гостя, не зажигая света, в темную комнату, спустил зимние плотные портьеры, не снимавшиеся на лето в доме Штарке, и зажег маленькую лампочку под глубоким бронзовым абажуром. Все это время гость стоял у дверей, засунув руки в карманы плаща и следя за Штарке сонными глазками, похожими на медвежьи.

— Если вам вздумается еще раз навестить меня ночью, ориентируйтесь на третье окно от водосточной трубы слева, — недовольно сказал Штарке. — Бог знает, что вы наделали с моими розами, у вас не ноги, а сани!

— Как поживает госпожа Этель? — вежливо осведомился гость, снимая макинтош и аккуратно складывая его на стуле.

— Она спит, и здоровье ее отлично! — буркнул Штарке. Он достал из шкафа графинчик с коньяком, два маленьких цилиндрика из толстого хрусталя, сел на диван по-турецки, поджав под себя озябшие ноги, и сразу стал похожим на старого, сердитого гнома. — Вы напрасно там вбили себе в голову, что она влияет на меня! Этель здесь ни при чем.

Без макинтоша гость оказался человеком с заметной военной выправкой и невыразительным, глухим лицом. Он подсел в кресло к дивану; оставил хрустальный цилиндрик, про-

шелся к буфету, взял стакан для воды, налил на две трети коньяком, выпил половину и закурил.

— Так хорошо живется на покое, Штарке? — осведомился он добродушно и покровительственно.

— Неплохо! — усмехнулся Штарке, оглянулся на дверь и налил себе коньяку. — Настолько неплохо, — добавил он, — что я не хочу никаких перемен.

— Чего вам хочется, мне ясно! — сказал гость, приглядываясь к Штарке. — Вы думаете, я опять пришел вас уговаривать? Ничего подобного! Я пришел потому, что вы мне нужны. Но уговаривать я не буду!

— Новый вариант? — усмехнулся Штарке. Гость допил коньяк и аккуратно отставил стакан подальше от края стола.

— Вы старый дурак, Штарке! — сказал он с сожалением. — Современный химический завод стоит несколько миллиардов. Но завод можно построить много раз. Вас не восстановишь. Вы уникальный инструмент разведки. Вот почему вы до сих пор живы и проживете еще некоторое время, если образумитесь. Пора возвращаться к нам, Гейнце.

— Бессмысленный разговор! — сердито ответил Штарке и лихо глотнул коньяк. — И напрасно вы щекочете меня комплиментами. Я не мальчик, чтоб поддаваться на эту удочку.

— Странно! — терпеливо вздохнул гость. — Вот никогда бы не подумал, что вы перестанете работать...

— Я болен! — возразил Штарке. — А если бы я был здоров, я работал бы против вас.

Слушайте, мы обо всем говорили! Ничего нового вы от меня не услышите...

— Кому вы врете? — неодобрительно покачал головой гость. — Разведчик не болеет. Разведчик только умирает. Вам хочется работать. Как хочется вам работать, Штарке! Разве вы забыли, что безделье для нас губительно? Послушайте свой голос! Последите за собой в зеркало! Вы суеитесь, дергаетесь, с другими, вероятно, много болтаете. Так всегда бывает с нами, когда мы останавливаемся. Освобождение заторможенных реакций! Может перейти в психоз, если не влезете обратно в привычные рабочие тиски. Помните Бернарда? Вам нравится умирать в сумасшедшем доме? Начинайте работать, Штарке, и все ваши болезни исчезнут сами собой...

— Нет! — упрямо сказал Штарке. — Я вам сказал. Нет!

— Гейнце, вы действительно не мальчик! Вы же знаете, что от нас не уходят! — уже серьезно сказал гость. — Вы живы до сих пор только потому, что я все еще надеюсь вернуть вас к работе. Хотя бы ненадолго.

— Но я болен. Слышите вы? — очень спокойно сказал Штарке, хотя у него набухли жилы на висках. — У меня грудная жаба. Я могу умереть в любую минуту, на задании...

— По моим сведениям, за последние два года у вас не было ни одного припадка! — заметил гость.

— Знаете что? — раздраженно сказал Штарке. — Давайте прекратим этот бессмысленный разговор. Если уж вы пришли и не даете мне спать, расскажите по крайней мере, что делается в нашем родном террариуме! Как

поживают Борделез, Шванке, Анри? Как чувствует себя Мари-Роз? — усмехаясь, спрашивал Штарке.

— Борделез процветает, он сейчас далеко. Шванке что-то не дает о себе знать, — попрежнему терпеливо сообщал гость. — Но были сигналы о том, что он балуется героином, так что может быть просто — паралич сердца. — Гость произносил все это размеренным, глуховатым, тихим голосом человека, привыкшего к тому, что его всегда внимательно слушают. Лицо его почти не меняло выражения. Кожа на лице была сухой и землисто-серой, не знающей, что такое солнце и кислород. — Ваша ученица Мари-Роз умница, хорошеет с каждым днем и радуется нас. Вот видите, значит, все-таки тянет к старым друзьям!

— Друзья? — угрюмо усмехнулся Штарке. — Каждый из них с удовольствием выкроит себе пару подметок из моей кожи! Просто — интересно.

— М-да! — суховато кивнул гость. — Вы всегда были трезвым человеком. В общем пора работать! — новым, жестким тоном, не допускающим возражения, сказал он. — Если бы мы заполучили вас в сорок четвертом году, вы были бы повешены. В сорок шестом мы очень сердились. В сорок седьмом смягчились и вспомнили ваши достоинства. Начиная с сорок девятого мы встречались изредка, как супруги, находящиеся в разводе, но сохраняющие вежливый интерес друг к другу. Теперь обстановка созрела. Нам нужны опытные люди. Вам доверяют.

— Что вы от меня хотите, шеф, я же вам все сказал! — разозлился Штарке. — Если бы я

мог работать, я бы отдал последние годы своей жизни Германии. Знаете такую страну? Помоему, и вы произнесли свое первое слово по-немецки.

— Вы очень отстали, Штарке! — внушительно сказал гость. — Германия, Франция, Англия, Италия — все это устарелые понятия. Новые времена — новая география. Теперь существует финансово-политический центр мира и его экономические бассейны...

— Германия... тоже бассейн?

— Германия — это Крупп и Фарбениндустри. Все остальное ничего не стоит.

— Так... Англия?

— Аэродром!

Штарке закашлялся, вдохнув слишком крутой клуб сигарного дыма.

— А Россия?

— Россия — соперник существующего финансово-политического центра, ее необходимо уничтожить как можно скорее, — деловито сказал гость, — потому что, пока она живет, у других существуют иллюзии, что они могут сохранить самостоятельность.

— Понятно! — задумчиво кивнул Штарке. — Как же, понятно. Бассейн. Интересно! А Франция это, конечно, место веселого отдыха финансовых и политических деятелей центра?

— Да! — вызывающе сказал гость.

— Понятно, понятно! — торопливо сказал Штарке. У него снова обозначились темные узлы вен на висках. — Да, знаете ли, Гитлер был щенком! Он все-таки действовал под вывеской немецких национальных интересов!

— Будет новый хозяин мира, — усмехнулся гость. — Это надо понять. И пора бы начать вести себя благоразумно, Штарке! Пора бы понять!

— Да, да, я понимаю! — Штарке вскочил, взъерошил обеими руками волосы на голове и забегал по комнате, шлепая босыми ногами.

— Понятно, понятно... — повторял он на бегу. — Вести себя разумно. Обитатель бассейна! Интересно звучит. Значит, будет несколько категорий обитателей? Одну — уничтожите. Другую — кастрируете. Третью... Знаете, я думаю, что третьей-то не окажется!

— О деталях пока говорить преждевременно! — заметил гость. — Но, конечно, не весь человеческий материал на земле пригодится!

— Слушайте, Вальтер, вы действительно все это думаете? — с ужасом спросил Штарке, останавливаясь перед гостем. Сейчас Штарке казался очень старым и больным. — Я понимаю, — продолжал он скороговоркой, — эти мысли можно употреблять как политический шантаж... Но оставаться с ними наедине? Верить им? У вас трое сыновей, Вальтер, значит это им придется корчиться в страшном мире бассейнов, душегубок и кастратов...

— Ну, мы-то с вами можем не беспокоиться о своей судьбе! — рассудительно сказал гость. — Без нас они не обойдутся. Нужно только разумно вести себя и заниматься делом.

Он положил перед Штарке развернутый клочок бумаги. Штарке взял клочок, долго перечитывал коротенький список из пяти имен, потом сжег его на спичке по многолетней привычке и, устало хрустнув пальцами, сказал.

— Зря все это... Я ничего делать не буду.

— Штарке, хватит валять дурака! — жестко сказал гость и положил на стол узкую металлическую коробочку. — Вы знаете этих людей. Вам легко найти предлог встретиться с каждым из них!

— Конечно, знаю, — кивнул Штарке. — Хорошие люди, простые немцы. Народ выбрал их на государственные посты, и они отлично работают. Один из них — врач с мировым именем. Он ежедневно спасает человеческие жизни. Номер третий — учительница. Во время войны она спасла много голодающих детей.

— Слушайте, что вы там бормочете! — перебил гость и раскрыл коробку. На дне лежали черные горошинки, похожие на обыкновенный перец. — Информация о них не нужна, мы знаем все, что требуется. Это растворяется в любой жидкости, лучше всего — алкоголь. Следов в организме не оставляет, человек умирает от будничного паралича сердца.

Штарке долго смотрел на горошинки. Потом просто сказал:

— Я, знаете ли, разведчик. Убийством в прямом смысле никогда не занимался. Бывали неприятные столкновения с людьми, пытавшимися мне помешать. Но то — другое...

— Стало трудно с вами, Штарке! — раздраженно повысил голос гость. — Мы изменились за последние годы. Конечно, мы попрежнему изучаем сейфы политических деятелей. Но гораздо важнее убрать многих из них. И вот этим мы сейчас занимаемся главным образом. Хороший разведчик перестраивается в неделю.

Штарке встал.

— Уходите, генерал, — сказал он ровно, без интонаций. — Мы не договорились.

Некоторое время гость молчал, потом пожал плечами, встал и принялся надевать макинтош.

— Старый идиот! — сказал он через плечо, не глядя на Штарке. — Замаливаете грехи? Он, видите ли, не желает убивать! А чем вы занимались всю жизнь? Бросьте ломаться! Одно ваше донесение отправляло на тот свет больше, чем полк бомбардировщиков. Ханжа!

Штарке молча вывел его через кухню в заднюю часть сада, превращенную в огород. Генерал ушел в темноту не прощаясь. Штарке вернулся в дом и по привычке закрыл двери на все замки и засовы.

— Гейнце? — тихо окликнула через комнату фрау Этель.

— Спи, спи, муттерхен, — громко ответил Штарке и прошел в кабинет.

— Ты взволнован? — спросила Этель.

— Ничуть! — храбро ответил Штарке. — Все идет как надо! — и повернул ключ в замке.

Уловив что-то в голосе мужа, фрау Этель встала с постели и подбежала к дверям инета.

— Ты опять уходишь, Гейнце? — испуганно азала она. — Ведь ты обещал мне, что никогда больше...

— Не мешай мне, спи! — раздался резкий голос из-за дверей, и фрау Этель умолкла. Это был чужой голос чужого человека, которого она никогда не видела, к которому временами испытывала острую ненависть, как к врагу, загубившему ее жизнь.

Она лежала, укрывшись с головой одеялом, и, плача, трясась от озноба, ждала, когда

скрипнет половица перед входными дверями в кухне и звякнут замки.

Это будет означать, что чужой ушел из дома и что у нее опять есть занятие, поглощающее все ее мысли и чувства. Она будет ненавидеть того, чужого, и ждать Гейнце.

Может быть, случится чудо, и дева Мария, у которой давно распухла голова от всех людских горестей, сохранит и приведет его домой.

Замки звякнули через несколько часов, когда стало уже совсем светло.

Фрау Этель встала и пошла в кабинет.

В кабинете все было, как всегда после ухода Штарке на задания. Клубы сигарного дыма под потолком. Горсть пепла в камине. Тихо и очень пусто.

Но на этот раз на столе белела записка. Фрау Этель, задыхаясь от боли в груди, прочла:

«Этель, поцелуй Маргариту. Не жди меня на этот раз, продай дом и переезжай к девочке. Там тебе будет теплее доживать».

Все умирают, что ж с этим поделаешь. Ты хорошая женщина и была достойна лучшей участи, хотя мне ты помогла. Гейнце».

Выйдя из дома, Штарке долго бродил по улицам. Деревья, отяжелевшие от росы, фиолетовая дымка над асфальтом, розовое небо, деловитый стук башмаков первых прохожих на тротуарах, сонные коты, устало плетущиеся домой, зализывая свежие царапины, ссоры первых воробьиных стай, вылетевших на промысел, — улица жила своей обычной жизнью.

Штарке не оглядывался и не вслушивался. Проплутав некоторое время в переулках, он

поднялся на чердак безобразного девятиэтажного дома, занимающего целый квартал, и постучался в дверь, обитую куском старого пледа.

Комната была узкой, грязной и удивительно напоминала нору. Как в норе, в ней валялись на полу и на подоконнике, заменяющем стол, остатки пищи и обрывки книг и одежды. Чудовищно толстый человек, хрипя, выбрался из-под замасленной перины.

— Это вы, Крюгер? — спросил Штарке, вглядываясь в распухшее, почерневшее лицо, в котором не осталось ни единой определенной черты — все раздавили складки жира.

— Как видите! — задыхаясь, сказал Крюгер, сидя на краю постели и силясь удержать равновесие. — Что, хорош? А вы не меняетесь, Штарке! — с завистью продолжал он. — И я бы не изменился, если бы не астма! Она не дает мне двигаться! Садитесь, где хотите, всюду одинаково грязно и неудобно.

Штарке сбросил какое-то тряпье с табурета и сел около кровати. Энергия, затраченная на приветствие, вызвала у Крюгера приступ. Он принял две плоские, напоминающие пуговицы, таблетки. Прислонился к стене, потел и страдальчески мигал. Вскоре лекарство подействовало, и Штарке, уловив момент, когда глаза Крюгера прояснились, заговорил:

— Мы не ходим в гости друг к другу. Я не буду притворяться, что меня интересуют ваши дела, тем более что не вижу у вас ничего хорошего. Скажите, Крюгер, вы когда-нибудь слышали имя Горелл?

Щелочки, заменяющие Крюгеру глаза, сомкнулись. Некоторое время он молчал, потом тихо сказал:

— Штарке, вы знаете, мы живы, пока молчим...

— А зачем вам жить? — просто спросил Штарке, и кровать затрещала и заколыхалась. Крюгер смеялся, держась за сердце и охая от боли.

— Я вспомнил, что мне нравилось в вас тогда, тысячу лет назад, в молодости! — сказал он. — Вы всегда говорили прямо то, что думали. Вас интересует Горелл? В самом деле, зачем мне жить?

А потом Штарке сидел в высоком, полутемном и прохладном кабинете уполномоченного по особо важным делам.

— Сегодня ночью меня опять навестили, — говорил Штарке, раскуривая сигару. — Старый знакомый, и разговор шел о тех же предметах. Вот...

Он набросал карандашом на клочке бумаги пять имен.

— Берегите этих людей, — сказал он. — Вчера я отказался убить их, но завтра какой-нибудь подлец может согласиться.

Уполномоченный прочитал список и сжег клочок бумаги на спичке.

— У меня просьба к вам! — сказал Штарке. — Я прошу вас передать вот это органам советской госбезопасности... — и он протянул уполномоченному листок бумаги, на котором было написано несколько фраз мелким старческим почерком.

— Почему бы вам не сделать это самому? — спросил уполномоченный, пригибаясь к бумагам и откладывая листок Штарке в сторону.

— Я могу не успеть! — деловито сказал Штарке. — Господин уполномоченный, — продолжал он, — я хочу кое-что сказать вам на прощанье. Настало очень ответственное время. Мы часто говорим. «Надвигается новая война». Нет, то, что может случиться, если мы оплошаем, — не война. Уничтожение наций, бросок назад, к каменному веку. Надо защищаться вместе. Понимаете? Надо работать вместе, особенно нам! Надо во что бы то ни стало сломить в себе проклятое предубеждение перед дружбой между народами, которое в нас столько веков воспитывали... Смотрите, что получается. Даже вы, немец нового склада, гражданин демократической Германии, поморщились, когда я передал вам этот листок. Вот что страшно, господин уполномоченный!

— Господин Штарке, вы становитесь политиком, — усмехнулся уполномоченный. — Вас интересуют весьма сложные вопросы!

— Это случилось со мной в последние часы жизни... — сказал Штарке. — Ужасно драматически звучит, — заметил он, виновато улыбаясь, — но вы-то понимаете, что я говорю правду.

— Мы можем дать вам убежище!

— У меня есть семья, — тихо сказал Штарке. — Дочь недавно вышла замуж. Племянники. Всех не защитишь! Но не думайте обо мне, сейчас важно другое. Простые люди всего мира воевать не хотят, а спекулянтов человеческой кровью ничтожно мало по сравнению с ними, и потом у них гнилые души, они не выдержат настоящей борьбы. Страшны колебания в нас! Опасны наши ошибки. Устраните недоверие, неприязнь друг к другу, и мы победим...

— Вы говорите серьезные и правильные вещи, — тихо сказал уполномоченный, внимательно разглядывая Штарке. — Вы действительно начали кое-что понимать. Ваша просьба будет выполнена! — Он взял листок бумаги, исписанный почерком Штарке, сложил вчетверо и спрятал во внутренний карман пиджака. — Я обещаю вам сделать это в ближайшие полчаса.

— Очень хорошо, — облегченно вздохнул Штарке. — Потому что мой старый нюх подсказывает мне кое-что... Благодарю вас, господин уполномоченный...

И, пожав руку, протянутую ему через стол, Штарке круто повернулся и выбежал из кабинета.

Днем он поспал несколько часов в сквере. Ему ни о чем не хотелось думать. К вечеру устал и забрел в кафе. Он не чувствовал вкуса еды. Он выпил стаканчик коньяку, и ноги перестали дрожать. Он попробовал припомнить свою жизнь, вся она состояла из непрерывной цепи усилий, всегда превышающих обыкновенные человеческие способности.

«Да, здорово я старался... — с удивлением подумал Штарке. — Вот если бы знать раньше. Если бы я с самого начала жил ради того, чтобы сохранить этот веселый, светлый мир, в котором так много тепла и молодости! На что ушли мои годы?»

— Что-нибудь еще, господин? — нетерпеливо спросила официантка.

— Нет, благодарю вас... — устало сказал Штарке, расплатился и вышел.

Теплый прозрачный вечер, наполненный огнями, звуками и людьми, встретил его за дверями кафе.

Штарке остановился, раздумывая, куда бы ему пойти. Домой нельзя. За всю свою невыносимую жизнь Этель заслужила право легко пережить его смерть. Уходя, генерал ничего не сказал, но Штарке понимал, что в ближайшие часы его убьют. Если он скроется, он подвергнет опасности семью. Теперь надо как-то прожить эти несколько часов. Пойти к друзьям? Их у него никогда не было. Да и зачем тащить за собой к людям хвост, который, вероятно, с утра волочится за ним? Он ни разу не проверил, следят ли за ним, потому что это теперь его не интересовало.

Покончить с собой? В самом деле, почему бы нет?

И вдруг Штарке понял, что не может покончить с собой.

Он отчетливо понял, что у него никогда не хватит храбрости это сделать. Последние обрывки романтических иллюзий слетели с сознания Гейнце Штарке. Какая там романтика! Что, разве так уж интересно было жить страшной жизнью получеловека, полуинструмента? Он боялся, что его убьют, оттого и выжимал из своего мозга и тела все, что мог. Единственные годы, когда он работал без страха, это были годы войны, потому что он работал для народа, для простых людей мира, но потом пришла болезнь, и все кончилось. А ведь он прожил такую долгую жизнь и так много...

— Одну минуту!

Штарке не успел закончить мысль. Его оставил невысокий, плотный человек, чем-то напоминающий боксера. На нем был новый костюм, покрытый сальными пятнами, левое плечо чуть приподнималось. За ним стоял еще один, худой и тонкий, очень молодой. «Слишком молодой для таких дел», — подумал Штарке, опознав в этих людях свою судьбу.

— Ну, давай здесь, пока близко нет людей! — сказал молодой. Лицо у него было синее от дешевой пудры, глаза, помутневшие от волнения, никак не могли взять в фокус лицо Штарке.

— Скорее! — повторил молодой.

— А может, это не он! — возразил тот, что постарше. — Слушай, тебя зовут Гейнце Штарке?

— Да, это я! — устало сказал Штарке, равнодушно глядя на оранжевый круг света вокруг фонаря.

— Тогда пойдем! — сказал тот, что постарше, и первым двинулся к развалинам, прикрытым щитом для афиш. — Он не будет пищать! — сказал он деловито молодому. — Он уже готов. По глазам видно.

Они вошли в тень, и Штарке с отчаянием подумал, что не может уцепиться за какую-либо мысль или чувство, чтоб продержаться на них эти несколько последних мгновений. В голову лезла всякая ерунда о том, на какие деньги живет сейчас Крюгер и что лето в этом году раннее и теплое.

— Скорее! — просительно сказал молодой.

Через несколько минут они вышли из развалин — молодой и тот, что постарше, и вступили в полосу света.

— Чего ты дергаешься? — сказал раздраженно старший. — Разве мы кончили старика? Люди постарше да поумнее нас решили, что он отжил! Ты откуда пришел к шефу?

— Я член организации юных защитников Германии... — борясь с ознобом, сказал молодой. — А ты?

— Ну, я — другое дело! — уклончиво сказал старший. — Я... — он запнулся и выругался.

Они молча дошли до угла, и старший сказал:

— Я пойду доложу шефу, а ты свободен... юный защитник! — повторил он и сплюнул под ноги парню.

За углом был вход в ресторан, и они, едва разойдясь, сейчас же потерялись в толпе.

Поздно вечером Смирнов докладывал генералу.

Генерал был новым начальником, недавно назначенным в Комитет Госбезопасности. Смирнов никак не мог привыкнуть к его молодости и, докладывая, с интересом поглядывал на него. Тридцать пять лет, две золотые звезды, полученные в мирное время, лицо, тронутое загаром...

В свои пятьдесят лет Смирнов полностью ощущал тяжесть порученного ему труда. Вопреки ожиданиям эта тяжесть с годами возрастала. Прочитывая или выслушивая донесения, Смирнов уже невольно в первую очередь вдумывался не в самый факт, а мысленно прикидывал объем дела, прослеживал уязвимые места, и именно полнота опыта, сразу раскрывающая все трудности, мешала подчас риск-

нуть там, где требовался риск, побуждала медлить...

Вот почему его не назначили к повышению. На должность, которую он, казалось, имел все основания занять, прибыл веселый и вежливый молодой генерал.

Смирнов понимал, что начальство рассудило правильно, и не чувствовал обиды. И эта способность быть объективным даже в таком щекотливом для себя случае заставляла полковника особенно ощущать свой возраст.

— У меня не было никаких данных! — говорил Смирнов. — Подумал — вдруг Цванцик сталкивался с Гореллом? Ведь мотался по свету! Я поехал к нему в тюрьму, поговорил, оказалось — сталкивался! Однажды, — продолжал Смирнов рассказывать по своим записям, — связной Цванцика, артист варьете Лайхтер, сообщил, что с ним желает встретиться некое высокое лицо, судя по описанию, — Горелл. Встреча произошла днем в саду духовной семинарии, в Кракове, восемь месяцев тому назад. По словам Цванцика, «лицо» предложило ему осуществить диверсию на строительстве Дворца культуры в Варшаве. Цванцик категорически отказался.

— Врет! — откликнулся генерал. — Просто трусил.

— Я именно так и расценил этот момент! — согласился Смирнов. — Дальше. Через неделю Цванцик и Лайхтер при очередной встрече напились, и Лайхтер стал осуждать Цванцика за трусость, за то, что он не сумел понравиться «лицу». Сказал, что эта встреча могла решить карьеру Цванцика. Потом он принялся хвастаться своей осведомленностью. Выложил ему

известную «концепцию» о «центре и бассейнах». Заявил, что разведывательные органы теперь переключаются на террор и диверсию...

— Это мы знаем! — хмуро перебил генерал. — Всегда занимались убийствами и диверсиями, что ж тут «переходить»?

— Лайхтер утверждал, что все это ему изложил некий Стефен Горелл, являющийся крупным разведчиком...

— Они все сейчас об этом болтают! — сказал генерал. — Я вчера в одном материале встретил фразочку: «В мире больше нет неясных вопросов. Есть только неотложные дела». Так вот, Герасим Николаевич, надо действовать! — сказал генерал, закрывая папку и откладывая ее. — Дальше тянуть опасно. У меня сложилось впечатление, что затея с диверсией на строительстве Дворца культуры в Варшаве — трюк! Если бы Горелл действительно планировал диверсию, он раскрыл бы задачу Цванцику только в самой Варшаве. Горелл зачем-то знакомился с Цванциком и попробовал его реакцию на предполагаемую диверсию. Вообще, Герасим Николаевич, вы обратили внимание на то, что Горелл все время интересуется «кадрами»?

— Да, я думаю об этом, — кивнул Смирнов.

— Нет, в самом деле! — оживился генерал. — Возьмем его деятельность в Сосновске! Чем он занимался в гестапо? Явно искал и подбирал каких-то людей! И, мне кажется, не разведчиков! Нам бы с вами хребетик ему нащупать, сразу станет легче. Нет, смотрите, как получается! Деятельность в Сосновске — кадры. Где его встретил Крюгер? У Харта, —

по сообщению Штарке. А мы-то знаем, что Харт до сих пор продает информацию о европейских деятелях науки. Значит, опять вопрос кадров? Встреча с Цванциком, опять знакомство, проверка — все тот же интерес к кадрам!

— Фактов пока маловато непосредственных! — заметил неодобрительно Смирнов. — Все больше отражения...

— Мы сами найдем прямые факты! — возразил генерал. — Надо наступать, Герасим Николаевич! В таком деле выжидательная позиция не подходит!

— Я, товарищ генерал, согласен наступать! — с едва заметной досадой сказал Смирнов. — И, как только определится направление...

— А мы сами определим направление! — настойчиво заметил генерал. — Обработка первичных данных закончена?

— Заканчивается, товарищ генерал!

— Поторапливайтесь!

Сдавая очередное задание полковнику Смирнову, Миша с уважением глядел на дело рук своих.

На столе перед полковником лежала справка о городе Сосновске и его районе, с 1930 по 1941 год, аккуратнейшим образом собранная и отпечатанная на машинке. В ней были списки учреждений, история города, карты, таблицы и многие другие данные.

Бегло просмотрев материал справки, полковник взял лупу и некоторое время изучал

карту. Потом взял список учреждений и углубился в него.

— Вполне пристойная справка! — удовлетворенно сказал, наконец, Смирнов, быстро делая пометки на листе бумаги. — Да, знаете, младший лейтенант, я вот просматривал сейчас список сельских школ в районе Сосновска и вспомнил... Узнайте у капитана Захарова, был ли ответ из адресного стола.

Когда Миша вернулся и принес от капитана конверт, Смирнов быстро вскрыл его, прочитал письмо и со вкусом закурил.

— Да... — сказал он, жмурясь в клубах табачного дыма. — Так вот, я вспомнил. Я ведь тоже учился в сельской школе. Однажды учительница велела мне прочитать стихи на школьном вечере. Я выучил два стихотворения... — Смирнов еще раз прочитал письмо из адресного стола. — Да, я вышел, значит, перед народом и с выражением прочитал: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда, то как зверь она завоет, то заплачет, как дитя...» Неделю в школу не приходил, стыдился. Садитесь ближе, младший лейтенант. Вот так. Можете курить. Теперь смотрите сюда. Вы готовили эту справку несколько дней. Было трудно и скучно, и вы не раз думали, что я формалист, бумажная душа, старый волокитчик...

— Никогда я не позволил бы себе так о вас думать, Герасим Николаевич... — горячо сказал Миша.

— Ну, что-то вежливее, может быть, думали... Младший лейтенант, я хочу, чтобы вы поняли, какая удивительная сила кроется в факте, если он точно, с любовью обработан... Смотрите сюда! — властно сказал полков-

ник. — Вот листок из сообщения, сделанного Марией Николаевной Дороховой. Из него мы видим, что Горелл работал при гестапо города Сосновска. Дорохова отмечает, что Горелл арестовывал людей по какому-то совсем особому выбору... В чем существо этого выбора?

Мы знаем из сообщения Штарке, что Горелл учился в Кембридже на физическом факультете.

Он встречался с известным в Европе шпионом Хартом, торгующим информацией об ученых.

Он встречался с Иохимом Цванциком, шпионом с дипломом инженера-энергетика, занимавшимся шпионажем именно в области энергетики.

Теперь слушайте младший лейтенант! В списке учреждений Сосновского района того времени мы видим научно-исследовательский энергетический институт. Руководил институтом талантливый ученый Федор Федорович Гордин. Он возглавлял в те времена группу, успешно работавшую в области изучения атомной энергии. В момент вторжения фашистских войск в город Федор Федорович бежал в партизанский отряд и вскоре погиб.

Это за ним, повидимому, охотился Горелл. Пытаясь собрать о Гордине хоть какие-нибудь сведения, он замучил на допросах его отца, старого театрального парикмахера Федора Ивановича Гордина. Горелл принял Машу за дочь ученого, но Маша искренне ответила, что не знает такого, Горелл понял, что она говорит правду, и выбросил ее из тюрьмы. Справку о семье Гординых подобрал капитан Захаров. Мне показалось сразу важным выяснить, что

за человек старый парикмахер, местонахождение института установили вы. Вот, младший лейтенант, какая красивая сила скрыта в фактах! Теперь у нас с вами уже есть некоторое осязаемое представление о фигуре господина Горелла...

Что ж, будем наступать! — удовлетворенно повторил полковник. — Так как же мы, по вашему, поведем наступление, младший лейтенант?

— Как? — Миша откашлялся, расставил ноги и храбро сказал: — Очень просто, товарищ полковник!

— Даже просто? — усмехнулся Смирнов.

— Нет, я не то хотел сказать! — смутился Миша. — То есть, если он последовательно интересуется наукой, в этой области его искать надо, верно, товарищ полковник?

— Разумно! — опять с удовольствием усмехнулся Смирнов. — Передайте капитану Берестову, что по моему приказанию вы с сегодняшнего дня находитесь в распоряжении капитана Захарова.

— Спасибо, товарищ полковник! — порывисто вырвалось у Миши, он встал и вытянулся.

— Я хочу еще кое-что вам сказать! — продолжал полковник, поглядывая исподлобья на Мишу. — Вот вы обратились ко мне на днях с просьбой подключить вас к делу Горелла. Вы тогда обиделись и огорчились, младший лейтенант. Садитесь!

Миша сел. Взглянув в глаза полковнику, он вдруг перестал стесняться этого рослого, сильного, пожилого человека, улавливавшего каждое его душевное движение.

— На погранзаставе легче было? — спросил, помолчав, Смирнов.

— Легче, товарищ полковник! — искренно вырвалось у Миши. — Только вы не думайте...

— Я понимаю, «Малыш»! — тепло перебил полковник. — Будет еще труднее. С каждым месяцем, с каждым годом. Вот мы все вроде сухие друг с другом. Вопросы не любим. На дисциплину крепко нажимаем. Иначе нельзя, младший лейтенант! Это надо понять сразу...

— Я понимаю, товарищ полковник! Я никогда на вас не обижался, — торопливо сказал Миша и опять поднялся со стула.

— Да. Можете быть свободны. Передайте капитану Захарову, чтоб он зашел ко мне. И позвоните в гараж, пусть приготовят машину к дальней поездке. Выполняйте!

Шесть больших деревьев сирени полукругом расположились у подъезда небольшого трехэтажного здания. Полковник Смирнов вышел из машины и вручил документы охране. Боец охраны сел за руль и дотянул машину до площадки перед гаражом.

Пока документы сверялись с Москвой по телефону, Смирнов сидел на скамье под темнолиловым шатром и не торопясь, с удовольствием вдыхал воздух, в котором запах сирени смешивался с теплым, горчащим запахом сосновой смолы. Смирнов почти задремал, когда начальник охраны коснулся его плеча, подал документы и сказал:

— Милости просим, товарищ полковник! Я уже сообщил Александру Петровичу, что вы приехали, он сейчас проходит через защитные

камеры. Через полчаса примет вас. Наверх пойдете или здесь отдохнете, на солнышке?

— Конечно, на солнышке! — сказал Смирнов и снова зажмурился. А когда перед ним опять стали всплывать смутные очертания первого сна, голос окликнул его откуда-то сверху.

— Герасим Николаевич? Заходите, дорогой!

— Я! — Смирнов стряхнул сон и поднял голову. В окне второго этажа стоял, вытирая лицо и шею мохнатым полотенцем, человек в белом халате.

В большом, залитом солнцем кабинете без занавесей Смирнова встретил профессор Пономарев.

Кабинет Пономарева не походил на обычные деловые кабинеты. Там почти не было мебели — только письменный стол и пара жестких стульев. Стены, пол, металлические шторы, рулоном свернутые над окнами, — все покрывал толстым слоем белый матовый лак, и в комнате стоял резкий запах каких-то не известных Смирнову антисептических веществ.

— Правила наши знаете, курить нельзя, ничем не угощаем! — засмеялся Пономарев. — Плохие хозяева. А лучше всего пройдемте в сад!

— Да нет, если позволите, здесь поговорим! — настоял Смирнов. — У вас на территории хоть и проверенные люди, а все же побережемся!

Пономарев быстро ладошкой провел по гладко выбритой голове, боком присел на стул, поджав под себя правую ногу, и принялся сосредоточенно вертеть в пальцах карандаш. Глаза его за тяжелыми окулярами очков поблескивали недоброжелательно и скептически.

И сейчас же в душе у Смирнова шевельнулось то слабое чувство раздражения, которое в нем всегда вызывал Пономарев.

— Все мудрите! — недовольно проговорил Пономарев, не поднимая головы. — Хороший вы мужик, Герасим Николаевич, а простых вещей не понимаете. Зачем я вам нужен? Поговорили бы с Ниной Федоровной! Научной эрудиции у нее на вас хватит, а я бы делом занимался. Вам шофер наш не понравился, или у кого-то в анкете параграф не так подчеркнут... А мне сюда только через защитные камеры идти сорок пять минут! И обратно опять сорок пять минут уйдет! Вот уже час тридцать. Да с вами часа два, а то и больше беседовать нужно насчет параграфов... А там, глядишь, еще кто-нибудь подъехал, а там ночь подошла...

— Я, Александр Петрович, как вы имели возможность заметить, всегда встречаюсь с вами по серьезным делам! — обиженно заметил Смирнов, испытывая то мучительное желание закурить, которое всегда приходит там, где нельзя курить.

— А ко мне все по делам ездят! — продолжал брюзжать Пономарев, разглядывая носок своей элегантно светлой кожаной сандали. — Работать некогда. Я вот попрошу правительство, чтобы меня запечатали ко всем чертям в лаборатории, тогда, может, вздохну.

— Александр Петрович, я ведь тоже не таз с вареньем оставил, чтоб приехать к вам! — сердито прервал брюзжание Смирнов. — Давайте, раз мы уже оба оторвались от дела, не будем тратить время на пререкания. Я к вам вот по какому вопросу прибыл. Не спускаете

ли вы со стапелей какую-нибудь новую работу особой важности?

— А что? — насторожился Пономарев. — Зачем это вам?

— Александр Петрович, я, как вы знаете, не журналист, статьи не пишу! — сдерживая раздражение, сказал Смирнов. — Закон о сохранении государственной тайны тоже знаю. Так решена у вас в последние месяцы какая-нибудь особо важная проблема?

— А что, у тебя есть сигналы? — встревожился Пономарев. Он заерзал на стуле. Очки его засверкали, разбрасывая по стенам острые блики света.

— Александр Петрович, честное слово, вы, как женщина, разговариваете! Я вопрос, вы — два вместо ответа! Так нельзя! У нас же была с вами договоренность в высоких органах по поводу разумной откровенности, когда это надо! Я ж в кухню вашу не полезу! Меня совсем другая сторона интересуется.

— Ну, предположим, предположим...

— Что предположим? — теряя терпение, почти резко спросил Смирнов.

— Решили мы кое-что. Ну, да... И недавно, как вы говорите. Да, решили!

— Действительно важная проблема? Александр Петрович, очень прошу серьезно ответить. Может она активно интересовать врага?

— Ого? — Пономарев вскочил со стула и, по-мальчишески разминаясь, заходил по кабинету. — Еще как! Бактериальной войны больше нет! В принципе это решено, сейчас разрабатываем технику. Молчать, конечно, об этом нужно как можно дольше, пусть тратятся на воспитание своих пауков там и блох.. Слу-

шайте, а все-таки почему вы ко мне сегодня приехали? Объясните-ка, также в порядке разумной откровенности.

— Вот, понимаете, Александр Петрович, не сердитесь, — замылся Смирнов, — но как раз в данном случае откровенность была бы неразумной!

— Ясно... — Блики окуляров почти ощутимо скользнули по лицу Смирнова. Сквозь тяжелые выпуклые стекла Смирнов совсем близко увидел маленькие злые глаза. — Не доверяете?

— Мы себе не всегда доверяем, товарищ профессор! — спокойно сказал Смирнов. — Александр Петрович, погодите, не кипятитесь, вот я вас спрошу, когда вы на каком-нибудь бульоне опыт с бактериями ставите, вы сунете в пробирку свой собственный, родной, отлично знакомый палец? Неправда! Вы в лабораторию через отсеки сорок пять минут идете, в каждом отсеке одежду меняете и растворами обливаетесь, а в последний отсек, где стол и приборы, вы даже не зайдете, вы только руки туда через защитные рукава и перчатки протянете и так станете работать! Вы бережете свой труд! Вот и я берегу!

— Да ну вас! — раздраженно отмахнулся Пономарев. — Думаете мне так уж интересно? Честно говоря, я не очень-то верю во все эти шпионские махинации. Конечно, иногда бывает, но больше суеты и преувеличений! — назидательно говорил Пономарев. — Мешает это, дергает, Герасим Николаевич, неужто не понять? Ну как, все на сегодня?

— Нет, — сказал Смирнов после короткого раздумья. — Еще не все, Александр Петрович.

Он вынул из кармана листок бумаги, аккуратно развернул его и огорченно вздохнул.

— Несколько раз, собираясь к вам, брал я с собой эту бумажку, — медленно, с неохотой начал Смирнов. — Все думал, показать или воздержаться? До сих пор воздерживался. А сейчас думаю, надо показать. Вам полезно будет ознакомиться с ней. Слушайте, я вам вслух прочитаю.

— Что еще такое? — небрежно спросил Пономарев и скосил глаза на ручные часы.

— А вот слушайте! Это копия вашей характеристики, хранящейся в сейфе одного разведывательного бюро за границей.

— Как, как, как? — подскочил Пономарев и потянулся к листку.

— Вы слушайте, слушайте! — спокойно отстранил его Смирнов. — «Профессор Пономарев Александр Петрович... год рождения 1915...» Ну, тут идут данные о прохождении учебы и службы, довольно точные. Я их опускаю и перехожу к характеризующей части. «Родители: отец рабочий, позже инженер, мать учительница. Женат и разведен. Женщинами интересуется редко, но весьма эмоционален в этом вопросе, когда начинает интересоваться. Чувствителен к лести и вниманию начальства. Весьма ценит материальные блага. Широко тратит деньги. Знакомится осторожно, с выбором, но любит окружать себя людьми. В разговоре любит, чтобы его слушали, чужими делами и чувствами мало интересуется... В научном отношении фигура исключительно интересная, бурно растущая и плодовитая. Заслуживает всяческого внимания». Пока все, Александр Петрович!

Пономарев молчал. Он сидел изжелта-бледный, под глазами резко обозначились темные круги.

— Я вам из двух соображений эту бумажку показал, — заговорил Смирнов, стараясь не глядеть на Пономарева. — Во-первых, для того, чтоб у вас иллюзии пропали насчет вражеской разведки. Она работает и даже старается. А во-вторых, посмотрите кое-что у себя в душе, мнение врага всегда полезно знать, он очень ценит наши слабости! Да. Возьмите, я вам эту штуку на память оставлю.

Смирнов помолчал и, видя, что Пономарев не в состоянии еще ответить, продолжал:

— Мне с вами, Александр Петрович, иногда трудно. Вы все хотите меня уверить, что вы персона важная. Я понимаю. Руководитель института, талантище, все такое. Но давайте иначе на вещи взглянем, вы — микробиолог, я — разведчик. А проще, оба мы с вами хотим сберечь людям жизнь. Так ведь? Чего ж нам обижаться, что иногда стесним друг друга? Дело-то у нас спешное!

— Спешное... — тихо откликнулся Пономарев. Он сложил бумажку и сунул ее в карман халата. — Да, может быть, вам будет это интересно, — сказал он, вспомнив что-то. — Мы эту последнюю, значительную работу решали не одни, а с группой физика Короткова...

— Вот видите! — ахнул Смирнов. — А ведь могли мне это не сказать! И я бы ушел. Энергетик?

— Да...

— Везет мне! — покачал головой Смирнов. — Ну, спасибо вам! Порадовали! Александр Петрович, вы извините, я поеду! Даже в шахматы

сегодня не сразимся, времени нет. Как-нибудь на днях выберусь, тогда...

Смирнов встал. Пономарев проводил его до машины, притихший, встревоженный.

— Сволочи! — сказал он, прощаясь с полковником. — Ах, какие сволочи! Значит, лезут к тебе сквозь щели, как клопы... — И вдруг снова пожелтел и вцепился в рукав Смирнова, уже сидящего в машине. — Слушайте, Герасим Николаевич! У нас же самый разгар оформления работы! Сконцентрировано все! Коротковцы часть своей лаборатории к нам перетащили!

— Это мы все учтем! — успокаивающе сказал Смирнов. — Расстраиваться пока нет причины.

Выслушав отчет Смирнова о поездке к Пономареву, генерал долго молчал.

— Теперь понятно, зачем к нам пожаловал такой матерый волк! Если микробиолог-вирусник Пономарев и физик Коротков добились успеха, значит у смерти отрублена правая рука.

Вот как это бывает.

Полгода назад студент физик Вася Рубцов посетил с товарищами в Политехническом музее лекцию о мирном использовании атомной энергии.

Все складывалось необыкновенно хорошо. «Комсомольская правда» напечатала первую большую статью Васи о работах молодых ученых и заказала новую. Зачеты сдавались легко. В кармане впервые в жизни похрустывала пачечка сторублевых, и он мог тратить их по

своему усмотрению. И, наконец, в довершение счастья, в музей пришла с подругами студентка консерватории, пианистка, игравшая в университетском клубе на концерте и поселившая в сердце Васи Рубцова приятное беспокойство.

В перерыве Вася подошел к ней, представил товарищей, и физики и музыкантши принялись вместе осматривать выставку.

Как-то само собой получилось, что Вася объяснял экспонаты. Он делал это шутливо, острил и смеялся, но время от времени рассказывал пианистке действительно интересные вещи. Слушая о перспективах автоматизации промышленности, пианистка сосредоточенно хлопала загнутыми ресничками, изумлялась и думала о том, что Вася не такой уж длинноносый, как показалось в начале знакомства, что прямой, жесткий хохол светлых волос можно подстричь, и тогда ему не придется ежеминутно дергать головой по-лошадиному, и что в конце концов Пирогов и Менделеев тоже не были красавцами...

— Атомная энергия! — уважительно сказала пианистка. — Это, должно быть, необыкновенно интересно!

— Еще бы! — с гордостью подтвердил Вася. — Вы знаете, Леночка, у нас на курсе один специальный предмет читает профессор Коротков. Вот талантище! Так слушайте, он сейчас работает вместе с биологом Пономаревым. Мне один парень рассказывал, у них определились потрясающие результаты! Историческое открытие! В общем вам, Леночка, объяснить это трудно, но суть заключается в том, что, оказывается, на вирусную флору

можно воздействовать энергией и вызвать ее распад!

— Наверное, это очень интересно! — вежливо улыбнулась Леночка.

— Это не просто интересно! Это величайшее открытие современности! Можете мне поверить. Слушайте, а какого цвета у вас глаза? Я все никак не могу уловить! Они то синие, то черные... Просто невозможно так существовать...

Леночка засмеялась и позволила Васе взять себя под руку.

И никто из них не заметил, что рядом, рассеянно разглядывая стенды, шел маленький сутулый человек в темносером костюме, плохо вычищенных ботинках, скучающий и неловкий.

Так он ходил, замешавшись в группу студентов, до конца перерыва.

Потом он внимательно слушал лекцию, а когда она окончилась, долго топтался в вестибюле и около подъезда и ушел одним из последних.

Он направился домой пешком. Неторопливо шагал по тротуару, попыхивая сигареткой «Дукат», и ничем не выделялся из прохожих.

В одном из арбатских переулков, проходя мимо особняка, он привычно кивнул милиционеру, дежурившему у ворот особняка, свернул к подъезду и открыл двери своим ключом.

Через полчаса, сменив потертый костюм и ботинки, купленные в комиссионном магазине, на просторный, мягкий твид и замшевые туфли, он входил в квартиру своего начальника мистера Робертса, совмещающего дипломатическую деятельность с разведывательной.

В гостиной супруга начальника, очень худая дама с длинным лицом и выпуклыми страдальческими глазами, рисовала с натуры. «Натура» — молоденькая и толстая машинистка — делала невероятные усилия, чтоб не уснуть.

— Добрый вечер, мистер Георг, — сказала супруга начальника. — Муж в кабинете, он занимается с Беллой, пройдите к нему. А я рисую. Я обещала вышить покров для алтаря нашей церкви. Мадж позирует мне для головки центрального ангела! Не правда ли, она похожа на ангела, мистер Георг?

— Очень возможно! — вежливо сказал Георг Биллиджер, косясь на тройной подбородок Мадж.

В кабинете на диване сидела и хныкала тощая девочка с таким же длинным, как у матери, лицом. Багровый от раздражения дипломат брызгал слюной, объясняя ей задачу по алгебре.

— Интересная новость, сэр! — сказал мистер Георг, почтительно здороваясь с девочкой.

— Можешь идти спать, Белла! — с облегчением приказал Робертс. — И помни, что через неделю я опять проверю твои уроки...

Когда девочка ушла, мистер Георг подробно рассказал Робертсу все, что услышал из легкомысленных уст Васи Рубцова.

— Пономарев... — повторил, оживляясь, Робертс. — О, это серьезная фигура. Еще бы, Пономарев! А Короткова не знаю. Надо им заняться, Биллиджер. Постарайтесь собрать о нем все, что можно. Интересно. Завтра отправляется курьер...

Курьер отправился с сообщением Робертса. Через несколько дней далеко за пределами нашей родины двое немолодых, по-военному подтянутых людей обсуждали это сообщение. Обсуждение закончилось тем, что была послана телеграмма в Париж.

Из Парижа на самолете вылетел, получив телеграмму, человек в сером широком пальто без багажа.

Через сутки на окраине большого города в пустой квартире он встретился с одним из двух немолодых, по-военному грубоватых людей, обсуждавших ранее сообщение Робертса.

— Мистер Горелл! — сказал руководитель отдела разведывательного бюро. — Как вы себя чувствуете, мистер Горелл?

— Какое это имеет значение? — едко осведомился худой жилистый человек, с широкими плечами, узкими бедрами и глубоко запавшими серыми глазами. — Я прилетел по вызову. Я не успел передать парижские дела полностью, но что мог, растолковал Ангусу. Он продолжает

— Мистер Горелл, есть одно серьезное дело, — продолжал руководитель отдела. — Вы дважды были в России.

— Мне очень не хотелось бы отправляться туда в третий раз, — заметил Горелл. — Вы знаете, какой ценой я выбрался!

— Ничего не поделаешь, придется! — резко перебил собеседник. — Вы отправитесь сейчас с провожатым и отдохнете пару недель. Мы доставим вам материалы, нужные для операции, и консультантов — физика и биолога. Обязательно просмотрите советскую прессу за последние годы, у вас получился разрыв...

— Две недели — это ничтожный срок для подготовки! — угрюмо возразил Горелл. — Дело, повидимому, сложное. У меня действительно был разрыв. Нужна хотя бы пара месяцев, чтоб войти в курс.

— Вы человек опытный и уложите в две недели! Нас торопят с этим делом! — так же резко сказал руководитель отдела. — Как ваше физическое состояние?

— Подошлите тренера и врача, — сказал вместо ответа Горелл. — И раньше чем через месяц я никуда не двинусь.

— Мне не нравится ваш тон! — подозрительно оглядев Горелла, сказал руководитель отдела.

— А вы хотите, чтоб я скакал от радости? — грубо возразил Горелл. — Думаете, весело лезть черту в зубы? Москва не Париж. Там одна проблема крыши чего стоит!

— В Москве сейчас находятся опытные люди. Вам помогут.

— Ерунда все это! — перебил с досадой Горелл. — Они помогают, пока дело идет хорошо. Все?

— Да, поезжайте! — облегченно сказал руководитель отдела. — Сегодня отдохните, а завтра начнем подготовку.

Если бы Вася Рубцов узнал, к каким серьезным последствиям привела его болтовня в Политехническом музее, он бы всю дальнейшую жизнь мучился сознанием вины. Но Вася ничего не знал, он сдавал экзамены, ходил с Леночкой на концерты и писал статьи об облике молодого ученого.

Горелл в это время жил в уединенном коттедже. Он все-таки отвоевал себе на подго-

товку месяц. Под наблюдением врача он проходил общий, укрепляющий лечебный курс. Тренер массировал его и безжалостно гонял по гимнастическим снарядам.

Горелл неплохо разбирался в современной физике и биологии, но консультанты усердно работали с ним, вводя частные проблемы, связанные с задачей.

Все свободное от тренировок и консультаций время Горелл читал советскую прессу. Он просматривал комплекты газет, изучал правительственные указы, читал литературные журналы, смотрел фильмы.

К нему приехал консультант по русскому языку для разговорной практики, но Горелл отказался от его услуг. Он знал, что его произношение точно, и очень боялся испортить его хотя бы малейшим акцентом.

Месяц подходил к концу. В последние дни приехал начальник с картами, и они принялись уточнять место перехода границы. Горелл настаивал на афганском варианте. Правда, этот вариант требовал физических усилий, но зато легче осуществим. На советской стороне шло большое строительство городов и поселков, отряды геологов создавали почвенную карту. Все это означало передвижение людей, непрерывное, массовое, в котором легко было укрыться одному ловкому человеку.

За двое суток до отъезда Горелл заявил, что хочет отправиться в город.

Врач сказал, что Горелл находится в отличном физическом состоянии и небольшая выпивка на дорогу не повредит. Скорее пойдет на пользу, разрядит нервное напряжение.

Начальник поморщился, но отпустил.

На автобусе Горелл доехал до центра.

Это был большой европейский город. Один из прекраснейших городов Европы.

В розовом вечернем небе плыли грифельные облака. Пахло асфальтом, духами и вянущей травой. Горелл медленно двигался в толпе, и толпа вытеснила его на площадь, где тревожно гудели стада троллейбусов и дремали серые, обветренные львы с человеческими лицами. Мальчик в шотландской юбочке выпустил из рук зеленый воздушный шар, и он упруго и косо поднялся над площадью и закачался в воздушных потоках. На мгновение площадь сверкнула запрокинутыми лицами. Высокий седой человек тянул за собой плачущего мальчика, размеренно выговаривая ему:

— Каждый может совершить ошибку! Но плакать на улице? За это ты не пойдешь в гости к маленькой Софи...

Горелл медленно двигался в толпе. Потом он стоял на остановке троллейбуса. Вдали влажно светился купол старой церкви, небо темнело. Горелл пытался вызвать в себе хоть какое-нибудь желание. Отправиться в лучший ресторан города и пообедать. Зайти в бар выпить что-нибудь крепкое. Пойти в варьете, в театр. И не мог.

Белокурая кареглазая девушка прошла мимо, заглянув в лицо Гореллу. У нее была красивая широкая походка, и она хорошо держала голову. Пройдя, она оглянулась и даже улыбнулась углами рта, но Горелл отвернулся, не чувствуя ничего, кроме раздражения.

С женщинами надо разговаривать. Надо рассказывать о себе. Горелл не мог больше рассказывать о себе.

Ему приходилось слишком много лгать о себе, и теперь он сам иногда не знал, что было правдой. Напрягая память, он вспоминал огромные застекленные пространства. Лестницы, коридоры и салоны больших гостиниц, в которых женщина, называвшая себя его матерью, снимала самые дешевые номера под крышей, где было всегда слишком жарко либо слишком холодно, в зависимости от сезона, и не текла вода в умывальниках. Мать уходила на целые дни по делам, и вечерами ее не было тоже, а он проводил время с подростками — лифтерами и посыльными. Иногда его зазывали в номера скучающие жильцы, и там он видел много странных людей и событий.

Потом... Да нет, ничего примечательного в его биографии потом не случилось. Просто однажды мать не вернулась в гостиницу. Он неделю просуществовал кое-как, питаюсь подачками, а через неделю его привели в контору отеля, и там по акту, подписанному служащими, как вазу или ковер, передали представителю приюта святой Катерины.

Впрочем, все это неинтересно. Когда Горелл оказался в университете, в его душе все было испакощено и отравлено.

Кто-то платил за его обучение, пищу и платье. Горелл не особенно интересовался, кто и почему. Уже на втором курсе он отработывал все, что ему давали, выполняя поручения пока в стенах университета.

Существование без цели, без привязанностей, существование на безымянные подачки окончательно растлило его. В восемнадцать лет Горелл перестал думать о будущем.

Закончив университет посредственно, как и требовалось от него, ничем не выделяясь из массы остальных студентов, Горелл поступил в распоряжение разведывательного бюро.

О дальнейшем Горелл не любил вспоминать. За последние годы даже его железная психика начала сдавать. Он мог существовать только в ограниченном пространстве абсолютно конкретного желания. Или выполняя задание. Находясь на задании, он двигался, мыслил, жил, подчиняясь чужой воле. Но задание кончалось, и начинались страшные интервалы времени, ничем не заполненные, — интервалы, когда что-то оживало и болело в мозгу и доводило иногда до мыслей, которые даже Гореллу казались сумасшедшими.

Юноша в новом белом плаще, увлекшись рассказом девушки, толкнул Горелла и не успел извиниться. Горелл повернулся в его сторону всем корпусом, никто не заметил, как поднялась его рука, но юноша уже корчился от короткого жестокого удара, а Горелл с отвращением смотрел на его затылок, темнозолотистый, по-мальчишески кудрявый. Разогнувшись, юноша рванулся вперед, но девушка повисла на нем, она видела глаза Горелла, ставшие совсем плоскими в глубоких орбитах, затянутые дымкой, и поняла, что следующим ударом он убьет.

Горелл сплюнул и, раскачиваясь, пошел дальше, двигаясь вместе с толпой, вперед, в пыльное марево улицы, пронизанной желтыми, красными и зелеными огнями.

Остановившись около кассы варьете, он взял билет и прошел наверх, в ложи.

На сцене под прожекторами двигалась белорозовая масса сплетенных женских тел. Громкие молодые голоса старательно вытягивали куплеты о Мэри, ужасно любившей своего ягнечка. За занавесом видна была группа девушек, они стояли, прислонясь голыми спинами к грязной кулисе, свесив по бокам большие напудренные рабочие руки, и покорно ждали своей очереди.

Горелла затошнило, он встал и вышел на тротуар.

Закурив, он обернулся, быстро нашел в толпе за своей спиной коротконогого лысого юношу и сделал ему знак рукой. Сконфуженно и виновато улыбаясь, юноша подошел.

— Едем домой! — сказал Горелл, швыряя окурок в металлическую корзину. — Должно быть, слишком жарко для веселья!

Коротконогий пожилой юноша послушно полез за ним в автобус. Уже подходя к калитке коттеджа, потев от страха, он жалобно попросил:

— Сэр, вы не скажете старику, что опознали меня в толпе, сэр? Я должен был следовать тайно...

Горелл не ответил. Он поднял верхнюю губу и издал звук, от которого у лысого парня заболели зубы.

Позже Горелл попробовал напиться в одиночку, за ужином, но так и не сумел опьянеть. Около трех часов ночи к нему пришел шеф и принес документы, деньги, бутылку французского коньяку.

— Отдохнете в дороге, — сказал он. — Выпьем и поболтаем на прощанье. Через час я уезжаю. Вас отвезет на аэродром тренер.

Они выпили и попробовали вспомнить подходящие интересные эпизоды из прошлого. Но, видимо, что-то случилось с обоими, потому что им не было интересно и хотелось помнить как можно меньше.

— Может быть, мы просто стареем, — сказал шеф. — И еще, по-моему, слишком много в последнее время слышно разговоров о мире. Это мешает.

Горелла опять затошнило.

— Давайте о деле, — сказал он. — А то я буду спать.

— Нового ничего нет, — сказал шеф. — Начальство посылает вам привет. Установки прежние, постарайтесь узнать все что можно о новой работе Пономарева и во что бы то ни стало уничтожьте его вместе со всей группой. В наше время нельзя уничтожить научное открытие, но задержать можно. Ваше дело — задержать.

— Спасибо, — сказал Горелл, облизывая пересохшие губы. — Большое спасибо.

— Не кривляйтесь! — огрызнулся шеф и вскоре ушел.

После его ухода Горелл разделся донага, лег навзничь на постель и долго пытался погрузиться в сон, напоминающий потерю сознания, которому научил его один старый таитянин. Ничего не получилось.

Тогда он сел, закурил и попытался вспомнить о чем-нибудь. Но сознание было пустым, он ощущал только тоску, беспокойство и еще желание разбить голову о стену, чтоб избавиться от этой ноющей пустоты.

Тренер заглянул к нему в половине шестого утра. В комнате пахло табаком и спиртом.

Горелл стоял у окна, глядя в складки опущенной шторы, обхватив себя за плечи руками. Плечи его мелко тряслись, как от озноба.

Тренер закрыл двери и через несколько минут громко постучал.

Не сразу сонный голос спросил:

— Что, уже пора?

— Пора, — сказал тренер, сдерживая дрожь при мысли, что ему придется массировать сейчас этого человека. — Я жду вас на террасе.

— Сейчас иду. Как погода?

— Приличная... Днем будет жарко. Но для вас это уже не имеет значения! Через полтора часа вы летите...

— Сейчас иду! — откликнулся Горелл.

Вот так это опасное животное, сохраняющее все повадки и навыки человека, в совершенстве овладевшее искусством разрушать и убивать, оказалось на земле нашей Родины.

В августе сорок первого года Юля получила похоронную на мужа.

Прочитав извещение, она ушла в комнату, забралась на диван с ногами и без слез, не двигаясь, просидела так до вечера. К ночи ее зазнобило, температура поднялась до сорока. Юля бредила, отталкивала термометр и чашку с водой, и соседи вызвали врача.

Молоденькая заплаканная докторша, всего час назад проводившая на фронт отца и мужа, определила тиф. Докторша ошиблась, но Юлю отправили в больницу, в инфекционное отделение, и там она действительно заразилась тифом.

Через полтора месяца она вернулась домой похудевшая, остриженная, похожая на сердитого подростка.

Товарищи мужа помогли ей устроиться на завод, в тот самый цех, где работал до войны муж.

Завод перестраивался на выпуск военной продукции, работы было много. Юлю обучала работать Пелагея Ивановна, инструктор отдела техконтроля, старая старательная женщина с тонкими рыжеватыми косицами, туго сколотыми на висках. Просматривая детали, шлифованные Юлей, она искренне огорчалась и терпеливо стояла рядом с ней, пытаясь понять, почему эта молодая женщина не может правильно выполнить несколько простейших операций.

— Слабая ты! — наконец решила Пелагея Ивановна, — ничего, вот окрепнешь после болезни да привыкнешь к своему горю, дело и пойдет. А пока мы тебя на легкую работу, в контору переведем!

Юлю перевели на работу в отдел труда. Ей дали маленький, крытый черной клеенкой стол, арифмометр, счеты и несколько ящиков с карточками. В этих ящиках хранились истории побед и поражений, летописи жизни цехов, бригад, людей и даже станков. Каждый день Юля получала сводки выработки и разносила цифры по карточкам. Завод перестраивался, цеха лихорадило, люди не выходили сутками из цехов, стараясь использовать каждую секунду времени, каждый кусочек металла, и все это отражалось в лаконическом языке цифр, заполняющих графы рапортичек, стекающихся в отдел труда.

Заведующая отделом труда Нина Борисовна, толстая усатая женщина, молчаливо и неодобрительно присматривалась к работе Юлии.

Для Нины Борисовны каждая цифра в карточке была священной. Она работала в отделе труда со дня его основания и в отчетности видела не просто стопку рапортичек или охапку карточек, а отражение сложнейших процессов, происходящих в организме завода, процессов, в которых все было необыкновенно важно и интересно.

Нина Борисовна говорила резким мужским голосом, двигалась порывисто, одевалась как попало и делала перманент, следить за которым не успевала и не умела, а поэтому вместо прически носила нечто бесцветное и мятое, похожее на прошлогоднее гнездо.

Но крохотный кабинетик ее, отгороженный фанерой от отдела, всегда был полон людьми. Если кто-нибудь начинал на заводе новое дело или у кого-нибудь что-то не ладилось, в первую очередь шли за советом к Нине Борисовне, к ней даже в столовой подсаживались за столик и советовались.

С точки зрения Нины Борисовны, Юля совершала чудовищные вещи: путала записи, медлила с отражением сведений, задерживая необработанные рапортички по два, три дня.

Иногда она выговаривала Юле за небрежность; та не оправдывалась, и Нине Борисовне казалось, что Юля с трудом удерживается от насмешливой улыбки.

Человеческие характеры давно перестали быть для Нины Борисовны загадкой, ведь всю свою жизнь она занималась тем, что изучала деловые качества людей. И будь на месте

Юлии другая молодая женщина с судьбой обыкновенной, Нина Борисовна просто уволила бы ее как не справившуюся с работой, потому что все в характере Юлии не устраивало ее, да и самой почвы для изменения недостатков она не видела.

Но Нина Борисовна жалела Юлию простой бабьей жалостью. Она понимала, что у Юли нет никакой поддержки: родственники, какие были, остались в Белоруссии, занятой оккупантами. И сколько хватало сил — терпела.

Однажды она попробовала поговорить с Юлией. Она задержала ее после работы и без всяких вступлений сказала:

— Давайте, Харитоновна, еще раз попробуем договориться. Может быть, вы просто не понимаете сути нашего дела? Как вы представляете функции отдела труда?

Юля молчала. Она сидела по ту сторону стола и покорно слушала. Волосы у нее начали отрастать и вились крупными, короткими золотыми колечками. Нина Борисовна, посмотрела на эти колечки, на худенькие ключицы, проступающие в вырезе белой кофточки, безукоризненно чистой и хорошо выглаженной, и растерянно вздохнула.

— Просто не знаю, что с вами делать! — сказала она. — И как это Харитонов вас ни к чему не приучил? Сам он был весьма собранным и глубоким человеком! Впрочем, что ж об этом сейчас говорить... — спохватилась она.

Юлия уклончиво молчала, а Нина Борисовна смотрела на ее нежное розоватое лицо с тяжелыми темными глазами и вспомнила историю женитьбы Харитонova, о которой в свое

время много толковали на заводе. Харитонов уехал в командировку в Минск на слет стахановцев Белоруссии и вернулся женатым. Говорили, что Юля — дочь ответственного работника в Минске, что родители ее баловали и берегли, потом мать умерла, отец второй раз женился и капризная Юля не поладила с мачехой. Харитонов познакомился с нею на улице в тот момент, когда она ушла из дома навсегда. Юля стояла, уткнувшись лбом в стену дома, и плакала по-детски обстоятельно, посапывая и тяжело вздыхая. Харитонов принялся ее утешать, повел домой, помирил с родителями и через два дня зарегистрировался с нею.

— Пожалуйста, увольте меня! — однажды попросила Юля. — Я вас очень прошу! Пожалуйста!

— А как ты жить будешь? — удивилась Нина Борисовна. — Может быть, попросим перевести тебя на другую работу, полегче?

— Нет, нет... — торопливо ответила Юля. — Вы только увольте. Я устроюсь! У меня есть возможности!

Она сказала это так убежденно, что Нина Борисовна, просветлев, с легким сердцем уволила ее и тут же стала хлопотать о переводе в свой отдел работника, давно ей приглянувшегося.

Но недели через три, проходя мимо нового шестиэтажного дома, где Харитонов получил в прошлом году двухкомнатную квартиру, она вспомнила о Юле и зашла ее навестить.

Навстречу вышла Юля в голубой, легкой кофточке, как всегда, удивительно чистенькая,

гладенькая, и встревоженно поздоровалась с гостьей.

Кто-то сконфуженно кашлянул в глубине комнаты, и навстречу Нине Борисовне поднялся Аносов, начальник заводского строительного отдела, пожилой, молчаливый человек в полувоенной одежде. На ногах у него были тапочки, на носу очки, в руке он держал раскрытую книжку, видно, только что встал с дивана...

— Я мимо шла, зашла... — багровея от неловкости, сказала Нина Борисовна.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, что зашла! — сконфуженно мялся Аносов. — Садись, чаю выпьем...

— Я тороплюсь! — мрачно сказала Нина Борисовна и ушла.

Несколько часов ее мучило неотвязное ощущение неловкости, виноватости и неясной обиды.

Юля прожила с Аносовым до сорок четвертого года. В начале сорок четвертого года вернулась из эвакуации его жена с двумя детьми. За месяц до ее приезда Аносов начал реже бывать у Юлии, перестал давать деньги, а за неделю вовсе бросил заходить.

Предчувствуя недоброе, Юля надела лучшую свою шапочку из голубой белки и пришла к нему на завод.

Он принял ее в кабинете, хмурый и совершенно чужой. *

— Может, мне на работу опять надо поступить? — неуверенно спросила Юля.

— Конечно, надо! — сухо сказал Аносов. — Как можно в нашем государстве не трудиться! — осуждающе прибавил он, не глядя

на Юлю, с неудовольствием чувствуя, как через стол доносится к нему знакомый запах ее духов. — Я бы только советовал вам ориентироваться на другое предприятие, — внушительно продолжал он. — И квартиру вам следует поменять. По вашему теперешнему положению велика квартирка-то! Догадается кто и поставит вопрос об уплотнении.

Юля поняла угрозу, вежливо попрощалась и ушла. Больше она не пыталась с ним встретиться.

По телефону она пригласила в гости Костю Юрочкина, агента отдела снабжения завода, пожаловалась на свою судьбу.

— Кошмар! — сочувственно сказал Костя. — Но ничего, не расстраивайтесь, Юленька! Я вас завтра же устрою на работу... Хотите служить диспетчером? Или — секретарем?.. Что вам больше нравится?

Юля закусила прозрачный ноготок и задумчиво посмотрела на Костю.

— Вы мне раньше квартиру помогите обменять! — попросила она. — А насчет работы я подумаю. Я, Костя, очень большой человек. У меня недавно целый день голова болела... Вот поправлюсь, окрепну, тогда...

Юрочкин уверил Юлю, что впервые видит такой нежный цвет лица, как у нее, и что обменять квартиру — дело плевое.

— Располагайте мною во всех отношениях! — восторженно предложил он. Вскоре он привел к Юле тучного человека и рекомендовал его как «врача-специалиста». Врач брезгливо осмотрел безукоризненно чистую квартирку Юли и ушел, ничего не сказав, а через две недели приехал и вручил ей ордер

на крохотную однокомнатную квартиру около Эрмитажа.

Юрочкин перевез вещи Юли, помог устроиться и достал справку для домоуправления, в которой черным по белому было написано, что гражданка Харитоновна Юлия Сергеевна работает на базе № 9 Главгипрометтехстроя в качестве товароведа-консультанта с оплатой в семьсот пятьдесят рублей.

Через некоторое время он забежал днем, не снимая пальто, не садясь, рассказал пару анекдотов и попросил Юлю приютить на недельку одного знакомого, командированного из Днепрпетровска.

— Парень хороший, понимаешь, в гостинице номер никак не может достать. А ты все же заработаешь! Он на диванчике устроится!

Сначала Юлю тяготили чужие люди, приезжающие в ее дом во всякое время дня и ночи. Сначала после каждого постояльца она мыла пол, кипятила посуду, но вскоре привыкла к беспорядку и начала заметно опускаться. Отяжелела, научилась пить водку и требовать деньги за ночлег вперед, по нескольку раз в день гадала на картах на «нечаянную радость» и полюбила ходить по магазинам, скупая «промтовары», которые перепродавала постояльцам, как заправский спекулянт, втридорога.

Однажды к ней позвонили поздно вечером, около двенадцати часов. Заглянув через щель в дверь на площадку лестницы, Юля увидела высокого человека с чемоданом в руке.

— Извините, пожалуйста! — сказал человек улыбаясь. — Меня направил к вам товарищ Фесенко, Илья Ильич... Разрешите войти?

Этот постоялец вел себя совершенно как все. Прежде всего попросил разрешения принять ванну, потом с удовольствием пил чай и расспрашивал Юлю о ее жизни. Заученно и раздраженно Юля повторяла, что муж погиб во время войны, специальности нет, жить трудно, вот изворачивается, как может... Постоялец, назвавший себя Константином Ивановичем Клебановым, сочувственно покачал головой и сказал:

— Да, женщине трудно одной. Если позволите, Юлия Сергеевна, я у вас поживу недельку-другую. Вот мой паспорт. Если надобна прописка, пожалуйста. И — аванс...

Он положил перед Юлией на стол двести рублей.

— Живите! — апатично сказала Юля. — С пропиской можно подождать. Если придется домоуправ — другое дело... А лучше бы — так!

— Как хотите, мне все равно! — удовлетворенно согласился Клебанов. — С вашего решения я лягу спать...

Он быстро разделся в темноте, сунул что-то под подушку и через несколько минут уснул, ровно и глубоко вдыхая воздух.

Нет, никаких подозрений не вызвал в Юле новый постоялец. Как все командировочные, он уходил рано утром по делам, иногда забежал среди дня и лежал на диване, просматривая какие-то книги и журналы. К вечеру он всегда приносил что-нибудь вкусное и делился с Юлей. Он жил удивительно размеренно и аккуратно, даже обгорелой спички не оставалось после него, так что почти не приходилось убирать.

Единственно, что слегка обижало Юлю, Константин Иванович не пытался сблизиться с ней. Отношения у них были ровные, Клебанов был вежлив, в меру шутил, в меру молчал и хоть не разбрасывался деньгами, но и не скупился.

Только однажды Юля почувствовала, что за его вежливостью скрыты и другие чувства. Неожиданно приехал один из постоянных гостей — юрисконсульт с уральского завода. Юле было жаль ему отказывать, и когда Клебанов пришел, она спросила, не будет ли он возражать, если с ними в комнате на раскладушке переночует еще один товарищ. Всего три ночи! Днем его не бывает дома...

— Возражаю! — коротко сказал Клебанов, и у Юли почему-то от страха задрожали руки и ноги. — Категорически возражаю, — повторил Клебанов, недружелюбно, с досадой, как показалось Юле, взглянул на нее и неожиданно обнял.

Вечером она отказала уральцу, и тот ушел, огорченный, волоча за собой чемодан.

Клебанов пришел домой поздно, во втором часу, принес бутылку вина и торт. Он вел себя обыкновенно и даже слова какие-то произносил с претензией на чувствительность, но почему-то Юле с ним было страшно и оскорбительно. Когда он уснул, Юля ушла в ванную, заперлась там и долго плакала, сморкаясь в мохнатое полотенце, и спрашивала себя, — неужели правда, что толстеющая женщина в зеркале, с рыхлым лицом и провалившимися глазами, и есть она, Юлька, у которой были когда-то Харитонов, дом, друзья и прочая нормальная человеческая жизнь!

Горелл-Клебанов и иностранный подданный Биллиджер никогда не встречались. Но с некоторых пор жизни их были связаны самым теснейшим образом.

Все мысли Биллиджера были с Гореллом. С мыслью о том, надежно ли укрыт в эту ночь Горелл, он засыпал и, просыпаясь, думал только об одном, как бы не оборвалась тончайшая ниточка, дающая им возможность общаться друг с другом.

Маленький, болезненный Биллиджер вел теперь трудную жизнь.

Он приходил в Ленинскую библиотеку к ее открытию и до пяти-шести вечера рылся в комплектах газет и журналов. Робертс освободил его от всех обязанностей, потому что Биллиджер выполнял сложнейшее задание — искал «подход» для Горелла к профессору Пономареву.

С трудом Гореллу удалось перейти границу. Приехав в Москву, Горелл направился к Юле, квартира которой была известна начальнику и считалась «спокойным местом, где можно закрепиться». Переждав несколько дней, он отправился на явку.

В подвальном этаже крохотного деревянного домика за Киевским вокзалом Горелла встретил «связной» — старый портной, покрытый перхотью, грязью и салом, пришепетывающий и приседающий от страха.

— Рано! — твердил он и оглядывался то на дверь, то на окно. — Еще нет ничего для вас! Приходите через неделю...

— Начинается! — вздохнул Горелл, резко, со свистом, выпустил воздух сквозь зубы и ушел.

Труднее всего оказалось «подойти» к профессору Пономареву. Адреса его в телефонных справочных книжках не было. Справочное бюро ответило, что таковой в Москве не проживает. Круг учреждений и домов, которые посещал профессор, был совершенно недоступен Робертсу, Биллиджеру и Гореллу. Еще меньше шансов было найти его лабораторию.

Но и адрес еще не решал успеха. Пономарев, занятый и в последнее время особенно замкнутый, не принимал людей по телефонному звонку или письму. Случайные посетители, как правило, обращались к референту. Значит, Биллиджер должен был найти такой ход, который бы наверняка обеспечивал прием у самого Пономарева. Надо сказать, что природа крепко подшутила над Биллиджером. Душа его с детства была полна честолюбивых замыслов. Биллиджер любил лисью охоту, жестокую и трудную, в мечтах он видел себя дипломатом, полководцем, соблазнителем светских красавиц, вожаком боев в парламенте.

Но природа, не желая считаться с устремлениями Биллиджера, подсунула ему узкие плечи, маленькие темные, беспокойные глаза и тихий голос. И все же Биллиджер нашел себе занятие, в которое вместились его честолюбивые страсти. Он стал разведчиком.

Биллиджер был «открытым» разведчиком. Он собирал сведения в легальных местах, открыто.

В сером потертом костюме и запыленных ботинках он посещал лекции, научные демонстрации, выставки и часами терся в толпе, прислушиваясь к разговорам, улавливая отрывки, намеки, полужапы. Вернувшись в посольство,

он записывал их по памяти и просиживал потом иногда над записями до рассвета, докапываясь до смысла. Биллиджер ежедневно по нескольку часов работал в самых различных библиотеках, просматривая периодику, анализируя репортерские заметки и научные статьи.

Когда плечи у него деревенели от перелистывания газетных комплектов, когда начинало тошнить от голода, он шел в буфет и там рядом с гостеприимными приветливыми людьми ел их хлеб и, беседуя, продолжал ворочать в мозгу очередную партию материала, собранного за утро, прикидывая, как бы ловчее навредить этим людям.

В конце концов он нашел способ.

На странице газеты «Пионерская правда» Биллиджер прочел заметку о том, что пять лет назад профессор Пономарев, лауреат Сталинской премии, побывал в школе-десятилетке и беседовал с учениками.

Пономарев рассказал ребятам, как он учился, как, будучи аспирантом в самый тяжелый, первый год Великой Отечественной войны, вынужден был уехать в Челябинск и продолжать там работу над диссертацией. В Челябинске его приютила большая рабочая семья токаря по металлу Андрея Аникановича Горбачева. Заметив, как напряженно трудится молодой Пономарев, как стыдно ему, что он, молодой, здоровый человек, находится в тылу, Горбачевы сделали все зависящее от них, чтобы облегчить жизнь Саше Пономареву. Возвращаясь с завода, где он осуществлял свою диссертационную работу, Пономарев всегда получал тарелку горячего супу и кружку чая. Жена Андрея Аникановича чинила его одежду с та-

кой же заботой, как и своим детям, а сам Андрей Аниканович часто подсаживался в свободную минуту к юноше и беседовал с ним обо всем, что тревожило Пономарева, помогал ему правильно разобраться в своих мыслях, найти свое настоящее место в жизни. «Многим я обязан этой чудесной семье потомственных челябинцев и теперь не порываю дорогой для меня связи...»

Биллиджер тяжело задышал в нос, прочитав заметку. Он выписал ее целиком и сейчас же заказал комплекты челябинской газеты за все годы, начиная с 1941.

Он был терпелив и вынослив, как лошадь. Он просмотрел все комплекты и выудил из них кое-какие материалы о Горбачеве. Там были подробности о семье Горбачева — как переезжали они в новый дом, как Андрей Аниканович ходил голосовать на выборах в Верховный Совет со своим младшим внуком Витей. Биллиджер познакомился с фотографией Сони Горбачевой, талантливой молодой работницы, лучшей лыжницы города. Портрет ее был напечатан тут же, рядом с заметкой, и Биллиджер внимательно рассмотрел смеющуюся девушку в вязаном колпачке, из-под которого падали на плечи влажные от снега толстые косы.

Двое суток Биллиджер анализировал добытый материал, а потом представил Робертсу схему: Горелл легально разыщет Пономарева и явится к нему как бы от семьи Горбачевых с просьбой помочь Сониной подруге Вале Макаровой поступить в университет на физический факультет.

Горелл попробует установить с Пономаревым контакт. Если это не удастся, он присмотрится к ученому, готовясь к диверсии, и, главное, постарается установить местонахождение его лаборатории.

Слушая Биллиджера, Робертс долго мямл в ладонях свое круглое розовое лицо и вздыхал. Все это ему не нравилось. Не нравилась спешка. В таких делах не торопятся, а его почти каждый день запрашивали по телеграфу, требуя ускорить ход событий.

Робертсу не нравился портной, выполнявший обязанности связного, — он явно трусил и, что было хуже всего, перестал интересоваться деньгами. Но другого связного не было!

— Хорошо!.. — невесело сказал Робертс. — Во всяком случае это наиболее разумный вариант. Подготовьте информацию для передачи, Биллиджер! Сегодня вечером я иду в театр.

Господин Робертс любил балет.

В тот момент, когда машина останавливалась перед театральным подъездом, маленький, смятый носик его краснел, а ноздри начинали вздрагивать.

Совершенно другие чувства испытывала госпожа Робертс, входя в ложу театра.

Каждая балерина была смертельным врагом — ведь на нее с вожделением смотрел Робертс в полевой бинокль. Просто невозможно было оторвать его от этого ужасного бинокля. Госпожа Робертс улыбалась, отвечая на поклонны дипломатов, находящихся в соседней ложе, но сердце ее, как оно страдало, бедное,

измученное ревностью, истекающее черной, едкой кровью!

— Вы безнравственный человек! — говорила она чуть слышно. Бинокль вздрагивал, но оставался у глаз господина Робертса. — Вы отвратительны мне! — твердила госпожа Робертс, с ужасом всматриваясь в зеленоватые сумерки сцены. Оркестра уже не существовало, это само тело Стручковой, почти неправдоподобное в своей прелести, источало волны музыки... — Вы смешны, да, да, вы смешны, мерзкий человек! — задыхаясь от обиды, шептала госпожа Робертс. Зубы господина Робертса поскрипывали, но бинокль оставался прижатым к глазам... Ведь единственное, что не могла сделать железная Элеонора, как называли ее в посольстве, это вырвать из рук мужа бинокль!

Сегодня, войдя в ложу, Робертс обернулся к капельдинеру и сказал:

— Программу, пожалуйста!

Капельдинер, сутулый человек с больным, темным лицом, подал программу.

Робертс сунул руку в карман и, вынув сложенную вдвое трехрублевку, вручил ее капельдинеру.

— Благодарю вас! — сказал капельдинер и шагнул назад, зажимая в ладони трехрублевку.

Люстры сначала потускнели, затем погасли. Началась увертюра к «Лебединому озеру».

Робертс облегченно вздохнул и опустил потные, слегка дрожащие пальцы на бинокль.

В это время капельдинер, запершись в мужском туалете, развернул трехрублевку, вынул из нее узкую резиновую трубку и вложил в отверстие, подпоротое под кантом обшлага униформы.

Открылся занавес.

Неожиданно железная Элеонора протянула руку, взяла бинокль и, вцепившись в него всеми десятью пальцами, приложила к глазам, ничего не видя, но торжествуя. Робертс беспокойно заерзал.

Потом он кашлянул.

В середине акта он набрался храбрости и громко и ласково сказал:

— Дорогая, позволь мне взглянуть...

Соседи оглянулись, и железная Элеонора вынуждена была сдаться... Она вернула мужу бинокль.

На следующее утро капельдинер зашел навестить портного и передал ему резиновую трубочку.

Еще через день Горелл пришел к связному, и тот, как всегда изнывая от ужаса, вручил ему трубочку, полученную от капельдинера, и почти вытолкнул за дверь.

Возвратившись домой, Горелл послал Юлю за квасом, а когда она ушла, включил настольную лампу и, пинцетом вытянув из трубочки листок бумаги, через лупу прочитал все, что собрал Биллиджер о Пономареве, и дальнейшие инструкции Робертса. Изучив записку, он сжег ее на газовой горелке, как раз вовремя, потому что Юля уже открывала двери своим ключом.

— Зачем ты греешь чайник! Я квас принесла... — раздраженно сказала она, ставя бидон на кухонный стол.

— Пить хочется! — буркнул Горелл. — Я думал, что до вечера не придешь...

— Я пришла! — почему-то угрожающе ска-

зала Юля. — Пей квас и давай поговорим. Мне эта волынка надоела!

Обмывая над раковиной разгоряченное лицо, сердито расшвыривая вещи, Юля сказала, что ее подобная жизнь не устраивает.

— Тебе это, конечно, удобно! — говорила она, изо всех сил удерживаясь от слез. — Пришел, пообедал, выспался и ушел. А я в каком положении?

— По-моему, я не первый обедаю и ночую у тебя! — сдержанно сказал Горелл, не понимая еще тактики Юлии.

— Это совсем другое дело! — закричала Юля и швырнула мыльницу. — Они за тем и приходили, чтоб переночевать и уйти. А вот ты зачем ко мне приехал? Второй месяц живешь, а кто ты мне?

— И я пришел переночевать! — с обидой ответил Горелл. — Но потом у меня возникло чувство к тебе... Ты же сама все знаешь!

— Ничего я не знаю! — с болью сказала Юля. — Если у тебя действительно чувство, почему ты ничего не говоришь?.. Не делаешь ничего... Порядочный человек на твоём бы месте...

— Не знаю, чего ты от меня хочешь! — с мягкой обидой начал Горелл, привлекая к себе Юлию. — Я тебя люблю, ты это отлично знаешь!

— Почему же ты тогда... — мучилась Юля, сиюсь выпросить у него то, что уже много лет было ее самым заветным желанием — и не могла. — Почему ты на работу не устраиваешься? — со злостью крикнула она, злясь на себя и на Горелла. — Все люди, как люди, один ты неприкаянный какой-то!

— Я работаю! — пожал плечами Горелл. — Я нахожусь в командировке...

— Не знаю я, ничего не знаю! — выкрикнула Юля. — Все у тебя не как у людей! Если любишь, почему не женишься на мне? — вырвалось, наконец, у нее с болью.

— Пожалуйста! — пожал плечами Горелл. — Если ты хочешь зарегистрироваться, давай сделаем это...

— Нет, ты серьезно? — сказала Юля, робея, веря и не веря. — Ты правду говоришь?

— Конечно, правду! — спокойно сказал Горелл, лаская Юлю, и от этой ласки она вдруг начала жалобно плакать. Она понимала, что он лжет, что никогда не женится на ней и любви-то никакой между ними нет... Но даже не это было самое тяжелое и обидное. В жизни Юли было много мужчин. И ни с одним из них она не чувствовала себя такой бесправной, опустившейся, обреченной женщиной, как с Гореллом. «Зачем он мне врет? — тщетно спрашивала себя Юля. — Площадь моя нужна? Ерунда, ведь у него деньги есть, он всюду комнату снимет! Что ему надо?»

И тут же замирала от страха, а вдруг — все правда? Может быть, Горелл не врет, а она сама выдумывает, придирается... И сама вот такими придирами загубит свое счастье! Что, если он рассердится и уйдет?

— Ну, перестань, перестань! — ласково просил Горелл, разглаживая волосы Юли. — Все будет хорошо! Вот слушай, ты хотела купить себе шубу. Возьми, вот это... и поищи себе подходящую! По крайней мере будет занятие... Перестань, слышишь?

Он вытащил из своего глубокого кармана пачку денег и положил на колени Юле.

Всклипывая, обрадованная Юля подняла лицо и взглянула на Горелла. Левая щека его чуть-чуть вздрагивала, и он быстро отвел глаза, так много злобы и раздражения в них было... И тут она впервые испугалась Горелла.

Ночью Горелл сказал Юле «правду» о себе.

— Только молчи! — предупредил он ее. — Никому ни словечка, иначе и меня подведешь, и сама пострадаешь. Ты все же мне жена, хоть мы пока не зарегистрированы. Ты беречь меня должна! Официально я работаю инженером-товароведом в одном главке. Но это только для документов. Ширма! На самом деле я переправляю из Грузии кожи и лак для сапожников-кустарей. Это очень выгодное дело...

— А если попадешься? — испуганно спросила Юля.

— Не попадусь! — усмехнулся Горелл. — И вообще через год я это дело кончаю. К тому времени у меня будут большие деньги, мы с тобой купим домик где-нибудь в Сухуми, сад мандариновый и заживем...

— Костя, неужели это будет? — спросила Юля и, прижимаясь к нему, беззвучно заплакала. — Костя, грех тебе! Я несчастная женщина с разбитой жизнью... Если только ты меня обманываешь, тебе за меня судьба отомстит! — твердила она, прижимаясь мокрой щекой к плечу Горелла.

— Глупо все это! — вдруг отчетливо сказал вслух Горелл.

— Что глупо? — испуганно подняла голову Юля. — О чем ты, Костенька?

— Лежи, лежи, это я так! — напряженно засмеялся Горелл. — Ссориться нам с тобой глупо, вот о чем я... — успокаивающе объяснил он.

Не мог же он ей сказать, что вспомнил в эту минуту, как несколько месяцев назад в Париже жена одного коммерсанта, связанного с лабораториями крупных ученых, вот так же плакала у него на плече. — «Я делаю для вас преступные вещи, Аллан! — всхлипывала она. — Я предаю мужа, добываю для вас эти ужасные сведения... Но помните, есть бог! Я несчастная женщина с разбитой жизнью, и если вы обманываете меня, — он вам отомстит!»

«М-да! — подумал с неприязнью Горелл. — Если бы я боялся только одного господ бога! Какая бы это была чудесная, спокойная жизнь!..»

Но так или иначе Юля на время успокоилась и с утра до вечера бродила по магазинам, прицениваясь к шубам, отрезам и воротникам.

Горелл отправился к Пономареву.

Довольно много времени пришлось потратить на телефонные звонки, прежде чем он разыскал Александра Петровича в одном из московских институтов Академии наук. Биллиджер напал на верный канал: при первом же упоминании о семье Горбачевых голос Пономарева утратил всякую официальность, а минут через двадцать, получив пропуск, Горелл уже входил к нему в кабинет.

Пономарев был один.

— Ну, как они там поживают? — оживленно заговорил он, выходя навстречу Гореллу. — Как чувствует себя Андрей Аниканович?

— Разно! — сдержанно улыбнулся Горелл, пожимая руку Пономареву. — Ведь вы знаете, у старика большое сердце. В последнее время начал сдавать, но храбрится!

— Неукротимый человек! — с восхищением повторил Пономарев, возвращаясь к своему креслу за столом. — Садитесь, пожалуйста...

— Константин Иванович! — быстро подсказал Горелл.

Пономарев и Горелл взглянули друг на друга, и несколько секунд оба напряженно молчали. Потом как-то одновременно усмехнулись, и Горелл заговорил о семье Горбачевых и о Вале Макаровой, подруге Сонечки, которую Андрей Аниканович просит устроить на физический факультет МГУ.

Горелл говорил также о том, какое это счастье быть молодым, поступать на первый курс университета, о старой дружбе, о Челябинске и о многом другом...

А Пономарев слушал и все никак не мог понять, что не нравится ему в этом человеке.

«Сильный физически человек! — думал Пономарев, разглядывая гостя. — С хорошей реакцией. Но что в нем отталкивает?» — и вдруг уловил: неприятным представлялся не сам Горелл, а просьба Андрея Аникановича.

— Вы на каком предприятии в Челябинске работаете? — спросил он Горелла.

Горелл неторопливо назвал предприятие, указанное в списке Биллиджера. И в ту же минуту Пономарев уловил в глазах Горелла обеспокоенное выражение. Оно было мимолетным, но острым.

— Я постараюсь помочь... — смущенно ска-

зал Пономарев. — Это, конечно, не так просто, как вам кажется...

— Нет, нет, если это хоть сколько-нибудь затруднительно для вас, — не надо! — быстро перебил Горелл. — Мне и Андрей Аниканович так наказывал: «Если, говорит, он не захочет — не настаивай!»

— Дело не в том — «хочу» я или «не хочу», — раздраженно сказал Пономарев. — Я думаю, как это практически осуществить. Я ведь почти не бываю сейчас в Москве, все время под Каменногорском.

— Может быть, вы напишете рекомендательное письмо? — оживленно подхватил Горелл. — Я уверен, что письма достаточно.

— Письмо это, пожалуй, самое лучшее! — согласился Пономарев. — Как вы сказали зовут эту девушку? Валентина Макарова?

Он присел за письменный стол и размашистым почерком набросал письмо.

Прощаясь, Горелл вдруг почувствовал, что настроение у него падает. Почему? Пономарев принял его крайне любезно. Даже пригласил заходить при случае. И все-таки Горелл вышел из кабинета, досадуя на себя. Несмотря на явную удачу, свидание не получилось. В чем же был просчет? Горелл продумал каждую интонацию Пономарева и не понял. А потом решил, что опасения его пусты. Нервы начинают изнашиваться, вот и все. Каменногорск — вот самое главное! И как чистенько Пономарев это главное выболтал!

А Пономарев, расставшись с Гореллом, никак не мог удержаться от ощущения досады и тревоги.

К вечеру тревога усилилась. Просматривая мысленно события последней недели, стараясь отыскать в них причину его беспокойства, Пономарев вдруг понял, что дело не в нем самом.

Вечером позвонил Смирнов.

— Дела мои ничего себе... — вяло бормотал Пономарев. — Нет, ничего новенького. Почему голос хилый? Да так, раздосадовало кое-что. Понимаешь, обидно, когда хороший человек... И не просто хороший, а служивший для тебя в течение ряда лет примером, образцом честности, вдруг... Впрочем, тебе это не интересно. Все интересно? Ну как бы тебе это объяснить. Просто объяснить? Короче говоря, ты знаешь, какой у нас конкурс поступающих на физический факультет? Огромный. И вот сегодня ко мне явился один тип и просил, по поручению этого самого моего друга, устроить по протекции одну девицу. Хорошие люди так не поступают? Да ведь это, знаешь, как сложится. Так не бывает? Что за тип? Нет, я его прежде никогда не видел. Тип как тип, неприятный, больше ничего не могу сказать. Днем приходил в институт. Нет, для себя он ничего не просил. Откуда я знаю, почему Андрей Аниканович сам не написал? Может, болеет. Да нет, тип этот ни при чем. Меня поразили странный поворот мозгов у Андрея Аникановича. Святой был человек, и вдруг в таком деле, как студенческий конкурс... Начинается... Ничего в этом для тебя интересного нет. Пожалуйста, присылай, только имей в виду, завтра утром я уезжаю.

Через полчаса в институт прибыл Миша Соловьев, снял копию с корешка пропуска, вы-

данного Клебанову, и дополнительно побеседовал с Пономаревым.

В тот же день капитан Захаров послал запрос в Челябинск о том, работает ли там Клебанов и есть ли у Сони Горбачевой подруга Валя Макарова, желающая поступить в МГУ на физический факультет.

В деле Горелла настало самое тяжелое время. События перестали совершаться, данные перестали поступать. Все молчали, ждали, нервничали и занимались будничными делами отдела.

Но затишье было ложным. События совершались, только люди, заинтересованные в них, пока ничего не знали.

Пережив много тошнотворных приступов страха, перед которым даже астма казалась удовольствием, Крюгер не выдержал. Он выбрался из-под крыши, с трудом натянул одежду и ботинки и, задыхаясь, путая обрывки молитв, запомнившихся с детства, выполз на улицу. Добравшись до будки телефона-автомата и отдышавшись, он позвонил.

— Умоляю зайти ко мне!— долго хрипел он в трубку.— Есть необыкновенно важные новости.

И тотчас же новая спазма страха сжала тело Крюгера. Конечно, позвонив в бюро, он сделал хуже... А что, если, начав раскапывать, чем интересовался Штарке и для кого, они докопаются и до того, что он, Крюгер, выболтал? А если им вообще не понравится, что он еще жив? Комната находится в углу чердака, под самой крышей, здесь и жильцов-то поблизости нет, одни чуланы...

В короткий срок сообщение Крюгера прошло сложный путь и попало, наконец, в руки человека с военной выправкой, отправлявшего Горелла через границу в Советский Союз.

Он долго сидел над листком бумаги, заключающим в себе расшифровку донесения о Штарке, Крюгере и Горелле. Потом отправился к начальству.

Начальство — седой, бледный полковник не повышал голоса на подчиненных, но когда ему принесли сообщение Крюгера, воздух в комнате, казалось, превратился в ледяные иглолки.

— Конечно, Штарке мог интересоваться личностью Стефена Горелла только по поручению советской разведки, — спокойно сказал он, откладывая сообщение. — Значит, Горелл обнаружен на советской территории. Все дело только в том, — арестован ли он! Вот что значит поддаваться дурацкой жалости и оставлять жизнь таким людям, как Штарке и Крюгер...

— Штарке уже ликвидирован, — заметил человек с военной выправкой.

— Крюгеру тоже незачем больше валяться на этой земле! Сегодня же примите меры. И подготовьте сообщение в Москву для Робертса.

Зашифрованное сообщение, сопровождаемое колкостями в адрес Робертса и инструкциями, было немедленно отправлено в Москву.

Робертс и Биллиджер сначала испугались, потом продумали каждое слово сообщения, изучили каждое слово информации, полученной от Горелла через портного, и пришли к успокаивающему выводу:

— Только дергают зря! — раздраженно сказал Робертс. — Горелл жив, здоров и бла-

гополучен. Что из того, что им заинтересовались? До осуществления нашего плана остались считанные дни, вряд ли советская разведка что-нибудь успеет за это время. Вот портной мне не нравится! Если б я имел замену, я убрал бы его немедленно!

— Подготовить сообщение для Горелла? — осведомился Биллиджер.

— Зачем? — возразил Робертс. — Он весьма осторожный человек. Подобное сообщение только вздернет ему нервы. Подождем.

Многим людям свойственно ошибаться. Случилось так, что разумный господин Робертс, имеющий большой стаж в организации международных преступлений, ошибся.

Действительно, портной сильно трусил. Но сильнее страха в нем было желание открыть в Доме моделей, что на Кузнецком мосту, свой магазин изящного платья.

Так ему было обещано. Так говорил человек, очень редко встречающийся с ним.

Однажды они виделись в частной квартире. Хозяйка квартиры, красивая женщина с огромными черными зрачками и дергающимся ртом, ушла, оставив их вдвоем.

Портной жадно рассматривал своего собеседника и думал, неужели вот этот узкоплечий, косой человечек и есть вершитель мировых судеб!

А «вершитель мировых судеб» сидел рядом с ним и говорил:

— Голливуд, нейлон и атомная бомба — величайшие завоевания человечества!

— Конечно, конечно, — бормотал портной, огорчаясь, что косой пришел в обыкновенном костюме, сшитом на советской швейной фабрике. И ботинки, и носки у него были неинтересные, привычного глаза образца. Да и весь он какой-то уж очень обыкновенненький, в толпе и не заметишь!

— Голливуд помогает забыть все ваши неприятности! — продолжал неторопливую беседу косой, дымя сигаретой «Дукат».

— Безусловно! — всхлипнул портной. — Безусловно!

— Нейлон помогает женщинам экономить деньги и нравиться мужьям. Вы обратили внимание, что женская нога в нейлоне имеет совершенно особую, современную фактуру?

— Конечно, — заулыбался портной. — Безусловно!

— И, наконец, атомная бомба есть атомная бомба! — суховаато сказал косой.

— Да... — обмирая от ужаса, подхватил портной. — Вот именно!.. Тут уж ничего не скажешь...

— Международная обстановка весьма напряжена! — продолжал косой. — Вы это сами знаете!

— Да, да, как же! — мгновенно выразил на лице осторожное и почтительное неудовольствие портной. — Очень напряженная ситуация...

— Все может быть! — угрожающе сказал косой. — Вы меня понимаете? Я не могу с вами говорить яснее... Это секретная тема. Но как нашего человека я вас всегда смогу предупредить! И вот, судите сами! Поскольку вы помогали нам, совершенно закономерно для нас будет помочь вам в той новой структуре, кото-

рая возникнет в России в результате третьей империалистической, как у вас говорят, войны. Вы станете богатым человеком. Откроете магазины, где пожелаете! Мы вас поддержим.

Косой сдержанно засмеялся. У портного сладострастно екнуло что-то под сердцем.

— Вот так! — закончил косой. — Старайтесь!

И он старался. Трусил и предавал. Копил деньги, обдирая клиентов и по ночам выдумывая для своих магазинов рекламы, облицовку на домах, вывески и форму для продавцов...

— И обязательно надо будет сразу же приобрести как можно больше земли на Алтае и в Башкирии! Земля будет дешевая, а население мы опять к ногтю приберем. Сначала-то суматоха заведется, а я, пока другие разберутся что к чему, отхвачу себе надель!

Портной уже видел себя в машине в спортивном костюме, напоминающем венгерку, в перчатках, с хорошей нагайкой... Он объезжает свои дальние угодья... Население кланяется, выносит подарки. Звонят колокола!

Нет, ради всего этого стоит рискнуть!

И портной, совершая над собой невероятные усилия, преодолевал страх и делал все, что от него требовалось.

Положительно Робертс ошибся!

Гроза грянула совсем с другой стороны.

Спектакль кончился. Костюмерши унесли из актерских уборных балетные пачки, переливающиеся радужными тонами, перья и атласные туфли с уродливыми пробковыми набалдашниками на носках, под атласом.

В зале капельдинеры опускали на бархатные барьеры лож холщовые чехлы. На сцене было пусто, и только вверху на колосниках переговаривались рабочие, поднимая декорации, готовя сцену к завтрашней ранней репетиции. Пахло холстом, клеем, пудрой, пылью.

В этот час, когда в театре успокаивается все, кроме актеров, все еще переживающих возбуждение после сыгранного спектакля, по сцене, направляясь к мужским актерским уборным, прошел пожилой капельдинер с болезненным лицом, тот самый, у которого всегда покупал программы господин Робертс, любитель балета.

Он поднялся по лестнице, вошел в узкий коридорчик и постучал в дверь, на которой была привинчена стеклянная дощечка с надписью «Народный артист республики Иван Леонидович Глебов».

— Войдите, войдите! — раздался голос из-за дверей. Капельдинер вошел и увидел Глебова, прикорнувшего на коротком диванчике.

— Это вы, Афанасий Гаврилович? — удивился Глебов. — От кого? С запиской?

— От себя, Иван Леонидович, — напряженно сказал капельдинер, стоя у дверей. — Разрешите поговорить с вами. Я к вам как к секретарю партийной организации.

— Пожалуйста, пожалуйста... — Глебов встал и жестом предложил капельдинеру сесть в кресло. — А я машину жду, — сказал он, закуривая, — и вот прилег малость. Чуть не уснул, даже что-то вроде сна успел увидеть! Так чем могу вам помочь?

— Помочь мне уже никто не может, — сказал капельдинер, и Глебов, отвернувшийся

было к столу, чтобы убрать коробку с гримом в ящик, быстро обернулся — столько искренности и горя было в словах старика.

— Сейчас я вам все расскажу, — сказал старый капельдинер, протягивая руку к графину с водой. — Разрешите, я выпью воды. Вот уже несколько дней у меня что-то жжет в горле, и я никак не могу напиться.

«Мы с вами, Иван Леонидович, давно работаем в одном театре. Как же, вы дебютировали в двадцать втором году, а я поступил в театр в двадцать четвертом. Правильно. Между прочим, до сих пор никто в театре не знает настоящей причины, по которой я выбрал профессию капельдинера. Когда кто-нибудь интересовался этим вопросом, я объяснял безработицей. Помните нэп? Биржу труда? Хозяев? Вот я на все это и ссыался.

Как же было на самом деле? Трудно объяснить. Меня когда-то выгнали из многих провинциальных театров. Да, представьте, я служил в оперных труппах! Кто бы мог подумать, правда? Ничего хорошего из этого не получилось, тенорок у меня был плохонький, и обращаться с ним я не умел.

Мамаша моя... Вы извините, я издалека начинаю! Слишком долго, Иван Леонидович, моей жизнью никто не интересовался. Ходил человек на работу, безбилетных не пропускал, свою группу мест содержал в порядке, что же еще от него нужно? Птица на фоне талантов мелкая! Да, Иван Леонидович, у меня есть основания говорить о себе в прошедшем вре-

мени! Вот вы послушайте, что я вам дальше объясню...

Значит, мамаша моя однажды смертельно отравилась театром. Как я уже после ее смерти установил по старым дневникам и письмам, в мамашу мою, когда ей еще не было семнадцати лет, влюбился на несколько дней проезжий актер оперного театра.

Ну-с, он закончил в городе гастроль и уехал, а она, беденькая, так до конца своих дней и не поняла, что же все-таки с ней случилось, горе или счастье?

С одной стороны, как будто горе. Дело происходило в Вологде, родители мамаша были староверами, так что, когда все открылось, на нее обрушился позор, проклятия — словом, весь антураж того времени.

Но, с другой стороны, перед ней открылись ворота в наш холщовый расписной рай. Вот она туда забежала и обратно на свет божий не вышла! И когда дед ее выгнал из дома в одном платьишке, она прибежала в гастрольную оперный театрик и упростила взять ее портнихой, даром, за кусок хлеба... К просьбе снизошли, и всю дальнейшую свою жизнь она провела в костюмерной.

И это она, бедная, считала счастьем.

Через срок, положенный на то природой, родился я. И она по доброте и наивности души приняла и меня за счастливый дар.

Актеры, сами знаете, люди отзывчивые. Собрали кое-что для мамаша. Колоратурное сопрано влияло на директора и упростило оставить нас обоих в театре.

Жизнь у мамаша так и не наладилась. Мало-помалу у нее сложилось маниакальное реше-

ние вырастить из меня знаменитого певца. Ей все казалось, что я очень похож на героя ее юности! Вообще говоря, наверное, был похож, все-таки этот тип осуществил в отношении меня некоторые функции отцовства...

Вот, значит, мамаша и порешила, что я должен петь. Учили меня все, кто развлекся же-лал. В те времена у каждого певца была своя «школа», своя «постановка»! Значит, над моим хиленьким тенорком трудился всяк по-своему. Ну и получилась ерунда, да и к тому же манер я нахватался самых дурных.

В общем худо мне было на певческом по-прище, Иван Леонидович! Ой, как худо! И смеялись надо мной, и со сцены гоняли... Больше двух-трех месяцев нигде не держали.

А тут мамаша умерла. Прочитал дневники и письма и запил. Очень уж безжалостно с ней судьба обошлась. Ну, лицу, обладающему более чем скромными материальными возмож-ностями, пить затруднительно. Кое-как про-держался я в этом свинском состоянии почти шесть лет. Где только не пел! В цыганском хоре. В эстрадном ансамбле. В церковном хоре. На кладбищах, у могил. В поездах...

И вот, как раз в тот момент, когда меня уже до самых ноздрей в грязь затянуло, встрети-лась хорошая женщина и пожалела неизвестно за что.

С этого времени жизнь моя пошла выправ-ляться. Но от театра я все-таки отбиться не мог! Переломил себя, бросил пенье и поступил в капельдинеры. Хоть воздухом театральным дышать — и то счастье. Конечно, очень стра-дал. На том и болезнь печени нажил.

У моей жены был дядька в Москве. Когда ему пришло время выходить на пенсию, он захандрил и выписал нас на житье. Мы, безусловно, ухватились за его предложение, вот я тогда-то и поступил сюда работать. Через несколько лет дядька умер и все свое имущество оставил нам. Так что Володька мой подрастал уже в достатке. Ни в чем ему отказу не было.

И завелась в нашей семье старая горькая песня! Чем больше мы с женой для сына делали, тем хуже: хулиганил, много раз бросал учиться. Чего я только не перепробовал! Бил. Жизнь свою рассказывал, чтоб знал, подлец, каково без образования, без уважения по людям мыкаться. Из дому гнал. Ничего не помогало.

Так что, когда его в сороковом году призвали служить в армию, лично я очень был доволен. Ну, думаю, хоть там-то его к рукам приберут.

А в сорок первом году началась война...

Жена надеялась, молилась, а я сразу понял — доброго ждуть не приходится! В таком ответственном испытании, как война, человеку требуются настоящие душевные силы. На чужой спине долго не проедешь, сбросят. И отсиживаться не дадут. А наш сынок прыг к чужой спине.

В сорок втором году узнали его судьбу. Пропал без вести.

Сын ведь, Иван Леонидович, своя кровь! Вот какое дело...

С того момента я и потерял здоровье. Разлилась желчь, открылся туберкулез. Если б еще погиб, может, тогда помучился и кое-как от-

дышался... А то ведь «без вести». Жена мне кричит: «Врешь, жив!» Я сомневаюсь. Ночью оба лежим без сна, молчим, все его сто смертей переживаем...

Сначала ждали из партизан. Не пришел. Стали наводить справки, может, в плен попал! Не находят для нас ответа...

В сорок восьмом году жена умерла.

А в конце пятидесятого я о Володьке известие получил.

Да... В общем дело было так.

Находился я дома, в понедельник. Часу в восьмом ко мне вошел незнакомый человек. Сам с виду этакой жирный, перхотью засыпан, лицом похож на женщину.

Переспросил два раза мою фамилию и отчество. Осведомился о жене. Потом опять спрашивает, какого я года рождения и где работаю.

Потом говорит:

— Закройте, пожалуйста, двери на ключ, не зашел бы кто ненароком!

Я говорю:

— Что это значит? Для чего мне у себя в доме запирается? Соседи у нас хорошие, доброду — порадуются, горю — посочувствуют. Вы сами-то кто будете?

Он опять всего меня глазами ощупал и отвечает:

— А вы все-таки закройте двери! Я к вам с большой радостью! Только эта радость осторожности требует. Вы о своем сыне давно вестей не имели?

Ох, Иван Леонидович! Я весь обмер... Будто меня в кипяток бросили. Вот ведь ка-

кое это властное чувство, отцовство! Словно обезумел, дверь спиной загородил, кричу ему: Говори, подлец, пока живой!..

Нет, хорошего я не ждал, Иван Леонидович, такие гости счастья не приносят. Счастье любит чистоту!

Ну, он заюлил, бормочет:

— Ради бога тише! Ради Христа осторожнее...

Когда я успокоился немного, дверь на задвижку запер, он и говорит:

— Помните, что только от вас зависит сейчас вся дальнейшая судьба и даже жизнь вашего сына!

И объяснил, в чем дело.

Оказывается, Володька еще в начале сорок первого года попал в плен под Вязьмой. Как уж его там мотало, по каким дорогам, — не знаю, но оказался он в «рабочем лагере». Работает на плантации, хлопок выращивает.

Сначала жирная эта гнида потянула, а потом письмо от Володьки достала и подает.

Письмо я с первого раза наизусть запомнил. Как прочитал, так и врезалось в память. Вот какое письмецо, слушайте!

«Дорогой папа, пожалуйста, только ничего не говори маме. Обними ее за меня и молчи. Она может кому-нибудь проговориться, и тогда мы с тобой пропали.

Я живу в прекрасных условиях...

Дорогой папа. Тебе принесет это письмо благородный и смелый человек. Доверься ему во всем, он хочет нам добра.

Дорогой папа, теперь у тебя в руках моя жизнь. Если ты поможешь моим благодетелям.

то мы с тобой скоро встретимся. Если выдашь их, я за тебя буду казнен как предатель. Ничего не бойся и все делай, как они скажут.

Я живу и все время вспоминаю лето тридцать четвертого года в Малаховке, как мне тогда было хорошо и весело. Сейчас я нахожусь в таких же условиях! Жалко только, что мама привезла тогда Семена Павловича, без него мне было бы еще лучше.

Крепко тебя обнимаю и маму тоже. Ничего ей не говори, это нельзя.

Помоги мне, дорогой папа, иначе я погибну. Твой единственный любящий сын Володя».

Да, вот такое письмо я получил.

Иван Леонидович, что ж вы так волнуетесь? Все будет в полном порядке. Я никуда не денусь, я ведь к вам сам пришел. Послушайте еще немного, теперь уже недолго...

Письмо это у меня жирный обратно забрал и вскоре ушел. На прощанье сказал, что зовут его Яковом Ивановичем Кипеловым и что в ближайшее время он мне позвонит и сообщит еще кое-что.

И вот, Иван Леонидович, остался я один в четырех стенах решать, как же мне быть?

Насчет Малаховки в том проклятом письме сын мне страшную вещь написал. Летом тридцать четвертого года он заболел, думали ангина. И вот в одну из ночей он у нас стал задыхаться. Жена к рассвету привезла врача, Семена Павловича, о котором Володька тоже пишет в письме. Оказался дифтерит. Семен Павлович сделал ему трахеотомию, спас... А после Володька весь год болел, осложнения... Кошмарное было лето!

Вот сидел я в четырех стенах, решал и все слышал вновь, как хрипел он тогда, как Варя головой об ступеньки билась. Страшное дело, Иван Леонидович! Ведь сын, поймите! Какой бы плохой ни был, а свой, на моих руках вырос!

Нет, ничего я тогда не предпринял. Решил обождать. Думал, погляжу, что дальше будет! А вдруг не придет больше ко мне эта жирная гнида Кипелов? Вдруг, на мое счастье, попадет под машину? Ведь бывает же!

Не попал!

Стал звонить ко мне и захаживать.

Потом однажды подал карточку.

— Всмотритесь, говорит, в этого господина. Не узнаете его случайно?

Я взгляделся. Лицо знакомое, длинное, в очках с тонкой оправой. Видно, иностранец. Подумал и вспомнил — ходит он часто на балеты, в одной из моих лож всегда сидит...

— Этот господин, — говорит Кипелов, — теперь всегда будет брать у вас программу. Он вас тоже по фотографии узнает. А на всякий случай меж вами будет пароль. Он вам скажет: «Как невероятно много народу сегодня в театре». А вы ответите: «Кошмарно много». Смотрите, не перепутайте слова, отвечайте, как приказано. Тогда он опять скажет: «Дайте мне, пожалуйста, программу». Вы ему дадите программу, а он вам вложит в руку сложенную кредитку. Вы ее принимайте осторожно, потому что внутри будет трубочка резиновая... С этой трубочкой вы прямо ко мне!.. А я вам ответик дам, в такой же трубочке, и вы этот ответик в программе ему отдадите в следующий раз...

С того времени я принимал, передавал, опять принимал и снова передавал. Иногда Кипелов мне сообщал «новости» о сыне, но я уже понимал, что это все вранье...

А в глубине души где-то надежда копошилась, как червячок, вдруг правда?

Да, совершенно верно, я подлец, Иван Леонидович. В этом вопросе у нас с вами расхождений нет. Теперь слушайте дальше... Почему я продолжал выполнять приказ Кипелова?

Глупейшим образом надеялся на то, что вся эта история оборвется сама по себе. Испугаются и бросят. Либо еще что-нибудь случится...

Когда страх начинал сильно покусывать, я твердил себе, ведь ничего особенного не делаю! Только передаю. И не сам, а меня шантажируют, угрожают жизни сына. Ведь детские утешения, а представьте, помогали! Хотя, впрочем, недолго.

Иногда мне хотелось все бросить, пойти куда следует и рассказать... Но когда я думал о том, сколько времени молчал, как запачкал себя, становилось страшно. Боялся, Иван Леонидович, тюрьмы, следователя, приговора — всего того, что сам себе заработал...

Уехал восвояси тот, первый, но ничего не изменилось для меня: вместо него программу стал брать другой, круглолицый, долговязый.

Однажды Кипелов промахнулся. Со временем он ко мне привык и стал кое в чем доверяться.

Я уже знал, что он портной, бывал у него дома, сживал иногда часок, слушая его болтовню. Новостей он всегда знал много и любил похвастаться своей осведомленностью.

Однажды заказчица в благодарность за хорошо сшитый костюм, принесла ему бутылку старого вина.

То ли настроение у него в тот день было уж очень хорошее, то ли я выглядел мрачно, только он расчувствовался и угостил меня.

Начали мы с одной, а вскоре прикончили всю бутылку и перешли на водку. Мало показалось...

Пошло все с моего вопроса.

— Слушай, жирный! — спросил я его. — Зачем нам с тобой все это нужно? Ну, они суеются, это я понимаю, им давно хочется до России дотянуться. Больно хорош кусочек! А ведь мы с тобой — русские! Нам-то зачем против своих идти?

— Как это ты примитивно судишь! — осклабился жирный. — Русские тоже разные есть! У одного в голове труха, у другого — золото! Одному триста рублей капитал, другому сто тысяч мало! Вот когда настанет у нас, наконец, порядок, тогда каждый получит свое...

— То есть, как это «свое»? — не понял я.

— Кому что хочется! Мне, например, по двум линиям надо ударить. Землей владеть и ателье открыть самое лучшее в Москве...

— Это, значит, чтоб все было, как при нэпе?

— Сравнил! — сверкнул зрачками жирный. — При нэпе у нас руки, ноги связаны были, так зубами кое-что хватали... До главного, до земли, нас не допускали! А порядок будет новый. Лишних людей, голытьбу, уберут. С этого начнется. Кого в живых оставят, те уже нам в ручки будут смотреть... Города многие порушим, оставим только нужные для управления... Электричество, газ, всю эту пет-

рушку, к чертям порушим. Рабочий человек должен жить скудно и все силы свои обращать на сохранение жизни...

— А государство как же? — спросил я трезвея.

— Будет круг хозяев. И мы будем торговать сырьем с границей. Промышленность всю к чертям поломаем, опасное дело в наши времена. Выгоднее сырьем жить, ну еще сельским хозяйством...

Много он мне в тот вечер наболтал такого, что кожа от мурашек одеревенела.

Я вам прямо скажу, Иван Леонидович. Я человек неудавшийся. Образования не получил, а позже сам не постарался, так, читал кое-что, без толку, урывками... Большие идеи, которыми страна живет, не все понимаю.

Но что это такое — хозяева, я, Иван Леонидович, без книг знаю. Я их видел, я их горький хлеб едал.

Мы с мамашей к новой жизни не сразу пристали, в первое время все за хозяев цеплялись: хоть крыльцо отмыть за копейку, и то на полдня сыты...

С того разговора сделалось мне очень худо на душе. Начал я думать, вспомнил ту войну и вижу — верно жирный обещает! Ведь этакую политику на уничтожение человека еще Гитлер начал. Вот он для чего Освенцим строил и загонял туда людей... А я все дивился, зачем ему так зверствовать?

Подлость ослабляет душу. Я и раньше не был храбрецом, а теперь совсем обмяк. И понял, что не хватит у меня сил с повинной головой прийти. Боюсь!

И молчать больше не могу!

О Володьке тоже, конечно, думал. Ну, он погиб, это дело ясное. Может, уже давно его и на свете-то нет. Или живым мертвецом на чужой земле ходит, какая разница?

Какой я ему отец, Иван Леонидович? Живой, здоровой души я сыну не дал. Силы не дал! Вот он и поддался врагу. Вот в чем моя вина, а остальное все — узлы, веревка-то раньше свилась!

Вы, Иван Леонидович, человек добрый, я вас давно уважаю. Я вам открываюсь, чтоб вы помогли мне до конца сделать все, как надо...

Долгую и пустую жизнь я прожил, но все же кое-чему научился, Иван Леонидович. Скажу вам от всей души — страшнее труса нет для общества человека, потому что трус, чтоб жизнь свою сохранить, на любое дело пойдет! Какую хотите жестокость совершит...

Я все сказал, Иван Леонидович. Теперь звоните, чтоб за мной приехали».

Оба старика долго молчали.

Со сцены доносился стук молотков и далекие голоса рабочих.

Пришел настройщик, подсел в репетиционном зале к инструменту и, как дятел, принялся трудолюбиво долбить клавиши.

Наконец, артист встал с диванчика, подошел к вешалке и потянул за пальто.

— Идемте! — сказал он отрывисто. — Зачем звонить? Мы просто придем!

— Чепуха! — сказал полковник Смирнов, разглядывая лицо старого капельдинера. —

Каждый человек может победить страх! Однажды вы это уже сделали, придя к товарищу Глебову.

— Я понимаю, что меня надо сурово наказать! — с трудом выговорил капельдинер. — Я все понимаю, гражданин... следовательно!

— Попробуйте хоть раз в жизни не думать только о себе! — возразил Смирнов. — Знаете, мне приходилось бывать в опасных положениях. Что останавливало во мне самый сильный приступ страха? Простая мысль! Я выполняю задание Родины. Речь идет о вещах, настолько важных для народа, что моя личная судьба уже не имеет особого значения! Слишком велики события и серьезны обстоятельства, чтоб я возился с самим собою. Вот когда я думал так, страх проходил... Неужели вы полагаете, что сейчас самая неотложная государственная задача покарать вас?

Старый капельдинер молчал, с удивлением глядя на полковника.

— Надо как можно быстрее парализовать врага! — ответил самому себе Смирнов, как бы не замечая растерянности капельдинера. — Скажите мне, только откровенно, — продолжал он, — чего бы вам хотелось больше всего на свете?

— Стать честным человеком! — выдохнул капельдинер. — Знать хоть перед смертью, что не зря... Что, как все... хоть чем-то!

— А как поступает честный человек, напавший на след врага?

— Он... Он в глотку ему должен вцепиться! — вырвалось с болью у капельдинера. — Уничтожить должен!

— Обезвредить! — поправил Смирнов. — Карать имеет право только государство. Что ж, рассуждаете вы сейчас здраво. А можете вы доказать, что желание искупить свою вину у вас искреннее, глубокое?

— Если бы... — резко сказал капельдинер, и лицо его впервые приняло теплые оттенки живого лица. — Если б у меня была возможность...

— Когда должен идти следующий балетный спектакль?

— Завтра...

— Как вы полагаете, придет завтра иностранец?

— Откуда я могу знать?

— Послушайте, Воскобойников! — сказал Смирнов. — Давайте прежде всего пойдем друг друга. Вы совершили преступление, и ответить вам за него придется по законам нашей Родины. Непоправимую ошибку вы сделаете, если решите, что я с вами заключаю сейчас сделку! Но, понимаете ли, Воскобойников! — продолжал Смирнов, и капельдинер, не отрывая глаз от его лица, слушал, впервые за многие месяцы отогреваясь сердцем от одиночества, от ощущения невыносимой тяжести, о которой никому нельзя говорить. — Понимаете ли, человек изменяется в своих поступках! Вот вы пришли к Глебову, вы сделали над собой усилие, признались в преступлении, и вы уже не тот человек, который совершал преступление! Новое усилие, новый поступок, и изменения в вас станут глубже, значительнее. Это путь, по которому надо идти далеко, и путь нелегкий. Но единственно правильный! Другого — нет.

И Воскобойников вдруг понял, что полковник говорит правду. Чистота помысла, достигшая в Смирнове высокой силы, передалась старому капелдинеру, он понял, что перед ним человек исключительной честности, и всей душой потянулся к нему.

— Если б я только мог! — вырвалось у него с таким отчаянием, что у Смирнова дрогнуло сердце.

— Вы можете кое-что сделать даже теперь! — сказал он. — Мы решим так! Вы вернетесь сейчас домой и завтра выйдете на работу, как обычно. Вы будете продолжать вести себя так, словно ничто не изменилось. Пусть иностранец думает, что вы продолжаете бояться его, но мы-то с вами знаем, что это не так! Будьте осторожны, эти бандиты готовы на любое преступление.

— А! Пусть будет, что будет! — устало сказал Воскобойников. — Неужели вы думаете, что я дорожу своей жизнью?

— Видите ли... — Смирнов остановился, подумал и с сожалением сказал: — Значит, мы с вами не поняли друг друга. Не дорожите жизнью? Но это преступная и мутная чепуха! Отказаться от права жить? От права переделывать жизнь на благо человека? Это вы сказали не подумав! До свидания. Мы встретимся с вами в самое ближайшее время.

«Не пытайтесь больше устанавливать контакт с объектом. Опасно и ненужно. Место, где должна осуществляться операция, вам известно. Второго июля забрасываем для вас первую серию аппаратуры на участок, отме-

ченый крестом в прилагаемой карте. Вторая серия будет доставлена через четыре дня на участок № 2, отмеченный двумя крестами. Деньги и новый комплект документов прилагаются к первой серии»...

Так гласила последняя инструкция, переданная Робертсом через капельдинера для Горелла. Она теперь лежала перед Смирновым.

Через несколько часов капельдинер передаст портному капсулу с донесением. Выдержит ли старик? В том, что капельдинер не предаст, Смирнов был уверен. Но он может заволноваться, выдать себя...

Смирнов не сомневался в искренности раскаяния старого капельдинера. Думая о нем, полковник почему-то всегда вспоминал, как три года назад его младший сын Алешка еще в девятом классе школы, падая с турника, сломал ногу.

Перелом оказался тяжелым, во многих местах. О том, что сын его на всю жизнь останется хромым, хирург сказал после первого же осмотра. Вопрос был только в одном — удастся ли избежать ампутации.

Ногу сохранили, но укороченная, вывернутая, она перестала служить. На Алешу это подействовало гораздо сильнее, чем опасались родители. Юноша сутками лежал на спине, уставясь в стену злыми, растерянными глазами, отказывался видеть товарищей, отворачивался, когда с ним заговаривали.

— Значит, все-таки — судьба! — яростно сказал он однажды ночью отцу. — Значит, против судьбы не пойдешь!

— Балбес! — заставил себя грубо огрызнуться Смирнов, в то время как ему хотелось

закричать в голос и разбить в щепки все вокруг себя. — При чем тут судьба? Инструктор тебе говорил, что без подготовки нельзя заниматься на турнике? Нет, ты не отворачивай физиономию, ты имей мужество отвечать правду! Запрещал тебе инструктор одному лазить на турник?

— Ну, запрещал... — слабо сказал Алешка и, как в детстве, «карнизиком» оттопырил нижнюю губу, чтоб поймать слезы.

— А ты что сделал? — сам еле удерживаясь от слез, отчитывал сына полковник. — Спина слабая, ноги неразвиты, он самоучкой «солнце» решил крутить! Ты спину мог сломать, ты чудом на ногу упал всей тяжестью! Во всем, брат, есть логика! Отказался принимать опыт общества, поступил по-своему — имей мужество нести последствия самовольщины...

Да, все это относительно легко было произносить под горячую руку! Но полгода Смирнов ни на секунду не забывал о своем горе. На улице, на работе, даже в минуты опасности — иногда сильнее, иногда милостивее — болела в нем мысль об Алешке.

А когда он возвращался домой и видел похудевшего, как-то сразу вытянувшегося Алешку, неумело скачущего на костылях по квартире, сердце начинала рвать такая боль, что не всегда хватало даже его умения справляться с собой. Жена оказалась сильнее. В сорок втором году райком направил ее заведовать детским домом для сирот фронтовиков, с тех пор через ее руки прошло много тяжелых ребячьих судеб, и многие из них выправились. Она вела себя так, будто ничего в семье не случи-

лось, и даже в магазин за покупками посылала Алешку как прежде, не считаясь с его костылями. Смирнов понимал, что она ведет себя правильно, не позволяя укрепиться в душе Алешки сознанию своей неполноценности, понимал — и мучился еще больше.

Думая о старом капельдинере, он понимал, что этот одинокий человек, проживший сложную, неудачную жизнь, обезумел от боли и страха за сына и совершил преступление. Но в то же время в характере этого человека нашлись силы осудить себя за слабость и прийти с повинной. Очень важен был также момент, в который проснулось в нем чувство ответственности, — это случилось после выпивки с портным, когда он почувствовал в словах портного угрозу Родине, угрозу народу.

Нет, старик должен справиться!

Отложив в сторону инструкцию, Смирнов направился к Захарову.

Когда он вошел в комнату, капитан беседовал с каким-то незнакомым, до крайности огорченным парнем.

— Чудак ты, понимаешь! — раздосадованно говорил Захаров посетителю. — Разве на хорошие дела этак деньги швыряют? Честный человек, он обязательно трудящийся, а трудящийся копейку уважает! Что ж ты раньше не пришел?

— Так я все думал... — заикался от растерянности парень. — С одной стороны, вроде будто ничего особенного нету. Торопился человек, ну и попросил через светофор прыгнуть. А с другой стороны, если здраво рассуждать, выходит, что я деньги взял за незаконное дело. Нарушение одним словом!

— Значит, он тебе сначала сто дал, потом еще сто?

Смирнов кивком дал знак капитану продолжать беседу и присел рядом к столу.

— Сначала-то он мне повесил на баранку сто рублей, когда еще через светофор прыгали! — старательно объяснял парень. Он даже бровями двигал от усердия, стараясь объяснить все как можно понятнее. — А второй раз он вдруг пристал: «Обгони — мне надо посмотреть, кто во второй машине сидит!» — Я говорю: «Здесь нельзя обгонять». Тогда он опять сотню на баранку вешает...

— И ты обогнал?

— Ну да... Чего ж я теперь буду запираюсь? Виноватый в этом деле. Мне и батька сказал, пускай они там как хотят, а ты говори все, как было...

— Значит, ты с отцом советовался. А кто у тебя отец?

— Тоже водитель. Только он на грузовой, хлеб возит. Он, значит, съездил к своему братану, к моему, значит, дядьке, посоветоваться, и дядька тоже сказал: «Пускай Борька сейчас же идет, куда надо, и все рассказывает, — говорит. — Мало ли какие люди есть? При теперешней международной обстановке от них всего можно ждать...»

— Значит, и с дядькой советовались... А дядька кто будет?

— Преподаватель в военной академии. Артиллерист.

— Деньги у тебя целы, те, что этот тип дал?

— А как же, целы! Мне батька сразу сказал: «Положь и не трогай те деньги!» Вот!

— Хорошо! Значит, давай еще раз, все по порядку. Сначала сvez ты его на Большую Грузинскую.

— Ага! Он, значит, сперва ко мне сел, на второе сиденье. А когда мы на Большую Грузинскую завернули, первая машина к дому подошла и остановилась. Клиент вышел, стал расплачиваться. Вторая машина прошла мимо, не останавливаясь, и мой, значит, говорит: «Следуй за второй!» Ну, я потянул за второй машиной. Теперь клиент со второй машины на ходу соскочил и уже нам навстречу идет. Я его в кабине приметил, когда машину обогнал, такой молодой человек, в белой тенниске, волос светлый. А теперь он идет, вроде прохожий. И вот тут мой, как кошка, через сиденье назад перескочил и в заднее стекло смотрит...

Я ему, конечно, говорю: «Гражданин, что же это вы, вроде не пьяный, а позволяете себе!» Он смолчал, и я чего-то смолчал, не стал с ним заводить... Потом он командует: «Вертай сейчас же назад!» Я развернулся, поехали назад. Такси, которое первое, еще около дома стояло, клиент все расплачивался, как видно, со сдачей никак не могли разойтись. Ну, мы проехали мимо, вышли на Пресню, и тогда мой говорит: «Ладно, давай к Эрмитажу!» Я его сvez в дом двадцать семь около Эрмитажа...

— А почему ты дом запомнил? — спросил капитан Захаров.

— Черт его знает! Когда отъезжал, взял и зачем-то посмотрел на дощечку с номером. Ладно. Сначала я вроде даже довольный был, вот, думаю, две сотни за каких-нибудь двадцать пять минут заработал. А потом чего-то

начал расстраиваться... Вечером батьке рассказал, тот говорит: «Дурак ты и паразит! Отняли бы, — говорит, — у тебя права на полгода за нарушение, вот тогда и живи на эти две сотни...» Потом три дня ничего не говорил. Потом сказал, что к дядьке надо съездить посоветоваться. В воскресенье съездил, вечером вернулся, заругал меня опять и говорит: «Иди и все расскажи, потому что при современной международной обстановке...»

Смирнов поднялся и сказал Захарову:

— Когда закончите с товарищем, зайдите ко мне.

В дверях он снова услышал раздосадованный голос капитана Захарова.

— Чудак ты, больше ничего! Где ж ты раньше был?

Смирнов закрыл двери.

Отпустив шофера, капитан Захаров зашел к Смирнову и потом, не задерживаясь у него, ушел из отдела.

Он вернулся через сутки и положил на стол Смирнову две фотокарточки — Юлии и Горелла.

— Живет у этой гражданки. Прописан под именем Клебанова Константина Ивановича.

— Та-а-ак!.. — сосредоточенно протянул Смирнов, рассматривая фотографии. — Шофер опознал? Ну, что ж, теперь можно спокойно ждать ответ из Челябинска. Новостей для нас в нем не будет. Вы не обнаружили себя?

— Все благополучно, товарищ полковник! Ручаюсь, что они не подозревают, когда и как их сняли.

— Это очень важно. У меня на вас серьезные виды, Алексей Данилович! — медленно

проговорил полковник, раскатывая папиросу в пальцах. — Вы должны уходить в отпуск?

— Должен был, Герасим Николаевич! Ничего, подожду.

— Семья ваша у матери в деревне?

— Да... лето еще только началось. Успею, Герасим Николаевич.

— Я думаю, что успеете. Вряд ли операция затянется. Передайте все текущие дела капитану Берестову. Ни о чем постороннем больше не думайте. Надо в кулак собраться, Алексей Данилович!

— Понятно, Герасим Николаевич. Разрешите идти к Берестову?

— Да, выполняйте. Скажите ему, когда придет сообщение из Челябинска, пусть позвонит мне домой. Я приеду.

Сообщение из Челябинска пришло в тот же вечер. В нем говорилось, что инженер Клебанов Константин Иванович действительно работает главным инженером ремонтно-механических мастерских, но в командировку в Москву не выезжал, находится на месте. Горбачевы помнят Пономарева и относятся к нему очень хорошо. Подруга Сонечки Горбачевой, Валя Макарова, учится в Челябинске, о поступлении на физический факультет не помышляет, и, главное, Горбачевы никогда не позволили бы себе просить рекомендательное письмо для поступления в институт «по благу»...

Пришла также справка из Ленинской библиотеки, из которой Смирнов узнал, что Георг Биллиджер в течение нескольких дней изучал челябинскую газету.

Так связались, наконец, в стройное целое разрозненные обрывки сведений.

Теперь уже был ясен не только облик Горелла, но известны стали имена его руководителей, известен самый адрес диверсанта.

Что же, пожалуй, все сделано.

Осталось рассказать о последнем, заключительном эпизоде из недолгих походов шпиона и диверсанта Горелла на нашей земле, и повесть закончена.

В действительности же все обстоит гораздо сложнее.

Вокруг Робертса, Биллиджера, Горелла и портного, возможно, протянулись злокачественные побеги, ведущие к не раскрытым еще предателям. Вскрыть их и с поличным поймать руководителей — вот задача разведчика.

Вот почему генерал, отметив на карте города дом возле Эрмитажа значком, отбросил карандаш и сказал Смирнову:

— Ну, что ж, Герасим Николаевич! Пожалуй, начнем! Значит, вы предлагаете кандидатуру капитана Захарова? У меня нет возражений! Согласен!

Юля болезненно раздражала Горелла.

Давным-давно прошло то время, когда близость с женщиной заставляла его чувствовать что-либо, кроме тягостного напряжения. Он сходил с женщинами, только когда это было нужно, и рвал в ту секунду, когда терял деловой интерес.

Но по какому-то проклятому совпадению женщины всегда искали близости Горелла. Для него это было и благо и несчастье. С по-

мощью женщин он одерживал крупнейшие свои победы, и они же доставляли ему массу осложнений и хлопот.

Вот теперь Юля. Она все плакала. Она подозревала и ревновала его, пыталась выследить и довела до того, что Горелл с трудом сдерживался в ее присутствии.

Горелл пытался успокоить Юлю подарками. Несколько раз он приносил ей ценные вещи: кольцо, золотые часы, серьги.

— Животное! — кричала Юля, швыряя часы на пол. — Почему ты не скажешь, как мне дальше жить? Тридцать два года! Что дальше? Ведь у меня жизнь пропадает, понимаешь ты это или нет? Я хочу быть, как все, людей видеть! Почему у нас дома люди не бывают? Почему ты не можешь, как все?

Горелл не понимал, что ей нужно. Он делал все, что до сих пор устраивало самых требовательных женщин. «Сознавшись», что он спекулянт, Горелл перестал стесняться в деньгах. Юля могла теперь тратить почти столько, сколько хотела... Что еще?

— Почему мы ни к кому не ходим? — кричала Юля. — Где твои родители? Почему не расскажешь о себе? Таишься? Бросить меня хочешь, да?

Горелл скрипел зубами и выдумывал для нее еще одну биографию.

Конечно, он давно бы ушел, но очень уж удобной была эта маленькая, прочно изолированная квартирка с тремя выходами, как установил Горелл. Несмотря на крохотные размеры, в ней был черный и парадный ходы, а окно кухни всего на метр возвышалось над

крышей соседнего двухэтажного дома, выходящего к тому же в переулок.

Дело, ради которого он прибыл сюда, приближалось к концу.

Робертс сообщил, что переправляет первую серию аппаратуры.

Второго июля, как и было указано в инструкции, группа иностранцев отправилась на пикник, в пригород Москвы. Только два человека знали настоящую цель пикника — Робертс и Биллиджер. Остальные искренно радовались возможности подышать свежим воздухом, выпить за счет Робертса и потанцевать на зеленой лужайке.

Прибыв на место, Робертс завел свою машину в кусты. Мадж и миссис Робертс с помощью шофера с другой машины развернули на траве ковры и достали посуду и продукты. Мужчины нарезали веток, чтоб подложить под ковры, и расчистили лужайку для танцев.

Это был самый настоящий, веселый пикник. Сначала все выпили за здоровье родных там, дома. Вспоминали студенческие пикники. Супруга Робертса обстоятельно рассказала, как они провели свой медовый месяц, путешествуя по городам Европы, осматривая соборы. Робертс заметил, что он сейчас пишет книгу о соборах Англии, Мадж с энтузиазмом подхватила, что она перепечатывает главы из этой книги и часто не может удержаться, бросает печатать и прочитывает очередную главу до конца, так трогательно и интересно рассказывает автор о соборах. Биллиджер заметил, что хотел бы провести свой медовый месяц на

яхте, он страстный яхтсмен — это наследственная страсть в их семье: он начал под руководством отца с того, что построил легкую яхту. Супруга Робертса заметила, что Биллиджеру неплохо было бы для медового месяца найти сначала жену и глазами подсказала Мадж, чтобы она подложила Биллиджеру крабового салата. Мадж покраснела и послушно взялась за ложку. Выпили за будущую свадьбу Биллиджера.

Робертс завел патефон. Через несколько минут все танцевали, смеясь и скользя по траве. Мадж принялась обучать Биллиджера танцевать самбо, но вскоре Робертс отозвал его к своей машине. Мадж начала было отплясывать с шифровальщиком, но супруга Робертса покачала головой и глазами показала ей в сторону машины, почти скрытой в кустах, где возились над чем-то Биллиджер и Робертс. Мадж бросила шифровальщика и послушно направилась к Биллиджеру, но на полдороге ее остановил голос Робертса.

— Мы немного заняты, Мадж! — сказал он совершенно служебным тоном. — Мистер Биллиджер помогает мне разобраться в одной технической трудности. Не ходите сюда, мы в трусах, мы разделись, чтобы легче было возиться с машиной...

Мадж покраснела и вернулась на лужайку.

Выпили за Биллиджера в трусах.

Пикник шел своим чередом. Принялись кувыркаться на траве и инсценировали бой быков. Пели хором русские песни.

Робертс и Биллиджер попрежнему возились у машины. Биллиджер маленькой лопатой копал яму, ссыпая каждую горсть земли в ме-

сто, специально очищенное от листьев, рядом. Когда яма углубилась, сэр Робертс быстро передал ему небольшой кожаный чемоданчик, не больше тех, с какими ходят футболисты и балерины. Биллиджер также быстро втиснул его в яму и принялся закапывать. Потом они аккуратно накрыли яму срезанной ранее крышкой из дерна, забросали листвой. Покурили, отдыхая, вытерлись одеколоном, надели брюки и вернулись на лужайку.

— Не понимаю, дорогой, куда ты скрылся! — обиженно сказала супруга. — Ведь здесь нет балета!

— Да!.. — с сожалением согласился сэр Робертс. — Здесь нет этих прелестных созданий. В восемнадцатом веке были чрезвычайно распространены балетные пасторали на свежем воздухе. В парках! Представляю себе, какое это зрелище!

— Мадж! — с тихой яростью сказала супруга сэра Робертса. — Станцуйте моему мужу бугги-вугги. Это почти то же самое!

Мадж смущенно улыбнулась и встала.

А через два дня здесь же устроили пикник Горелл и Юля. Горелл сам предложил поехать за город в знак примирения. Юля хотела взять на весь день машину. Горелл отказался. Он заявил, что они поедут на поезде, — так приятнее, по-студенчески.

— А я хочу на машине! — упрямо твердила Юля. — Я не пойду пешком. И что за страсть лезть в какую-то глушь? Поедем, как все нормальные люди, в Химки, в ресторан!

Видя, что ему не удастся отговорить Юлю, Горелл выругался и «признался».

— Мне надо взять товар! — грубо сказал он. — Лак заграничный! Теперь понимаешь?

— Понимаю! — злобно сказала Юля. — Разве ты сделаешь что-нибудь просто так? От души? Как все люди?

«Ладно! — мысленно сказал себе Горелл. — Когда-нибудь я ее все-таки убью. Когда буду уходить. Задушу, причем медленно».

От этой мысли ему сразу стало легче, он поцеловал Юлю и застегнул ей туфли. Она начала толстеть и не любила теперь наклоняться.

Горелл вообще очень легко ориентировался, к тому же Робертс переслал ему точный план, и он без труда вынул из дерна чемоданчик, вложил его в рюкзак и сразу стал торопиться домой.

Дома он напоил Юлю, а когда она уснула, вышел на кухню и раскрыл чемоданчик.

Сверху лежали деньги и документы. Под ними — части прибора, обернутые в черную замшу. Горелл знал этот прибор; развернув небольшой пропеллер, он взглянул на фиолетовый блеск металла и покачал головой. Уходить будет трудно: эта штука поставит на ноги много опасных для него людей.

Теперь оставалось получить взрывчатку, и можно будет приступить к осуществлению диверсии.

Горелл запер чемоданчик в шкаф и лег спать.

Спал он спокойно.

Утром неожиданно пришел портной.

Войдя в переднюю, он огляделся и спросил, нет ли в доме сердечных капель, он забыл

взять с собой нитроглицерин, а чувствует себя плохо...

— Вы что, взбесились? — злобно осведомился Горелл, вытеснив его на кухню и захлопывая дверь кухни перед носом Юли. — Кто вам разрешил ходить ко мне?

— Есть срочное сообщение! — сказал портной, щупая свой пульс. — Думаете, интересно идти к вам? А если у меня случится инфаркт? Вот возьмите!

Он втиснул в руку Горелла капсулу и ушел. Юля рвалась в кухню, Горелл открыл ей дверь и сам заперся в ванной. Встав на табурет, под лампочкой, в лупу он прочитал внеочередное сообщение Робертса.

«Меняем связного. Первая встреча за городом, карта прилагается, седьмого июля в двенадцать дня. О дальнейшем договоритесь лично».

«Идиотство! — почти вслух сказал Горелл. — Меняют связного! Неужели старик погорел? И в такое время, когда остались считанные дни!»

Ничто не возбуждало в Горелле такой ярости, как неожиданная смена связных.

Во-первых, это означало добавочную трепку нервов. Непосредственной связи с руководством нет. Проверить сообщение нет возможности. Доверять ли новому связному? А что, если провокация?

И, как назло, в этот же день пришлось ехать за взрывчаткой.

После полуторачасового переезда в электричке Горелл и Юля добрались до места, указанного в карте Робертса. На траве еще виднелись остатки второго пикника. Юля посте-

лила плащ, легла навзничь и принялась рассматривать размытые, волнистые облака.

— Как много неба! — сказала она Гореллу. — Иди сюда, посмотри вместе со мной! Какое оно чистое и большое...

Горелл молчал. Он курил и бродил по кустам, прощупывая носком правой ноги почву, отыскивая кусок подрезанного дерна.

— Не хочу я мандариновый сад! — сказала грустно Юля. — Пускай сосенки будут, лишь бы дома, в России... И зачем нам целый дом? Все равно детей нету. Купим полдачи где-нибудь под Москвой, и хватит. Соседи за стеной будут...

— Помолчи! — резко сказал Горелл. Он только что почувствовал, как сдвинулся под ногой травянистый покров. — Можешь ты помолчать хоть немного?

Возвращались они домой уже в сумерки, усталые и молчаливые. Юля с ужасом спрашивала себя, зачем ей этот чужой, злобный человек. Словно угадав ее мысли, Горелл наклонился и спросил:

— Устала? Ничего, скоро приедем.

Юле стало еще страшнее. Как никогда остро она почувствовала, что за теплой интонацией его голоса нет чувства. Ничего нет, пустота... Что же это такое? Как дальше жить?

А Горелл, откинувшись на спинку сиденья, думал о встрече с новым связным. Что ж, может быть, Робертс просто пугается? У Горелла был однажды случай, когда подменили связного просто потому, что он слишком много знал. Вероятно, и здесь так же.

О встрече с Пономаревым Горелл не думал. Сам Пономарев не произвел на него особого

впечатления. Горелл совершенно точно уловил, что связаться с ним невозможно. Этот бритоголовый, курносый человек с очень светлыми голубыми глазами сейчас весь поглощен какими-то своими событиями и мыслями, и ему не до новых людей. Горелл почувствовал также, что Пономарев насторожен больше, чем следовало бы, насторожен и напряжен... Нет, с ним одно неосторожное слово может наде- лать много хлопот...

Значит, первая часть задания отпадает. Узнать о работе Пономарева не удастся. Не следует рисковать самым основным!

Проблема, над которой трудился Пономарев, также мало волновала Горелла. Он считал, что нелепо заботиться о здоровье человека, приговоренного к смерти. Все равно в ближай- шие пять лет придется уничтожить очень много людей, зачем же тратить деньги и силы на лечение болезней? Бессмысленно!

Вернувшись домой, Горелл опять напоил Юлю и, уложив ее, ушел в ванную осматри- вать второй чемоданчик.

В футляре из черной замши лежали боль- шие кубики массы, изолированные рубашкой из особого свинцового сплава. Когда прибор будет собран, он поднимется на воздух, прой- дет на заданную высоту, на заданную точку. Кубики повиснут на подводящем устройстве, в нужное время когти сцепления разожмутся, освободят изоляционную рубашку, она упадет, и тогда произойдет взрыв, сила которого смешает все — кирпич, стекло, бетон и лю- дей.

Аккуратно застегнув замшевые футляры, Горелл уложил кубики и запер чемоданчик в шкаф.

В эту ночь он спал беспокойно. Мешала мысль о новом связном. Она сидела, как заноза, и ныла где-то по соседству с мозжечком.

Капитан Захаров проснулся раньше, чем обычно.

Он заставил себя повернуться на другой бок и уснуть. Это долго не удавалось, наконец, он задремал, и в ту же минуту мать тряхнула его за плечо и сказала:

— Леша, пора... Что это ты сегодня на работу не встаешь?

— Ага, — пробормотал Захаров, борясь со сном, — мне сегодня позже надо. Сейчас!

Он крепко растерся мочалкой под холодным душем и сел завтракать, не позволяя себе думать о том, что через полчаса он уходит из дома на опасное боевое задание. Событийно, о чем сейчас думать? Все решено с Герасимом Николаевичем.

По опыту Захаров знал: чем будничнее, спокойнее относишься к делу, тем оно легче удастся.

Если ему не удастся добиться от себя ровного состояния, ничего не выйдет!

Но он добьется.

Захаров съел целую сковородку картошки, запеченной, как он любил, в духовке со сметаной и маслом. Починил матери электрический утюг. Вычистил сапоги, хотя он должен был сегодня идти в штатском. Выколотил коврик.

Все эти мелкие домашние дела отвлекли его и привели, наконец, в то спокойное, ровное состояние, которого он добивался.

Телефон молчал. Но Захаров знал, что полковник уже в отделе и, так же как и он, косо поглядывает на аппарат, понимая, что звонить бессмысленно! Нового ничего не скажешь, только ударишь друг друга по нервам.

— Писем нет, мама? — спросил Захаров, хотя знал, что писем нет, выходил на лестницу и смотрел в дырочки почтового ящика.

— Нет, Лешенька. Так ведь позавчера пришло. Оля писать не любит... Разве через неделю теперь придет...

Ничего, стерпится, слюбится! — думая о жене и матери, решил Захаров. — Виноват, конечно, слишком самостоятельный характер Оли. Она все хочет решать и делать сама! Во всех семьях ребят воспитывают бабушки, если они есть. Оля заявила, что отправит дочку в детский сад, а дома будет воспитывать сама. Бабка ходит вокруг с глазами, полными слез, и молчит, потому что Захаров при первом же намеке на семейный конфликт заявил, что ни материнская, ни Олина дудка ему не подходит, он будет во всех случаях поступать по совести. — И не жалуйтесь друг на друга, и не ходите ко мне с претензиями... — сказал он и, надо сказать, держится с тех пор довольно твердо.

Когда Оля уезжала в деревню, бабушка ночи не спала, переживала — как-то малышка справится с порогами в избе! Небось, шишек-то набьет! Затылочком бы не упала! Оля написала, что с первого же дня в деревне они стали учиться переходить пороги. И теперь

освоили задачу, уже переступаем, только иногда садимся верхом на порог. Нет, конечно, у Ольги система правильная! Мама бы, небось, целые дни перетаскивала Аську через этот самый порог на руках!

— Леша, ты что?

— Ухожу, мама! Будьте здоровы! Вернусь, как всегда, если задержусь на работе, позвоню!

Захаров надвинул на левый глаз мягкую серую шляпу и вышел на лестницу.

Удивительно меняется человек, надевая штатскую одежду. В лиловато-сером костюме, в резных сандалиях Захаров сразу стал похожим на актера. Он и шел теперь какой-то особой походкой, широко развернув плечи, чуть пружиня и покачиваясь.

В зубах он покусывал янтарный мундштук, глаза сузились, губы распустились, утратив прежнюю форму.

Теперь он уже не думал о том, что через час встретится с чужаком волчьей породы.

Смена связных всегда раздражает. Он будет долго приглядываться к Захарову и протупывать его вопросами. Так они поговорят, и в конце концов Горелл должен успокоиться. Должен во что бы то ни стало. Успокоиться и поделиться с Захаровым своими планами. Попросить помощи.

И самое главное — то, ради чего послан Захаров, — надо побудить Горелла воспользоваться его резервным связным.

Такой, как Горелл, обязательно должен иметь две норы. Где-то в городе есть предатель, связанный с врагами. Его адрес и пароль были сказаны Гореллу в последнюю ми-

нугу перед засылкой на нашу землю. Горелл может воспользоваться его помощью только в минуту крайней опасности, когда нет больше средств держаться на поверхности самому...

Такой, как Горелл, мог и сам пустить злокачественную ветвь. Надо обнаружить ее!

Надо войти к нему в доверие, стать его помощником, посредником, правой рукой.

Все это очень непросто.

Если Горелл почует недоброе — второго свидания не будет.

Более того, с этой минуты Горелл уже никого не подпустит к себе. Оборвет все связи, замутит воду, уйдет на дно, в тину, и будет там отлеживаться, ждать случая уйти. Может уйти!

Возможно также, что Горелл уйдет со свидания один. Судя по тому, как он расправился с Окуневым, можно наверняка сказать, что Горелл с врагами не церемонится.

А Захаров имеет право только защищаться! Уничтожить Горелла сейчас нельзя. Он стал как бы ключом к ряду вопросов. Нет, Захаров не имеет права сегодня ошибаться!

— Ничего, постараемся справиться! — ответил себе мысленно Захаров еще вчера вечером.

Надо справиться!

Захаров еще издали заметил Горелла — чужак стоял за деревом в аллее старых, сросшихся кронами серебристых берез. Здесь было удобно разговаривать, безлюдно и тихо.

Обыкновенный человеческий глаз не обнаружил бы Горелла — он стоял, плотно прижав-

шись к стволу березы, и его белый плащ сливался с корой. И Захаров «не заметил».

Он вставил в янтарный мундштук сигарету, отыскал в кармане спички, закурил, вернулся к дорожке и осторожно взглянул: «Не идет ли тот, к кому он пришел на свиданье». Захаров выкурил больше половины сигареты, когда Горелл слегка кашлянул.

Уже без наигрыша Захаров вздрогнул. Он не услышал, как подошел Горелл.

Горелл молчал и рассматривал Захарова.

— Я приехал из Ленинграда, — нерешительно сказал пароль Захаров и отступил на два шага.

— Никогда не бывал в этом городе, — после большой паузы ответил Горелл, не отводя глаз от лица капитана. — За каким чертом понадобилось менять связных? — спросил он, не меняя интонации.

— А это вы их и спросите! — спокойно ответил Захаров. — Я откуда знаю?

— Есть для меня что-нибудь? — спросил Горелл, не садясь и все еще не отводя глаз от лица капитана.

Захаров молча подал капсулу.

— Вы знаете, о чем здесь говорится? — спросил Горелл, подбрасывая на ладони резиновую трубочку.

Вместо ответа Захаров молча пожал плечами.

— Как вы встречаетесь с шефом? — поинтересовался Горелл.

— А вам какое дело? — Захаров сплюнул и принялся выколачивать мундштук о ствол березы, поросшей бархатистыми голубоватыми полосками мха.

— Что вам еще поручили передать мне? — допытывался Горелл.

— Он велел делать все, что вы скажете, — неохотно сообщил Захаров. — Больше я ничего не знаю.

Снова Горелл промолчал.

Новый связной понравился ему. Не труслив, что уже хорошо. Не любопытен. Пока ясно одно — это серьезный человек. Но чью руку он играет? Сам Горелл был взволнован до крайности и ждал, не проявится ли в новом хотя бы ничтожный след напряжения, того особого, хорошо известного ему напряжения, с которым встречаются два разведчика.

Можно замаскировать его как угодно и чем угодно, но оно обязательно будет и побеждает в таких случаях тот, кто первый уловит его в другом.

Горелл опять и опять вглядывался в Захарова. А тот попрежнему стоял, прислонившись к стволу березы, грыз янтарный мундштук и шурился от солнца.

Горелл молчал. Нет, пусть теперь заговорит этот новый, хоть о чем-нибудь да спросит! Вопрос — это очень важно! В вопросе иногда проявляется весь человек!

Захаров все молчал.

Мальчуган лет пяти показался на аллее. Босой, в серых штанишках, держащихся на одной помочи, он деловито трусил, размахивая большой консервной банкой на проволочной дужке. Он спешил по каким-то своим, важным делам.

— Эй! — лениво окликнул его Горелл.

Мальчик остановился и, не прерывая своего занятия, уставился на Горелла и Захарова.

— Хочешь конфету? — спросил Горелл и улыбнулся.

— Давай! — снисходительно согласился мальчуган, свернул с дорожки и затрусил к Гореллу.

Горелл шагнул навстречу ему, а когда они сблизились, он выбросил вперед ногу и носком ноги сильно ударил мальчика в бок. Загремела, откатываясь, банка. Мальчик не вскрикнул. Ошеломленный ударом, он лежал на спине, худенькая грудка его тяжело поднималась и опускалась, и с каждым вздохом кожа плотно обтягивала ребрышки.

Горелл оглянулся на Захарова и, не отрывая взгляда от лица капитана, шагнул к мальчугану.

— Назад! — резко сказал Захаров. — Не троньте ребенка!

Но Горелл вдруг утратил всякий интерес к мальчугану. Он повернулся к нему спиной и с новым выражением вглядывался в Захарова.

— Уходи! — сказал Захаров мальчугану. — Слышишь? Быстро!

Не проронив ни звука, мальчик перекатился на животик и на коленях и руках отполз в сторону. Потом с усилием поднялся на ноги и, придерживая руками бок, все так же молча заковылял по дорожке и вскоре скрылся за деревьями.

— Значит, ты ничего не знаешь? — усмехнулся Горелл в лицо Захарову.

Захаров молчал.

Он понял, что проиграл бой.

Вот оно, поражение! Случилось то, о чем он не думал всерьез! Не смел даже допустить мысли о поражении!

Что ж теперь? Как дальше быть?

И «купил»-то его Горелл старым способом, с целью провокации совершив гнусный поступок. На этом уже «горели» наши разведчики.

Нет, Захаров ничего не мог с собой поделаться! Он не мог допустить, чтоб животное убило ребенка! И выдал себя!

—Тихо, тихо! — предостерегающе сказал Горелл, заметив, что мускул на правом плече Захарова дрогнул.

— Значит, ты, сволочь, хотел провести меня! — повторил он и, вытянув правую руку, поймал в ладонь нож, скользнувший из рукава.

Он занес руку и метнул короткий, тяжелый нож.

Уходя, Горелл знал, что за ним следят помощники Захарова. Но слежка его не очень беспокоила, он слишком много раз уходил от погони, чтобы сомневаться на этот раз.

Прибор, взрывчатка, деньги остались на квартире у Юли, вот что досадно! А впрочем, черт с ними! Робертс подбросит второй. Нет, нет, ничего страшного не случилось. Конечно, неприятно, что возникли осложнения, но вся жизнь Горелла состояла из осложнений, и он привык бороться с ними. Он сделал одну серьезную ошибку, согласился отправиться на футбольный матч с Юлей. Горелл был убежден, что все началось с той встречи с толстяком... Ничего, все еще можно поправить. Главное сейчас — стряхнуть с хвоста приятелей этого «нового связаного». А ведь если бы не подвернулся мальчишка, Горелл бы доверился ему! К тому шло! Но почему же все-таки так трудно опознавать в них разведчиков?

Вдали за березовой рощей загудел паровоз. Горелл ускорил шаги. Он не оглядывался, он знал, что за ним следят. Друзья покойного советского разведчика не знают, что он, Горелл, несколько лет тренировался в прыжках с поезда и на поезд. Он может вскочить в поезд ночью и остаться в живых. Во всяком случае они сейчас увидят, как это делается.

Горелл поднялся на насыпь. Поезд приближался. Горелл выждал еще несколько секунд и рванулся вперед, параллельно движению поезда. Наивысшую скорость Горелл развил как раз в тот момент, когда мимо промчался паровоз, обдав горячим дыханьем, запахами угля, нефти и масла...

Мимо замелькали подножки. Горелл повис на одной из них, занося тело вбок, как на трапедии, потом, не торопясь, спокойно подтянулся, сел, несколько минут боролся с удущьем, отдышался и еще через несколько минут соскочил перед самой станцией.

Выбравшись на шоссе, он остановил грузовик, идущий в Москву, лег в кузов на связки моркови и отдышался уже по-настоящему.

С Берестовым за это время произошли следующие события.

Он видел свиданье Захарова и Горелла.

Коренастый, спокойный, пожалуй, даже слегка флегматичный Берестов всегда и все делал очень аккуратно. Поэтому он пришел на место наблюдения за несколько часов до срока и сумел так замаскироваться, что Горелл, пришедший за полчаса и обследовавший весь участок, ничего не заметил.

Когда Горелл стал уходить, Берестов, руководивший группой наблюдения, отправил людей за ним, а сам кинулся в другую сторону, на шоссе.

Он знал, что Горелл слишком опытный человек для того, чтобы пытаться отлеживаться где-нибудь в роще или в дачном лесу, которые ближайшая воинская часть может по первому сигналу прочесать за полчаса густым грешком.

Берестов решил, что Горелл будет немедленно отходить в город по шоссе, где много людей и машин и легче укрыться.

Добравшись до того места, где шлагбаум перекрывает шоссе, Берестов подошел к сторожу у шлагбаума, предъявил свой документ и сказал:

— Слушай, отец, мы с тобой вот как договоримся! Я сейчас залезу на тот столб и буду вроде чинить линию. Теперь так. Как только я подам сигнал, ты удержишь шлагбаум закрытым, пока я не залезу в машину... Понял?

— Вроде понял! — согласился старик.

Берестов порылся в кладовке старика, взял моток провода, клещи и полез на столб.

С этой высокой позиции ему была видна каждая машина, подъезжающая к шлагбауму. И как раз в ту минуту, когда он более или менее укрепился на старых крюках, забитых кем-то в столб, его окликнул милиционер.

Надеясь перехватить на шоссе Горелла, Берестов боялся только одного — опоздать. Он понимал, что Горелл будет стараться опередить его группу. В распоряжении Берестова не было специальных когтей, которыми пользуются электротехники, он едва держался на

столбе, ежеминутно рискуя сорваться, и к тому же должен был все время наклоняться, просматривая кузова и кабины машин.

— Гражданин! — скрипуче сказал милиционер, закинув голову, щурясь и придерживая фуражку. — Сойдите немедленно.

— Зачем? — с досадой спросил Берестов, понимая, что от милиционера не так-то легко будет отделаться.

— Вам сказано, сойдите!

В это мгновение шлагбаум поднялся, машины рванулись вперед, Берестов воспользовался паузой и, нагнувшись, успокаивающе сказал:

— Товарищ милиционер, все в порядке! Документ у меня есть!

— Гражданин, вам сказано русским языком, сойдите в одну и ту же секунду! — голосом, ломающимся от возмущения, сказал милиционер.

Заметив назревающий конфликт, к столбу подошла девочка с корзиной пыльного зеленого лука. Издали, тоже к столбу, бежали мальчишки, подстегивая себя прутьями. Почтенный седой старичок в полотняной толстовке и в яркокрасных пластмассовых тапочках остановился и принялся протирать очки носовым платком, готовясь основательно изучить обстоятельства задержания Берестова.

— Товарищ! — хрипло сказал Берестов, почти оглохший от прилива крови. — Товарищ милиционер, я военнослужащий. Я не могу вам сбросить вниз свой документ. И я не могу сойти со столба.

— Гражданин! Довольно разговаривать кругом да около, — твердо сказал милиционер.

нер. — Пройдете в отделение, там расскажете, какие у вас такие права, чтобы на столбы связи лазить!

В это время к шлагбауму подошла машина, груженная морковью. В кузове на зеленых связках лежал ничком Горелл. Берестов обомлел от радости. Он надеялся, но не смел, не мог предполагать, что его расчет окажется таким точным. Гонясь за поездом, Горелл сбросил плащ, но Берестов узнал все — пыльную, красноватую кожу ботинок, коричневый костюм, костистый затылок — и ожесточенно застучал клещами по железному болту.

— Гражданин! — запротестовал милиционер, которому не понравился звук, извлекаемый клещами из болта. — Гражданин, гражданин, прекратите сейчас же безобразничать!

Шлагбаум быстро опустил. Машина остановилась в нескольких шагах от переезда.

Берестов соскользнул вниз и попал в объятия милиционера.

— Правильно! — сказала только что подошедшая женщина с пузырьком лекарства в руке. — Вот такие-то и лазают по дачам. Вчера у Черниченко целый окорок из погреба увели...

Толпа вокруг столба разрасталась с каждой минутой. Кто-то уже объяснял со знанием дела, что Берестов и есть тот самый злоумышленник, который похитил окорок у Черниченко.

Берестов сделал старику знак, и шлагбаум медленно прополз вверх. Машина недовольно фыркнула, точно досадуя на задержку и ушла вперед, за переезд.

— Отойдем в сторону! — скрипнул Берестов зубами и раскрыл перед милиционером удостоверение. Тот прочитал, побагровел, снял и

тут же надел фуражку, хлопнул себя ладонями по бокам и с отчаянием крикнул толпе:

— Ну, что здесь происходит интересного? Совершенно ничего интересного не происходит, даже совсем наоборот! Проходите, граждане.

И виновато поплелся за Берестовым.

— Что мне теперь с тобой сделать? — шипел, идя с ним рядом, Берестов. — Ведь я даже сделать с тобой ничего не могу, вот что обидно! Идол ты, больше ничего! Как я его теперь нагоню!

— Так вы бы... Вы бы намек дали, товарищ капитан! — с искренним огорчением бубнил милиционер.

— Голову ты с меня снял, с живого, а больше ничего... — устало сказал Берестов, впервые с утра вспомнив, что он курит, и закурил. — Я из-за тебя такую сволочь упустил!

— Минуточку! — воскликнул милиционер, преданно глядя в глаза Берестову. — Все! Товарищ капитан — все! Минуточку!

Он убежал куда-то за забор и вскоре вернулся, ведя за собой мотоцикл, точно козла за рога.

Он вывел мотоцикл на шоссе и крикнул Берестову:

— Садитесь в люльку, товарищ капитан! Нагоним! Все! Будьте спокойны! Раз Масютин сказал, значит, точно! Все!

— Спасибо, товарищ Масютин! — несколько остыв, сказал Берестов, выходя на шоссе. — Только разве я могу его на милицейском мотоцикле нагонять? У меня задание — проследить! Да так, чтоб ему и в голову это не пришло...

— Можно! — восторженно сказал милиционер. — Все, товарищ капитан! И это — можно!

Он отвел мотоцикл за забор, снова вышел на шоссе и остановился.

— Разве его теперь нагонишь? — вздохнул Берестов, вытирая лицо платком, черным от пыли. — За переездом больно развилок много. Я это шоссе знаю...

— Будьте спокойны, товарищ капитан! — готовно сказал Масютин. — Если бы я не знал, куда машина идет, конечно, нагнать почти невозможно. Но это Лешаковского совхоза машина и идет в нормальный рейс на базу детских садов. Стой!..

Он поднял руку вверх, и рядом с ним остановился чистенький зеленый «Москвич».

— Николай Николаевич! — сказал милиционер, прикладывая руку к козырьку. — Извиняюсь. Николай Николаевич, как ваше здоровье? Добрый день! Большая просьба, Николай Николаевич, — продолжал он, не дожидаясь ответа. — Вот, капитан должен нагнать одну машину.

— Погодите, товарищ Масютин, — начал недовольно Берестов. — Зачем вы...

— Товарищ капитан, если б я людей в своем районе не знал, тогда другое дело! — решительно сказал милиционер. — Николай Николаевич — вернейший человек, культурный, архитектор, дома строит. Это ж мой район, неужели я своих людей не знаю! Минуточку, товарищ капитан, я вас сейчас сам на след выведу! Раз Масютин сказал...

Он снова убежал за мотоциклом, опять его привел и вскочил в седло.

— Садитесь, товарищ капитан! — лаконично сказал человек за рулем и открыл дверцу машины.

Сбоку с оглушительным треском, охваченный, как пламенем, энтузиазмом и раскаянием, вылетел вперед Масютин. Он оглянулся, сделал приветственный и ободряющий жест рукой и снова пригнулся к рулю.

Берестов слабо верил в обещания Масютина. Но милиционер уверенно вел свой мотоцикл по шоссе, время от времени оборачивался и кивал сидящим в машине.

Иногда он, как жук на ниточке, устремлялся далеко вперед, превращаясь в темную точку, и снова возвращался к машине, испуская оглушительный треск и оставляя вдоль кювета полосу черно-синего дыма.

И вдруг Берестов узнал грузовую машину впереди!

Они поровнялись. Да, это она! Вот оно, пятно извести на борту! Покривившаяся дверца кабины и выгоревший, синий в белую полоску рукав шофера. Но находится ли еще Горелл в кузове? Он мог соскочить во время погони! Правда, Берестов следил внимательно за шоссе, но все-таки!

Грузовая машина остановилась у ворот продуктовой базы детских садов пригородного района Москвы.

Шофер нетерпеливо сигналил, требуя открыть ворота.

Берестов на ходу открыл дверцу и, не успев даже поблагодарить владельца машины, выпрыгнул на шоссе.

«Москвич» покатил дальше, а Берестов, развалился на скате кювета, прикрыв кепкой

лицо. Из-под козырька он увидел, как Горелл поднялся в кузове и, ухватившись длинными руками за борт, выскочил на шоссе.

— Скотина! — с чувством сказала женщина, проходя мимо Берестова с охапкой корзин. — Среди бела дня пьянствуешь. Люди работают, а ты что делаешь, паразит?

— На свои пью! — с тревогой возразил Берестов, опасаясь, что женщина приведет нового милиционера.

— Убивать вас таких мало! — проникновенно продолжала женщина, направляясь к воротам базы.

Соскочив на асфальт, Горелл отряхнулся по-собачьи, всем телом, вынул сигареты и закурил, потом он огляделся и, перешагнув через кювет в нескольких шагах от Берестова, пошел через поле к стогам, где девушки ворошили граблями тяжелые, пахучие пласты сена, прибитого недавним дождем.

Берестов видел, как он подошел к девушкам, некоторое время стоял раскачиваясь и, судя по громкому смеху девушек, рассказывал что-то смешное. Потом он отнял у одной из них грабли и принялся ворошить сено.

Он пробыл на поле несколько часов.

Берестов видел, как девушки угощали Горелла, разложив свои запасы на белом платке. Потом девушки работали, а он дремал, прислонившись спиной к стогу.

Когда стало смеркаться, Горелл отправился через поле провожать одну из девушек, высокую, в желтом, ловко сшитом сарафане. К тому времени Берестов перебрался под прикрытие щитов для задержания снега, сложенных на краю поля. Здесь его обнаружили

ребята — мальчуган и девочка, маленькая, с толстыми ножками, с круглой бритой, загорелой головкой. Берестов принялся рассказывать ребятам о птицах, и они пошли провожать его по полю. Самое трудное было пройти за Гореллом через открытое пространство поля, но помогли ребята. Берестов взял девочку на руки и, продолжая рассказывать все, что знал о птицах и гнездах, не таясь, пересек поле и вошел в первую улицу, связывающую пригород с городом.

Отправив ребят обратно, Берестов совершил незаконный акт присвоения чужой собственности: сняв с забора большую высокую корзину, он поставил ее на плечо и под этим новым прикрытием отправился дальше за Гореллом и высокой девушкой в желтом сарафане.

Так шли они долго, кружа в переулках, и Берестову много раз приходилось менять прикрытия, обличия и походку.

Наконец, девушка привела Горелла в старый, покосившийся и осевший флигель на Пионерской улице и скрылась с ним в глубоком темном подьезде.

Берестов залег во дворе, поблизости от флигеля, в груде бревен, завезенных для ремонта.

Он видел, как девушка, уже одна, выбежала с сумкой из подьезда и бегом скрылась в воротах. В магазин отправилась! — догадался Берестов. Сумерки сгущались с каждой минутой. Берестову необходимо было проверить, не имеет ли флигель выхода в задней части двора, но он не решался встать из-за укрытия — во дворе все время находились люди.

Особое беспокойство доставляли Берестову ребята. С наступлением темноты они вдруг

принялись играть с особым азартом, гоняясь друг за другом, карабкаясь на штабель дров, на забор и бревна. Ежесекундно капитан ждал, что его обнаружат маленькие всевидящие глаза и быстрые руки.

Время шло. Вернулась девушка все так же бегом, неся теперь уже тяжелую сумку.

Наконец, к облегчению Берестова, матери и отца загнали ребят домой. Некоторое время во всех окнах флигеля горел яркий свет, в раскрытые окна слышно было, как звенят о тарелки ложки и вилки и устало переговариваются взрослые.

У Берестова томительно заныло в желудке. В последний раз он ел около десяти утра, а сейчас наступил одиннадцатый час вечера.

Заревели ребята, вымаливая «еще полчаса поиграть», слышались шлепки, уговоры и окрики. Наступал час сна.

На бревна, совсем близко от Берестова, присели девушки.

— А может, и вправду старый знакомый! — сказала одна из них. — Неужели уж чужого, с улицы, да в дом привела?

— Ну ее, дура какая-то нескладная! — сказал почти детский голос. — Ребята узнают, всем нам будет нехорошо...

— Лелька — домой! — сердито окликнул голос из дома.

— Мам, я еще немного! — зачастил полудетский голос. — Все девочки тут, мама, правда, все... Еще полчаса...

— Домой тебе сказано! Ты что, как Верка, хочешь быть? — настаивал голос из окна. — Домой!

— Евгения, домой сейчас же! Отцу скажу, что не слушаешься! — полетел окрик из другого окна. — Через минуту не придешь, ремень возьму!

— Прямо, ремень! До каких же пор, интересно?

— Люда, ты где? Спать...

— Посидели! — вздохнула какая-то из девушек поднимаясь. — Игорь хотел с гитарой прийти... А все-таки Верка хорошо «Голубку» поет. Как актриса!

— А что хорошего, что хорошего? — опять зачастил детский голос. — Очень низко берет.

Девушки ушли. Через некоторое время к бревнам подошли юноши, у одного из них в руках белела гитара.

— Поздно уже, не придут! — сказал кто-то из них.

— А я никого не жду! — резко перебил другой, с гитарой. — Еще та девушка не родилась, которую я ждать буду!

— Орлы, идем на скверик!

— Чего там не видели? Я спать пойду! — решительно сказал владелец гитары и отправился к дверям флигеля. За ним, тихо переговариваясь, последовали остальные.

Тишина продолжалась недолго. На бревна присели женщины. Они говорили неторопливо, отдыхая после трудного, заполненного хлопотами дня, наслаждаясь тем, что дети и мужья сыты, умыты, успокоились до утра.

Они сидели долго, и разговор то умолкал, то снова разгорался от слова, кем-нибудь брошенного.

В комнатах с распахнутыми окнами на разные голоса тикали и били часы.

Откуда-то из глубины дома долетел низкий женский голос, запевший «Голубку».

Женщины, не сговариваясь, умолкли. Молчание, с которым они слушали песню, было тяжелым, осуждающим.

— Вот люди бывают! — сказала, наконец, одна из них, оглядываясь в сторону дома, откуда уже не летела песня. — Пускают себя на растопку. Чужие жизни тешат. А от растопки тепла нет — вспыхнет и погасла.

— У них вся семья такая, — откликнулась другая. — Василий Петрович от водки сторел, Анна семью бросила, Федьку за воровство с фабрики посадили... Одна Верка осталась, и та в расход пошла.

— А кто у нее сидит?

— Шантрапа какая-то! Хороший человек разве с первого раза за полночь останется? Спокойной ночи, соседки, ноги домой просятся! У меня завтра все в первую смену идут. А на счет Верки надо, соседки, завтра подружнее собраться да потолковать с ней. Не послушает подобру-поздорову, найдем другую управу. У нас Дети, нам грязь нехорошо в доме разводить.

Берестов понимал, что ему без помощи не справиться. Он полагал, что Горелл вряд ли останется ночевать в незнакомом месте. Во всяком случае на него это непохоже. Значит, в любую минуту он может выйти и направиться дальше. Ночью, на пустынных улицах, залитых луной, следить за человеком одному трудно.

Женщины ушли. Одна из них стояла и настойчиво и ласково звала: «Вася, Вася, пес-

драный, иди, я тебе супчику дам, после опять пойдешь шаландать».

С крыши сарайчика прыгнул длинный и плоский черный кот с наглыми зелеными глазами. С урчанием он кинулся в ноги к женщине и заходил вокруг колен, вздрагивая твердым хвостом, загнутым на кончике, как у скорпиона.

Берестов уже знал по голосу эту женщину. Из ее реплик в общем разговоре он узнал, что у нее несколько взрослых сыновей и муж работают все на одном заводе. Дочка — врач, уехала с мужем летчиком на Чукотку, и еще растет в семье воспитанница-сирота, оставшаяся после смерти старых друзей. В разговоре она ни с кем не спорила, чужих слов не осуждала, но когда обращались к ней, твердо выражала свое мнение.

— Идем домой, супчику поедим! — повторила женщина коту, и он, взвизгнув, первым кинулся к дверям флигеля.

— Мамаша! — тихо позвал Берестов.

Женщина остановилась и огляделась.

— Мамаша, подойдите сюда, пожалуйста! — тихо повторил Берестов.

Женщина подошла и с молчаливым, недоверчивым удивлением посмотрела на Берестова, все еще лежащего между бревнами.

— Мамаша! — сказал Берестов, не поднимая головы. — Ближе от вас находится один вредный человек. Мне его выследить надо. Я вам дам бумажку с номером телефона, куда надо позвонить, вы идите сейчас в автомат и аккуратненько скажите, что Берестов просит прислать людей, Пионерская улица, двадцать

один. Все, больше ничего не надо, поймут, только вы быстрее!

Карандашом он написал на клочке бумаги номер телефона и протянул бумажку женщине. Она взяла его руку вместе с бумажкой своей крепкой, теплой рукой, не выпуская, пригнулась низко, к самому лицу, заглянула в глаза и, кивнув, не проронив ни слова, поднялась и пошла к воротам.

Прошло около получаса.

Наконец, Берестов заметил, что темнота в углу ворот как бы уплотнилась. Берестов поднял руку и ребром монеты отбил по бревну условленную дробь. Тень скользнула вдоль забора и вскоре материализовалась в груди бревен рядом с Берестовым.

— Во флигеле! — шепнул Берестов, не шевелясь. — Похоже, комната окнами на ту сторону выходит. Пели там, по звуку определил. Первый этаж. Обязательно надо на той стороне поставить, может уйти в окно.

— Сделаем, товарищ капитан! — шепнула тень. — Вам полковник велел срочно в отдел ехать. Машина в конце улицы стоит во дворе дома № 4. Все будет в порядке!

— Сколько вас прибыло?

— Хватит! — заверила тень. — Окружим вниманием со всех сторон!

— Как Захаров?

— Плохо! Нет, товарищ капитан, он от нас больше не уйдет. Езжайте спокойно!

Вера и ее комната не понравились Гореллу.

Комната была стиснута со всех сторон соседями. Стены ее пропускали голоса. В кори-

доре все время возились дети и проходили взрослые. Горелл чувствовал, что его посещение привлекло внимание всего дома; он жалел, что пришел.

И прежде чем уйти, он решил увериться, не следят ли за ним, обошел двор, заглядывая в темные углы, всматриваясь в тени.

Оглядел кучу бревен, сваленных возле флигеля.

Вокруг было тихо и безлюдно.

Горелл вышел за ворота.

Начинало светать. Мрак выцветал в деревьях, дома и предметы словно слабо светились в полумраке.

Горелл пошел по улице.

Жаль, что не мог видеть в этот момент капитан Захаров, как его товарищи «проводят» Горелла! Очень уж здорово на этот раз у них получалось.

Жаль, что не видел полковник Смирнов своих работников в эту тревожную, трудную ночь. У него отлегло бы от сердца.

Улица была пуста.

По ней шел только Горелл.

Для него жизненно важно было определить сейчас, нет ли за ним преследователей. От этого зависели все его дальнейшие планы и поступки, судьба дела и, надо прямо сказать, его собственная, бесценная жизнь.

Несколько раз он останавливался, всматривался и прислушивался.

Дважды он применял безошибочный способ проверки. В первый раз перепрыгнул через забор и не побежал, а прильнул глазами к щели в досках и долго вслушивался в дыхание пустой улицы.

Нет, он был один. Ни звука, ни тени!

Второй раз он скользнул в ворота и опять долго вглядывался и вслушивался.

Решительно он был один в это белое глухое утро.

Он вышел из ворот и теперь уже пошел ровным шагом человека усталого, с удовольствием возвращающегося домой, на отдых.

А по пятам за ним шли люди в отвратительно влажной от колоссального напряжения мускулов одежде, готовые идти так, если понадобится, много часов и дней, пока не сменят товарищи или не будет дано распоряжение выйти врагу навстречу и навсегда отрезать ему отступление.

Неверно было бы сказать, что Миша Соловьев в эти напряженные для его товарищей дни ничего не делал или выполнял незначительные поручения.

Он работал много и старательно, но все, что он делал, не имело никакого отношения к Горелду. Смирнов точно забыл о юноше. Напоминать о себе было бесполезно, и Соловьев решил, что он неудачник и что жизнь его в основном испорчена.

— Младший лейтенант! — сказал Смирнов, вызывая к себе Соловьева однажды утром. — Отправляйтесь по этому адресу и привезите ко мне товарища Кубикова, Игоря Александровича.

По дороге Игорь Александрович непрерывно говорил, и все, о чем он вел речь, было ново и интересно для Миши. И в самом облике Кубикова было что-то очень молодое, подкупающее.

Они приехали на квартиру, где должно было произойти свидание Кубикова и Смирнова, рано и еще около получаса сидели вдвоем. Вместе с полковником Смирновым прибыл человек, при виде которого пушистые светлые брови Кубикова взметнулись кверху, и он восторженно заулыбался.

— Да, да вы хорошо знакомы! — торопливо сказал Смирнов, заметив выражение лица Кубикова. — Тем лучше, мне не придется представлять вас профессору Короткову.

— Здравствуйте, Игорь Александрович! — тихим мягким голосом произнес Коротков.

— Товарищи, мы очень ограничены временем и поэтому едем сразу на место, без всяких предварительных разговоров... — сказал Смирнов. — Михаил Петрович, — обратился Смирнов к Соловьеву, — вы отправитесь с нами. Возьмите у моего шофера чемодан и не расставайтесь с ним. Он понадобится на месте. Едем, товарищи.

Когда они вышли из машины у Петровских ворот и направились к Эрмитажу, они показались бы любопытному прохожему людьми, решившими посетить дневной сеанс в кино. Кубиков рассказывал Короткову какой-то новый анекдот, тот смеялся, смущенно поглядывая на полковника, а Смирнов с интересом разглядывал новое здание, только что освободившееся от лесов у Петровских ворот.

Когда дошли до Эрмитажа, Смирнов неожиданно свернул к арке сада, Миша с довольно тяжелым чемоданом в правой руке, не останавливаясь, проследовал за полковником. Кубиков и Коротков нерешительно затоптались было, переглядываясь, но к ним подо-

шел человек, рассматривавший афиши у входа, и, улыбаясь, быстро сказал:

— Не задерживайтесь, товарищ Коротков! Проходите, пожалуйста!

Коротков и Кубиков переглянулись и заспешили, нагоняя Смирнова.

Полковник прошел по аллее, огляделся, выбрал свободную скамейку и сказал садясь:

— Отдохнем, товарищи, несколько минут! Ну и жара стоит! Исключительная я бы сказал. Вы легко переносите жару, Игорь Александрович?

Кубиков не успел ответить, потому что Смирнов, заметив что-то, одному ему понятное, у входа в сад, поднялся со скамейки и сказал:

— Извините, Игорь Александрович. Но пора идти дальше...

Они еще раз остановились, зайдя в подъезд, и там к Короткову и Кубикову присоединился еще один человек, который впоследствии оказался прокурором района.

Миша и Смирнов ушли, Коротков, Кубиков и прокурор молча ждали. Наконец, в подъезд вошел человек в штатском и торопливо сказал:

— Идите, товарищ! Только держитесь свободнее, вроде знакомых пришли навещать, одним словом!

Они поднялись на третий этаж, и в тот момент, когда Коротков, оказавшийся впереди, поставил ногу на площадку лестницы, одна из трех дверей, выходящих на площадку, открылась, и Миша Соловьев, молча кивнув Короткову, предложил войти.

— А я ждал, что за дверью окажется человек в маске! — с нервным смешком сказал Кубиков.

— Тише, Игорь Александрович! — остановил его Смирнов, оказавшийся на пороге передней. — Прошу входить, товарищи, и не отвлекаться посторонними разговорами. У нас мало времени!

Обеденный стол Юли был отодвинут к окну, на полу, где стояли ножки стола, Миша сделал отметки мелом. Освободившееся пространство пола он накрыл белой простыней и поставил на простыню два небольших кожаных чемоданчика, напоминающих те, с которыми ходят балерины и футболисты. Чуть поодаль от них стоял третий чемодан, который Миша принес из машины. Теперь он был раскрыт и в отделениях виднелись инструменты, коробки с материалами, электрический паяльник, приборы.

— Товарищи, — обратился Смирнов к Короткову. — Мы сейчас покажем вам один прибор и комплект взрывчатки к нему. Нужно, во-первых, определить прибор и, во-вторых, обезвредить взрывчатку. Наш инженер сейчас продемонстрирует вам прибор.

Миша подал Кубикову и Короткову тонкие замшевые перчатки без пуговиц, на резинке. Инженер, толстеющий, седой человек, деловито крикнул встал на колени на простыню, раскрыл первый чемодан и принялся осторожно снимать черные замшевые футляры с деталей.

— Игорь Александрович! — обратился полковник к Кубикову. — Вы крупный специалист по приборам. Что вы скажете об этой штуковине?

Кубиков молча рассматривал одну деталь за другой.

— Лупу! — отрывисто сказал он, и Миша подал сильную лупу.

Инженер открыл второй чемодан; Коротков сразу потянулся к устройству, подводящему взрывчатку.

— Мина! — сказал он. — И довольно современного образца!

— Это оружие мирного времени! — кивнул Смирнов и невольно усмехнулся.

— Что ж, давайте приступать к извлечению взрывчатки! — сказал Коротков, рассматривая чехол на одном из массивных кубиков. — Игорь Александрович, прежде всего надо изоляционные рубашки приготовить!

— Все, что нужно для работы, находится в нашем чемодане! — сказал Смирнов. — С прибором мы, собственно, уже разобрались. Да и взрывчатку мы бы сумели сами обезвредить. Но вы, товарищи, приглашены как эксперты! Когда-нибудь вам придется выступить на суде и рассказать все, что вы сегодня видели!

— Резцы! — сказал Кубиков, снял пиджак и засучил рукава. Инженер протянул ему ящик с набором электрорезцов.

Смирнов с удовольствием наблюдал за работой Короткова и Кубикова. Теперь он понял, почему Пономарев, рекомендуя их, назвал близнецами. Смирнов понял также, почему самоуглубленный, сдержанный Коротков работает с Кубиковым. Прикоснувшись к прибору, Кубиков как бы на глазах переродился. Он замолчал, Смирнову даже показалось, что он похудел. Но больше всего полковника поразили руки Кубикова. Инструменты, попадая к нему, становились продолжением пальцев, и размеры новой изоляционной рубашки, кото-

рую он тут же смастерил, точно совпали с оригиналом, хотя Кубиков не сделал измерений.

Иногда он переговаривался с Коротковым односложными замечаниями, полужестами, полужестами, и трудно было определить, кто же из них ведущий в содружестве. Нет, это было абсолютное сочетание ученого и конструктора — они одинаково мыслили, только Коротков выражал свою мысль в цифрах и формулах, а Кубиков мыслил в металле, стекле, пластмассе, дереве. И полковник с наслаждением человека, умеющего ценить труд и талант, следил за этим замечательным дуэтом.

Однажды Коротков остановился и растерянно посмотрел на Смирнова.

— Герасим Николаевич! А как же мы уложим все это обратно в чемодан? Ведь расположение деталей я забыл! А эти вещи свой строжайший порядок имеют!

Инженер улыбнулся и протянул Короткову увеличенные фотографии открытых чемоданов.

— Фрезы! — потребовал Кубиков. Инженер протянул ему другой футляр. Кубиков открыл, точно по струнам пробежал, ощупывая шлифовальные приспособления, к пальцам его приросла маленькая круглая пластинка, и Игорь Александрович принялся зашлифовывать только что запаянный шов на изоляционной рубашке.

Где-то на полу зазвенел телефон.

— Да! — откликнулся Смирнов. — Смотрит в окно? Пускай смотрит! Только бы не позвала кого-нибудь. Как там машина, надежно стоит? Да, скоро будем закругляться, — и он положил трубку.

— А что, эта штука, — впервые за все время заговорил прокурор, с интересом наблюдая за всей процедурой освобождения взрывчатки, — штука то есть, не может взорваться?

— Стул, на котором вы сидите, тоже в известных условиях может взорваться, — процедил сквозь зубы Кубиков, шлифуя замшевой подушечкой место, где только был шов, а сейчас сияла ровная металлическая поверхность. Инженер запаивал шов на втором кубике, из которого взрывчатка была уже извлечена, а место ее заменила безобидная мастика, по весу и виду ничем не отличающаяся от взрывчатки.

— Нет, я не из чувства страха спрашиваю, просто интересно знать... — краснея, оправдывался прокурор.

— Может, Федор Иванович, может! — деловито подтвердил Смирнов. — Вот видите, какую механику наш «подшефный» в центре Москвы держит! Смотреть мы за ним, конечно, смотрим, а все-таки застраховаться надо от случайностей. Вот он сегодня ушел из дому надолго, мы и воспользовались случаем... А вы, Федор Иванович, мне отказали в разрешении провести эту операцию, пришлось высшее начальство запрашивать!

С этой минуты молчание прокурора приняло характер героический. Через пятнадцать минут Смирнов решил, что реванш за лишние хлопоты, которые ему доставил прокурор, взят.

— Если б хоть один шанс был за то, что штука взорвется, Федор Иванович, мы б ее здесь в свою посуду не пересаживали... Ведь, кроме нас, люди кругом! Нашли бы способ изолироваться!

— Да нет, я просто из чувства любопытства! — облегченно проговорил прокурор.

— Хорошо! — с удовольствием сказал Кубиков и принялся бережно натягивать замшевый чехол на приготовленный кубик с мастикой. — Теперь хоть куда!..

— Товарищи, вы только смотрите не перепутайте! — забеспокоился Смирнов, но Коротков улыбнулся и показал ему изъятый запаянный кубик, отмеченный жирной, черной цифрой «1».

— Если б Игорь Александрович мог ошибаться, — сказал он улыбаясь, — нас бы с ним давно в живых не было...

Снова зазвенел телефон.

— Да! — откликнулся Смирнов. — Послала дворника за слесарем? Ну, задержите его минут на двадцать каким-нибудь вежливым способом... Действуйте!

— Закругляйтесь, товарищи! — сказал полковник, и инженер принялся укладывать прибор в чемоданчик аккуратно, уточняя каждое движение по фотографии. Извлеченную из прибора взрывчатку инженер упаковал в особый ящик.

— Эксперты могут быть свободны, — сказал Смирнов, глядя на часы. — Товарищ Коротков, вас сейчас выведут к Эрмитажу, там наша машина стоит. Мы еще задержимся здесь минут на пятнадцать! Акт экспертизы оформим завтра, я вам позвоню. Большое спасибо, товарищи! — и обернувшись к Мише, сказал: — Проводите и отправляйтесь в отдел, здесь вы больше не нужны.

Инженер свернул простыню и бросил ее в чемодан с инструментами. Потом он взял лупу

и принялся исследовать пол, проверяя, не осталась ли где-нибудь в щелях металлическая стружка.

Миша, Коротков и Кубиков спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Интересно! — сказал Кубиков, остановился и принялся шарить в карманах, отыскивая сигареты.

— Проходите, проходите, пожалуйста! — настойчиво сказал Кубикову шофер грузовика, осматривавший на краю тротуара снятую с колеса камеру.

— Что такое? — не понял Кубиков и запетушился. — Что ему от меня надо?

— Идемте, Игорь Александрович! Это наш человек! — поспешно сказал Миша, беря под руку Кубикова. — Там, дальше покурим.

Молча они дошли до Эрмитажа и сели в машину.

Смирнов ушел из квартиры Юли последним. Он задержался на пороге, осмотрел все вещи, к которым прикасались, и со вздохом облегчения закрыл за собою дверь.

Он не знал, что в это время капитан Захаров уже лежал в траве с разрезанными легкими. Он не знал также, что Горелл никогда больше не придет в квартиру Юли, не прикаснется к чемоданчикам...

Вся эта сложная, потребовавшая огромного напряжения от многих людей операция была сделана впустую...

Усталые, притихшие и виноватые, прибыли в отдел участники последней операции по делу Горелла.

Захаров еще дышал, когда к нему подбежали. Немного дальше в аллее нашли мальчика, у него оказались сломанными два ребра. Он не плакал даже тогда, когда его осматривал хирург, и не смог произнести ни слова. Выражение ужаса и недоверия точно примерзло к голубым, широко открытым глазам мальчугана. Врачи определили нервный шок.

Захаров не приходил в сознание. Ему перелили кровь, созвали консилиум и стали ждать конца, потому что надежды на спасенье раненого не осталось.

Участники операции доложили о своей неудаче генералу и Смирнову. Кроме Захарова, не вернулся в отдел Берестов. Он отстал во время погони, либо с ним случилась беда.

Отпустив людей, Смирнов обеспокоенно оглянулся на генерала.

Уловив его взгляд, генерал сказал:

— А что другое мог сделать Захаров? Нет, Герасим Николаевич, поступок капитана — свидетельство силы нашей, а не слабости.

— Я очень рад, что вы так думаете! — быстро сказал Смирнов и облегченно вздохнул. — Знаете, мы ведь только начали вместе работать! Очень важно, когда понимаешь друг друга... Есть качества, товарищ генерал, которые уже настолько прочно вросли в характер советского человека, что уничтожить их можно только вместе с человеком...

— Да! — согласился генерал. — Вы правы. Конечно, сейчас они иногда на этом играют. Но в результате, Герасим Николаевич, всегда остаются в проигрыше! Вот Берестов меня беспокоит! Он ведь очень исполнительный человек! Что могло с ним случиться?

Около трех часов ночи дежурный по отделу снял трубку.

— Извиняюсь! — сказал немолодой женский голос. — С вами говорят от товарища Берестова.

— Слушаю вас! Слушаю вас, гражданка! — торопливо сказал дежурный. — Записываю, говорите!

— Товарищ Берестов просит, чтоб поскорей прислали людей на Пионерскую улицу к дому номер двадцать один...

— Повторите, пожалуйста!

Женский немолодой голос старательно повторил адрес.

— Все!.. — сказала она. — Больше он ничего не сказал. Только вы уж постарайтесь! Очень просил. Будьте здоровы, до свидания!

Дежурный позвонил в гараж, вызвал машину и набрал номер домашнего телефона полковника Смирнова.

— Наш отставший привет с дороги прислал, — сказал дежурный. — Жалуются, что одному скучно...

— Пусть группа выезжает! — сказал Смирнов. — За мной тоже пришлите машину!

В то утро, когда Горелл ушел на свидание с Захаровым, Юлия уговорила себя, что все обойдется, все будет хорошо. Нужно только быть повеселее, больше видеться с людьми и пользоваться от жизни всем, что она может дать.

Это решение Юлия приняла под душем и тут же начала готовиться к новой жизни. Она причесала по-новому волосы, пригладив их

бриолином и щеткой, надела только что сшитое платье из прохладной сиреневой ткани и стала придумывать, куда бы ей отправиться до возвращения Горелла.

В передней позвонили.

Горелл целой серией страшных рассказов о случаях ограбления одиноких легкомысленных женщин, живущих в изолированных квартирах, приучил Юлю тщательно допрашивать всех посетителей.

Юле ответил женский голос.

— Здравствуйте, товарищ Харитонов! Я ваша соседка по дому из двадцать второй квартиры. Откройте, пожалуйста!

Юля открыла дверь. Перед ней стояла улыбающаяся женщина... но Юля не заметила ее лицо! Юля увидела туфли на ногах женщины, и под ложечкой у нее сразу стало томительно и холодно...

О таких туфлях Юля мечтала всю свою жизнь!

Малиновые, из мягчайшей кожи, с толстой обтекаемой подошвой и каблуком, вырезанным из одного куска пробки! Юля еще раз посмотрела на линию носка и почувствовала ненависть к этой счастливой, улыбающейся женщине. Каждый может улыбаться в таких туфлях!

— Извините, пожалуйста!—сказала гостья.— Я к вам по одному секретному, женскому вопросу. Можно войти?

— Входите! — сухо предложила Юля, вздернув правым плечиком. Оказалось, что у этой нахалки, врывающейся в чужие квартиры, и платье необыкновенное! Скроенное из одного куска голубого крепа, оно сидело, как

перчатка! И тяжелые малиновые бусы! — Я вас вижу в первый раз! — враждебно сказала Юля.

— Я приехала на прошлой неделе... — сказала, улыбаясь, гостья, стоя уже в передней, — к двоюродной сестре в двадцать вторую квартиру. Меня зовут Галина Мироновна! Видите ли, я заметила, что вы элегантно одеваетесь. Дело в том, что я хотела бы продать кое-какие вещи... Только это между нами, а то мне попадет от мужа! Знаете, у мужчин на это странные взгляды...

— Туфли у вас есть? — быстро спросила Юля, глядя на ноги гостьи.

— Да... Такие же, как на мне, только зеленые! У вас какой номер?

— Тридцать шестой! — задыхаясь, сказала Юля. — А эти? Эти вы не продадите?

— Вот, не знаю! — замялась гостья. — Об этих я как-то не думала... Они ведь уже ношенные! Вы померьте сначала! Может, не подойдут!

— Подойдут! — отрезала Юля, села на стул в передней и трясущимися руками померила туфлю. Гостья стояла, поджав ногу, и сочувственно следила за попытками Юли втиснуться в туфлю.

— Как раз! — сказала Юля, с наслаждением растопыривая пальцы ноги в туфле. — Сколько вы за них хотите?

— Знаете что? — предложила гостья. — Давайте зайдем сейчас ко мне! Вы померяете зеленые, посмотрите еще кое-что... А там решим. Я думаю, мы сговоримся!

— Двадцать вторая квартира... Это в том подъезде на пятом этаже?

— Да... С балконом!

— Идемте! — решительно сказала Юля, поднимаясь со стула.

— Только туфлю мне хоть пока отдайте! Я ж босиком не дойду! — засмеялась гостя.

В двадцать второй квартире никого, кроме Галины Мироновны и Юли, не оказалось.

— Сестра по делу уехала с ребенком, а муж ее в командировке, — объясняла Галина Мироновна, открывая чемодан и высыпая на диван ворох вещей.

Около получаса Юля не могла решиться, что же ей все-таки взять. Она группировала, перекладывала, добавляла. Галина Мироновна не торопилась, охотно показывала Юле каждую вещь, надевая ее на себя и пробуя на Юле.

Потом они говорили о том, какие вещи им хотелось бы сшить и купить. Потом высчитывали стоимость отложенных Юлей вещей.

Галина Мироновна достала охалку модных журналов, и Юля не заметила, как шло время.

Наконец, очнувшись от сладкого транса, Юля вспомнила, что Горелл может быть уже дома. Он очень нервничает и злится, когда она уходит куда-нибудь.

Юля сложила отобранные вещи и поднялась.

— Идемте со мной! — сказала она. — Я вам дома деньги отдам...

В дверях Галина Мироновна долго дергала и вертела замок, дула себе на пальцы и опять пыталась отпереть дверь.

Замок сломался.

Юля опустила вещи на стул в передней и попыталась сама открыть дверь. Ничего не вышло.

— С ним бывает иногда! — смущенно сказала Галина Мироновна. — Ах ты, господи, какая досада! Мне надо спешить к зубному врачу.

— Может быть, дворник во дворе, внизу ходит, надо его позвать! — сказала Юля. — Он попробует открыть снаружи, мы ему ключ сбросим...

Юля подошла к окну и стала смотреть вниз. Дворника внизу не оказалось.

— Но я спешу! — жалобно сказала Юля. — Знаете, если мой муж вернется раньше и не застанет меня, будет неприятность! Вот что мы сделаем! Мы пошлем мальчишек за дворником и попросим его привести слесаря...

Однако прошло еще много времени, прежде чем слесарь взломал замок. Галина Мироновна вскипятила чай и угостила Юлю, но у той настроение все падало и падало... Даже вещи ее теперь не радовали! Хотелось одного — прийти домой и убедиться в том, что Горелл, как всегда, лежит на диване вытянувшись, закинув руки под голову, и дремлет... Он теперь почти всегда дремал. Он говорит, что это на нервной почве.

Горелла дома не оказалось. Юля отдала Галине Мироновне деньги и проводила ее.

Вечерело.

Юля достала из холодильника продукты и приготовила обед.

Горелл не приходил.

Юля разозлилась. Решение начать новую, беззаботную, веселую жизнь теперь казалось бессмысленным. Теперь она думала о том, что жизнь ее безнадежно испорчена, а Горелля,

несомненно, живет с другой женщиной и только ждет случая уйти.

Чтобы отвлечься, она снова рассмотрела вещи, купленные у Галины Мироновны. Примерила.

Смеркалось.

— Животное! — сказала мысленно Юля, обращаясь к Гореллу. — Всегда делает только то, что хочется ему! Любой другой позвонил бы, что задерживается. Ну и черт с ним! Я тоже буду делать все, что хочу.

Она надела новые малиновые туфли, шляпу, купленную у Галины Мироновны, — колпачок из черной соломки с султаном из белых перьев, взяла сумочку и вышла из дома.

Было уже почти совсем темно.

Около входа в Эрмитаж стояли толпы нарядных, оживленных людей. Играла музыка.

И такая тоска охватила Юлю, что если бы она не боялась за ресницы, подкрашенные тушью, обязательно бы заплакала. Дернув подбородком, она прошла мимо Эрмитажа к бульвару.

На скамейках сидели влюбленные и шепотом вели свои нескончаемые, очень важные разговоры.

Юля села на скамейку. Достала из сумочки папиросу и закурила. Человек сидел рядом, облокотившись о спинку скамьи, и не то дремал, не то думал о чем-то своем. На нем был дорогой светлый костюм. Юля обернулась к нему и сказала:

— Мужчина, мне грустно!

Он повернул голову к ней, взгляделся и спросил недоверчиво:

— Юленька?

Юля бежала к выходу с бульвара, не оглядываясь, впервые в жизни чувствуя, что стыд может быть непереносимым. — Только бы не нагнал! — думала она. — Только бы не стал расспрашивать! Коля Клименко! Лучший друг Харитоновна... Нет, домой, домой... Может быть, там в окне уже загорелся свет! Может быть, Костя дома...

В квартире попрежнему было темно и пусто. Юля сбросила с себя платье и туфли, накинула халатик и остановилась, не зная, что делать, что думать дальше. Потом она вспомнила о чемоданах с товаром. Если Горелл ушел навсегда — он взял их с собой... Юля кинулась к шкафу. Чемоданы попрежнему стояли на полке.

— Если он бросил меня, я продам кожу! — подумала Юля. — Пойду к сапожникам и продам... Надо посмотреть, какая это кожа... Он говорил — лак!.. Лак стоит дорого!

Юля сняла чемодан, повозилась с замками, не сумела открыть, взломала и увидела предметы странной формы, обтянутые чехлами из черной замши. Она взяла один из них, самый большой, и расстегнула замшевый футляр. Блеснула фиолетовая металлическая лопасть пропеллера. Юля поспешно застегнула кнопку и положила странный предмет в чемодан.

Спрятав чемодан в шкаф, она села на диван. — Господи! — сказала она тоскливо и громко... — Господи, что же это такое?

Сейчас же память услужливо напомнила ей десятки крупных и мелких фактов, на которые она не хотела или боялась обратить внимание.

Среди них был очень страшный, при одном воспоминании о нем плечи Юли покрывались мурашками.

Ложась спать, Горелл всегда раздевался в темноте. Однажды Юле что-то понадобилось, и она неожиданно зажгла лампу на ночном столике в тот момент, когда он раздевался.

— Ты что? — яростно спросил Горелл, пытаясь укрыться одеждой. Но Юля успела увидеть, что бедра его опоясывает тонкий ремешок и на нем, прижатая к внутренней стороне ноги, висит плоская пистолетная кобура.

— Люминал!.. — сонно пробормотала Юля, инстинктивно притворяясь, что ничего не заметила... — Дай мне таблетку, а то опять не усну! — сказала она и отвернулась к стене.

Горелл всегда сам чистил и гладил свою одежду, но неделю спустя Юля улучила момент, когда он вышел в ванную, и сунула руку в карман его брюк. Подкладка в карманах была разрезана сбоку, так что Горелл мог в любой момент незаметно достать оружие.

— Ведь он спекулянт! — старалась успокоить себя Юля. — Переносит партии контрабанды! Наверное, так надо!

И постаралась сейчас же забыть об этом случае.

— Он — опасный человек! — почти вслух сказала Юля и, разжав руку, бросила ключи от шкафа на диван. — С ним можно погибнуть! Вот только если я сообщу о нем, может быть, спасусь... Если завтра не придет — сообщу!

Горелл не вернулся.

Так встретились полковник Смирнов и Юля.

Смирнов глядел на белое лицо Юли и блестящие глаза, живущие на этом скованном страхом лице отдельной, беспокойной жизнью, и думал, что поступил правильно, отказавшись от мысли привлечь Юлю к разоблачению Горелла. Казалось, это был самый простой вариант. Кто стоял к Гореллу ближе, чем она? Но почти вся недолгая жизнь этой женщины свидетельствовала о привычке к душевной грязи. Она всегда искала легкие, обходные тропки, ничто ей не было дорого, она всегда пряталась за чужие спины — вот и теперь пришла спрятаться за надежную спину закона.

— А если б гражданин Клебанов вернулся домой, вы бы не пришли к нам? — спросил Смирнов.

— Н-нет, конечно, то есть да, конечно! Пришла бы! Обязательно...

Нет! На помощь таких людей нельзя рассчитывать.

— Значит, вы заявляете, что он занимается спекуляцией и носит на себе оружие... Больше вы ничего о нем не знаете?

— А... что?.. — с готовностью спросила Юля, подаваясь всем телом вперед и впиваясь в лицо Смирнова. — Что бы вы еще хотели знать?

Да, такая подтвердит все, что угодно. Она солжет, спасая свою шкуру, запутает и оклеветает... Нет, решение было правильно!

Смирнов нажал кнопку звонка, вызывая дежурного.

— Вы свободны! — сказал он Юле и поднялся из-за стола.

— А как же я теперь? — невольно вырвалось у Юли. — Скажите... Мне ничего не бу-

дет? Ведь я сама пришла, правда? Я понятия не имею, кто он такой! Мне ничего не будет, товарищ начальник?

— На этот вопрос вы сами себе вернее ответите! — сказал Смирнов, вручая дежурному подписанный им пропуск Юли. — Вы ж себя лучше знаете! Если не совершали ничего противозаконного, чего ж бояться?

Несколько дней ушло у Горелла на борьбу с группой капитана Берестова.

Иногда Гореллу казалось, что он избавился от преследования. Но проходило несколько часов, и он снова улавливал грозные признаки слежки.

Горелл вел дикий, бродячий образ жизни. Он бродил в Подмосковье и в самой Москве, ел на ходу, а когда становилось необходимым поспать несколько часов, нанимал машину на дальние расстояния и спал, уткнувшись лицом в пыльную обивку.

Берестов по несколько раз в сутки докладывал полковнику Смирнову о передвижениях Горелла, и полковник твердил одно и то же.

— Не обольщайтесь, капитан! Вы себя обнаруживаете. Он вас слышит...

— Товарищ полковник, мы все возможное делаем! — обиженно оправдывался Берестов. — Люди с дежурства возвращаются, валяются с ног!

— В тот день, когда вы действительно постараетесь, он побежит в нору! — настаивал Смирнов. — Тоже, небось, несладко мотаться на волчьем положении... Но он все время вас слышит, капитан!

Однажды после неимоверно трудных суток Горелл проснулся днем в песке на лодочной станции с ощущением, что остался один.

Ощущение облегчения было настолько сильным и неожиданным, что он долго не мог собраться с силами, чтоб встать и идти дальше.

Выйдя на шоссе, он остановил такси и поехал на Арбат, в Большой Афанасьевский переулок. В машине у него началась сильная головная боль и ломота в костях. Губы высохли и потрескались.

— Скорее! — сказал Горелл шоферу такси. Он знал, что с ним происходит. Такие вещи случались в последнее время после сильного нервного напряжения. Если он во-время не ляжет в постель, может потерять сознание. — Скорее! — повторил раздраженно Горелл.

Вот она, квартира девятнадцать! Горелл ощупью нашел звонок.

Дверь открыла девушка, подросток, судя по голосу. Горелл уже ничего не видел. Перед глазами вместо девушки двигалось большое радужное пятно.

Голова раскалывалась от боли.

— Я к Аделине Савельевне! — сказал он, нащупывая косяк двери, чтоб не упасть.

— Мамы нет дома! — сказал недружелюбный девичий голос. — И я не знаю, когда она придет.

— Пожалуйста, разрешите мне войти! — попросил Горелл и шагнул через порог. Девушка недовольно молчала.

— Пожалуйста, извините! — сказал, пошатываясь, Горелл. — Я от старого друга Аделины Савельевны. Очень плохо себя чувствую.

Это пройдет через несколько часов, но мне надо прилечь где-нибудь в темноте...

— Кира, я помогу товарищу! — сказал новый голос, на этот раз — юношеский. Чужая рука подхватила Горелла за плечи.

— Кто вы? — быстро спросил Горелл, стараясь освободиться. — Подождите, кто вы такой? — говорил он, отталкивая юношу.

— Я — товарищ Киры, меня зовут Володя! — пояснил юношеский голос. — Идемте, я доведу вас до дивана... Вам плохо?

— Да! — сказал Горелл. — Это со мной бывает. Несколько часов. Боже, как болит голова! Ни в коем случае не вызывайте врача и не раздевайте меня, я вечером должен ехать. Да... скажите Аделине Савельевне, что я от Мещерского... Мещерский посылает привет!

Горящая голова его вдавилась с клеенчатый валик дивана, и больше он ничего не слышал.

Ценителя балета и знатока старинных соборов доктора философии Робертса постигло настоящее человеческое несчастье.

Дочка его Белла на даче за завтраком проглотила кусок стекла.

Стакан, из которого она пила горячее молоко, оказался надтреснутым у края. Незаметно для девочки большой полукруглый кусок проскользнул вместе с молоком в рот и дальше в горло.

Белла вскрикнула, закашлялась и отбросила стакан. С каждым приступом кашля изо рта у нее вытекали ручейки крови. Девочка побледнела, теряла силы. Мать, плача, держала ее на руках. Робертс побежал в гараж за машиной.

К тому времени, когда Беллу привезли в детское отделение больницы имени Склифосовского, осколок стекла глубоко ушел в ткани и горло запухло.

Супруги Робертс провели страшные полтора часа в приемной детского отделения, дожидаясь встречи с хирургом.

Наконец хирург вышел и сказал:

— В общем так! Операция прошла удачно. Стекло извлечено. Сделали переливание крови. Если понадобится, повторим переливание. Есть, конечно, трудности. Кормить ее придется через зонд, ну и все такое... Температура немножко высоковата... Посмотрим, что будет завтра!

— Господин хирург! — судорожно дергая подбородком, сказал Робертс. — Мы с женой благодарим вас от всего нашего сердца... Мы умоляем, ради всего святого умоляем позволить жене ухаживать за Беллой! Ведь ни одни руки не заменят материнские. Умоляем!

Хирург поморщился, подумал и сказал:

— Конечно, это против правил. Девочка большая. Но поскольку вы наши гости, пойдем на уступки. Пусть мать остается, я ее проведу к девочке...

Жена Робертса заплакала. Через минуту хирург увел ее в отделение. Господин Робертс вернулся домой один.

Тотчас же, как только он вошел к себе в квартиру, к нему пришел Биллиджер.

— Крупные новости! — сказал Биллиджер. — Есть неприятные сведения от Горелла!

— Сейчас! — устало вздохнул Робертс. — Я только что отвез Беллу в больницу... Дайте мне прийти в себя!

— Да, да, простите! — торопливо извинился Биллиджер. — Как чувствует себя бедная девочка?

— Не знаю, жена осталась с ней... Вероятно, плохо! Так что, вы говорите, сообщил Горелл?

— Сведения поступили из резервной точки, с Афанасьевского переулка!

— Вы с ума сошли!.. — Робертс побелел и сразу забыл о дочери. — Значит, провал!

— Да, и уже, повидимому, давно! — растерянно улыбнулся Биллиджер. — Не понимаю, сэр, где был ваш знаменитый нюх! Все последние сообщения Горелла оказались подложными... Мы с вами переписывались с работниками госбезопасности!

— Что сообщает Горелл?

Робертс лихорадочно пытался представить себе размеры катастрофы. Стряхнул ли Горелл преследователей, придя на Афанасьевский? А что, если и эта точка уже под наблюдением? Тогда — полный провал! Может быть, даже еще один международный скандал!

— Он просит переслать новый комплект документов на другое имя и новый комплект аппаратуры. Первый пришлось бросить при отходе. Он настаивает на пятнадцатом варианте.

— Ай, ай, ай, ай... — прерывисто вздохнул Робертс и взялся за сердце. — Это никуда не годится, Биллиджер! Нельзя было терять аппаратуру...

— Раз так случилось, значит у Горелла не было другого выхода! — пожал плечами Биллиджер. — И лично я думаю, что пятнадцатый вариант наиболее приемлем в данных условиях!

— Подождите, подождите, Биллиджер! — раздраженно сказал Робертс. — Надо подумать! Надо экстренно связаться с руководством. Самостоятельно решить этот вопрос я не могу...

— Я думаю, что руководство будет весьма недоволено вами! — с удовольствием заметил Биллиджер. — Ведь это ваш провал! Горелл всегда все выполняет наиточнейшим образом. Получается так, будто мы с вами помещали ему работать! Да, да! — повторил Биллиджер, заметив протестующее движение Робертса. — Уверяю вас, у руководства возникнет именно такой взгляд на вещи!

— Да... Там, дома, им все кажется чрезвычайно просто! — злобно сказал Робертс, включая лампу на письменном столе. — Я бы тоже неплохо руководил операциями — оттуда!

— Нет, сэр! Если мы с вами сегодня сообщим о нашем крупном промахе, — с наслаждением произнес Биллиджер, — боюсь, что вам уже никогда не придется руководить!

— Как вы сказали? — грубо перебил Робертс, отводя глаза от собеседника. — Он просит документы, деньги и аппаратуру? Пятнадцатый вариант? Ну, что ж! — с тяжелым вздохом согласился Робертс. — Сейчас я позвоню в больницу, узнаю, как Белла, и начнем готовить операцию. Займитесь документами, Биллиджер! А, по-вашему, точка на Афанасьевском надежна? — заискивающе спросил Робертс, опуская руку на рычаг телефона.

— Я никому не верю! — желчно ответил Биллиджер уже у дверей... — Разве надежна грязь, через которую приходится иногда идти? Она неизбежна в сырую погоду, только и

всего... Передайте мое горячее сочувствие вашей дочери и супруге!

Робертс молча кивнул и принялся набирать номер дежурного врача.

— Как я выяснил, — докладывал Смирнову капитан Берестов, — хозяйка квартиры в Большом Афанасьевском, Аделина Савельевна Прейс, нигде не работает. Муж ее, инженер-строитель, прописан по другому адресу, на Покровке...

— Муж связан с промышленным строительством? — быстро спросил Смирнов.

— Нет. Специалист по дачным коттеджам. Семья Аделины Савельевны состоит из дочери студентки и старухи, домашней работницы, живущей с ними около сорока лет.

— Товарищ Берестов, в вашей группе подобрались хорошие, честные люди! — несколько встревоженным тоном начал Смирнов. — Это я знаю! — продолжал он. — Но все-таки поговорите отдельно с каждым из своих людей. Пусть поймут, какая ответственность сейчас ложится на наши плечи! Наступает самый тяжелый момент операции!

— Мы это понимаем, товарищ полковник! — кивнул Берестов.

— Отдельно с каждым побеседуйте! — настаивал Смирнов. — Ошибиться нам сейчас нельзя!

— Да, это так! — согласился Берестов. — Герасим Николаевич, как Захаров себя чувствует?

— Плохо с Захаровым, капитан! — хмуро сказал Смирнов. — Нож у этого подлеца был

отравлен. Кровь все время переливают, а толку нет. Гаснет.

— А... мальчик не заговорил?

— Нет. Плохо, плохо обстоят дела, Берестов! Если б можно было таких, как Горелл, сразу изолировать, как бешеных собак!

— Чего бы лучше! — вздохнул Берестов.

— А вот возмемся! — со злостью подхватил Смирнов. — Возьмем — тоже не легче, придется копать во всей дряни, которую собрал подлец за долгую жизнь!

— Товарищ полковник, дочка у Прейс пользуется авторитетом в институте... Данные в общем положительные. И паренек к ним ходит, друг ее, комсомолец. С матерью у нее нелады.

— Нет уж, товарищ капитан, давайте будем на себя надеяться! — недовольно прервал Смирнов. — Основное сейчас — гибкость и твердость. Вот сумеете сочетать два таких качества! А все-таки, вы уверены, что он пришел на Афанасьевский именно потому, что вы проявили гибкость?

— Как же, товарищ полковник! — обиженно возразил Берестов. — Что ж, он враг себе?

— Ну, ну! Я понимаю, вам трудно. Но задача выполнимая! Помните, товарищ Берестов, после нападения на Захарова ведь он почти двое суток вас не ощущал! Что ж, вы тогда как-нибудь особенно работали? Нет, злы были на него за товарища! Вот вы теперь, как коммунист, как командир, помогите каждому из своих людей почувствовать, что это за птица Горелл! Ведь одним разумом жить нельзя, капитан! Без пламенного сердца нет чекиста! вспомните Феликса Эдмундовича!

Так Смирнов беседовал с капитаном Берестовым примерно в полдень.

А вечером, в седьмом часу, капитан Берестов позвонил полковнику и голосом, срывающимся от злости и волнения, сообщил, что Горелл арестован.

— Что? — ахнул Смирнов, чуть не выронив трубку. — Каким образом?

— Арестован охраной военного объекта тридцать четыре! — все еще не будучи в силах отдышаться, сообщил Берестов. — Арестован при попытке фотографировать подходы к объекту.

— Что за ерунда? — пробормотал Смирнов. — И вы ничего не сумели сделать?

— Не было возможности, товарищ полковник! — виновато, но в общем твердо признался Берестов. — Они на него, как коршуны, налетели из укрытий! Рабочие собрались, очень возмутились... В общем обстановка для нас сложилась крайне неблагоприятная. Так что ждите, скоро прибудет к вам!

— Досадно! — покачал головой генерал, выслушав доклад полковника. — Может быть, погуляв еще недельки две, он бы нам еще кое-что раскрыл! А так что ж мы выиграли? Одну точку на Большом Афанасьевском? Маловато! Теперь, конечно, ничего не поделаешь, придется начинать открытое следствие. И, главное, Робертса с поличным не поймали! Хоть и есть доказательства, а они — мастера отпираться, их надо за руку! Слушайте, Герасим Николаевич, на кой черт его понесло к объекту тридцать четыре?

— Сам гадаю! — с досадой проворчал

Смирнов. — Вообще говоря, они этой точкой давно интересуются, есть такие данные...

— Значит, что ж получается?.. Отказались от диверсии в лаборатории Пономарева? — соображал вслух генерал. — Решили использовать Горелла на отдельных поручениях?

— Выходит так! — согласился Смирнов, пожимая плечами. — Если, конечно, доверяться ситуации...

— Да вот, понимаете, ситуация у нас с вами какая-то создалась... лохматая, раздерганная! — возразил генерал. — Мне, Герасим Николаевич, не нравится весь ход последних событий. Что-то мы путаем или пропускаем, это несомненно!..

— Возможно и так! — виновато согласился Смирнов. — Ну, что ж, скоро сам герой придет, побеседуем...

Горелла в отдел доставил лично начальник охраны объекта тридцать четыре и с горделивой снисходительностью победителя передал с рук на руки Берестову.

— Поторопились маленько, товарищ майор! — с обидой сказал Берестов. — Спутали нам кое-что!

— Я в эти тонкости ваши не вникаю! — усмехнулся начальник охраны. — Мне сказано, врага к объекту не допускать, и я не допускаю! А ваше дело мудрить, так вы сами и мудрите!

— Это безусловно! — неохотно согласился Берестов. — Это так! Нет, вы, конечно, показали себя на всей высоте! Поздравляю, товарищ майор!

— Сочувствую! — отчетливо произнес майор

и, прощаясь, лихо, по-кавалерийски стукнул каблуками.

— Прибыл! — доложил Берестов полковнику.

— Как держится? — спросил Смирнов.

— Нормально — нахально! — сумрачно ответил Берестов.

— Что обнаружено при обыске?

Берестов разложил на столе перед полковником документы на имя Морозова Игната Леопольдовича и среди них военный билет на имя Клебанова Константина Ивановича. Смирнов перелистал военный билет, отбросил его и принялся рассматривать микрофотоаппаратуру, заключенную в зажигалку.

И вот Смирнов и Горелл впервые встречаются. Они сидят друг против друга. Плечи у Горелла опущены, запавшие глаза полузакрыты. Тонкая коричневая кожица на веках чуть вздрагивает.

— Здравствуйте, Константин Иванович! — говорит Смирнов, разглядывая осунувшееся, похудевшее от скитаний и бессонницы лицо Горелла. У Смирнова накопился порядочный запас фотографий Горелла, и он теперь видит, как солоно пришлось чужаку волчьей породы на советской земле!

— Пора бы вам назвать свое настоящее имя! — предлагает Смирнов.

Горелл молчит.

Около получаса Смирнов пробует растолковать Гореллу, что молчание и запирательство сейчас для него бессмысленно. Но время идет, а Горелл все так же тяжело и обреченно молчит.

Дежурный уводит арестованного.

На столе Смирнова звонит телефон.

— Товарищ полковник! — говорит в трубку дежурный по приемной. — Здесь пришла одна гражданка с заявлением. Насколько я могу судить — ваш вопрос.

— Выпишите ей пропуск и проводите к нам! — говорит Смирнов, все еще мысленно анализируя молчание Горелла. Чем оно вызвано? Ведь ему невыгодно сейчас молчать!

Смирнов отпустил стенографистку и направился к генералу, чтобы доложить о первой, неудачной беседе с Гореллом.

Когда он вернулся, посетительница уже сидела в кресле. Еще с порога Смирнов заметил, что она очень юна, почти подросток. Поза ее до смешного напоминала пациентку в кресле зубного врача — она изо всех сил сжимала ладонями ручки кресла и напряженно и высоко вскинула голову.

Когда Смирнов подошел ближе, его поразило лицо девушки. В нем все было неправильно, все пропорции сдвинулись. Глаза — слишком велики, с косым, миндалевидным разрезом и редкого коричневого оттенка. Таким бы глазам подошел тонкий гордый нос с крупными подвижными ноздрями, но у девушки нос был толстым и откровенно вздернутым. Нижняя часть лица казалась несколько тяжеловатой, но, разглядев девушку внимательнее, Смирнов понял, что это впечатление создает нижняя губа, крупная, полная, словно перерезанная посередине глубокой чертой. Верхняя губа была короче и тоньше. На правой ноздре темнела круглая родинка, и точно такая же виднелась на левой брови, почти у пе-

реносицы. А все в целом было на редкость привлекательно.

Заметив напряженную позу девушки, Смирнов невольно улыбнулся и сказал:

— Долго вы так не просидите! Устраивайтесь удобнее!

Девушка нахмурилась и не пошевелинулась.

— Вот что, — сказал Смирнов, закуривая, — так у нас с вами дело не пойдет, гражданка... — Он взглянул на фамилию, указанную в пропуске, — гражданка Прейс! Мы вас не звали. Вы пришли по доброй воле. Повидимому, вам надо посоветоваться с нами в каком-то трудном вопросе. Так?

Девушка молча наклонила голову. Пальцы ее резко теребили ремень сумочки.

— И позвольте вам заметить, — сказал Смирнов, — что вы напрасно любуетесь своим героизмом. Честность — это норма поведения советского человека!

Девушка взглянула на Смирнова, нижняя, яркая губа ее дрогнула, и неожиданно она слабо улыбнулась. Зубы у нее были крупные и чуть-чуть неправильные, с голубоватым отливом.

— Рад, что вы это понимаете! — улыбнулся в ответ Смирнов. — И стыдно трусить! Да, именно стыдно! Зачем вы допускаете, чтоб вами владел мелкий, обывательский страх?

— Я читала и слышала о преступлениях Берии, — сказала она, нерешительно глядя исподлобья на полковника. — Такие вещи не скоро забываются. Поэтому вы не должны строго судить, если я пришла к вам не с легким сердцем.

— Нет, извините! — сказал Смирнов и раскурил угасшую папиросу. — Я строго сужу. Ведь все это простые вопросы, в которых надо бы вам разобраться! И до Берии находились враги, пытавшиеся пробраться к сердцу страны через аппарат. В Германии до войны это удалось фашистам, так возник Гитлер. А вот у нас — и до и после войны — не выходит! Изо всех сил пробовали всякие негодяи, в том числе и Берия, но не получилось. Вам никогда не приходило в голову почему?

— Раньше нет, сейчас я об этом подумала! — сказала девушка и снова слабо улыбнулась. — Там, где много честных, хороших людей, горсточка мерзавцев не может победить... Да?

— У нас, в органах, люди обыкновенные! — ответил Смирнов. — Такие же, как во всей стране. Только спрашивают с нас больше, вот и вся разница. А теперь давайте говорить о вашем деле. О чем вы хотели посоветоваться?

— Сейчас я вам все расскажу! — сказала девушка облегченно. — Я давно хотела прийти, но меня останавливали все те вещи, о которых вы сказали и о которых я не умела думать...

— Не считали себя обязанной думать! — поправил Смирнов. — Уменья на это много не надо! Так я вас слушаю! Зовут меня Герасим Николаевич!

— А меня — Кира... — сказала девушка, закусив губу, и в глазах ее, только что ясных и спокойных, из глубины взгляда поднялось нечто, насторожившее Смирнова. Так смотрят люди, притерпевшиеся к постоянной и сильной физической боли.

«Герасим Николаевич, вы верите, что можно разлюбить близкого человека за то, что он совершил плохой поступок? Я не верю. Если люди так говорят о себе, они лгут другим. Если человек так думает, он лжет себе.

Я пришла, потому что люблю мою мать.

Может быть, ей еще можно помочь. Ведь преступлений она не совершала. Просто — безвольный, несчастный человек, не сумевший построить свою жизнь.

У моей мамы есть один «пунктик».

Первый ее муж, некий Кирилл Мещерский, был во время нэпа ужасно богатым. Я так и не поняла, чем он занимался, — иногда мама говорит, что он адвокатствовал, иногда называет его инженером. Но она глубоко убеждена, что жила по-настоящему только в тот период, когда была его женой. «А после, — говорит она, — я не жила, а существовала...» Даже меня назвала в его честь Кирой. Дурацкое, кукольное имя, терпеть его не могу.

Вся беда в том, что моя мама была очень красивой. Такой красивой, что смотришь на ее старые фотографии и не веришь, что это изображение обыкновенной женщины. Похоже на картину. А больше, Герасим Николаевич, у нее за душой ничего не было и нет: человек она мелкий, вздорный, несправедливый. Может быть, нехорошо так говорить о матери, но правда есть правда!

У мамы было много мужей. Мой отец самый порядочный. Он командовал артиллерийским полком и погиб в войну под Варшавой. Они разошлись, из-за мамы конечно, когда мне исполнилось три года. Каждый раз, когда папа приезжал в Москву, он заходил к нам,

несколько часов молчал, потом простался с мамой, и я шла его провожать. Вы знаете, он всегда мне показывал в Москве что-нибудь интересное. Однажды повел к своему другу в Ленинскую библиотеку, в отдел рукописей. Папа уехал, а я до сих пор все хожу к его другу, только уже домой. Он старейший реставратор рукописей, вот я к нему приду, он меня посадит в уголке, даст лупу, какую-нибудь книжку необыкновенную, и я часами рассматриваю рисованные буквы, заставки, иллюстрации, сделанные много сотен лет тому назад человеческими руками, а он мне рассказывает об этих людях так, словно жил с ними. А еще один раз папа повел меня к преподавательнице консерватории, и у нее тоже я бываю до сих пор, хотя у меня нет способностей к музыке. Просто прихожу и слушаю, как она играет. У нее в квартире много цветов, мало мебели и всегда люди. У меня там на подоконнике есть мое место, и она ничего туда не ставит, а я прихожу, забираюсь в амбразуру с ногами, слушаю, смотрю на Москву, и так не хочется потом идти домой!.. Ездили мы с папой на завод «Машиностроитель» к мастеру, у которого он когда-то работал слесарем, и они однажды летом взяли меня с собой в деревню до самой осени. Ездили еще к разным папиным сослуживцам, и всюду с ним было интересно и хорошо. Перед тем как со мной проститься, папа вел меня в магазин, чтобы я выбрала себе подарок. И с ним я всегда выбирала что-нибудь очень красивое. Я рада, что папа разошелся с мамой, вторая его жена хорошая женщина, а мама бы его задержала. С ней никто не может ужиться,

вот только я да последний муж, и то потому, что не живет с ней в одной квартире...

И мне и маминым мужьям жизнь испортил Кирилл Мещерский.

Как это происходило? А вот как.

Если мама получала деньги, пересчитав, она всегда повторяла, что это жалкие копейки, а вот деньги ей приносил только Кирилл. Тысячи! Если она покупала пальто, то обязательно произносила при этом, что Мещерский сорвал бы с нее эту жалкую тряпку. При Мещерском она носила только драгоценные меха! При Мещерском у нее была дача в Ялте, бриллиантовые серьги, машина — и так без конца, по каждому поводу нам, то есть мне и маминым мужьям, в укор упоминался Мещерский.

Как мы все это терпели? Знаете, не обращали внимания. Шутили, огрызались. Мы считали это маминой странностью. Бывают же люди с причудой? И, конечно, все мы убеждены были, что мама больше сочиняет о Мещерском. Так, для куражу, для хвастовства!

По-моему, он был порядочной дрянью. Уверял маму, что жить без нее не может, а в двадцать шестом году уехал за границу будто бы в командировку и не вернулся. Отвратительный тип!

К сожалению, он маме писал время от времени. А она носилась с каждым письмом его по полгода — до нового! Иногда с оказией он присылал тряпье, над которым мама тоже чуть ли не плакала от восторга.

Беда была в том, что с годами у мамы культ Мещерского не угасал, а, наоборот, разго-

рался. Она стала утверждать, что скоро они соединятся. Он осуществляет какой-то сложный план, в результате которого они будут вместе. Так он писал. Правда, как это случится, — мама ли поедет к нему, он ли вернется в Советский Союз, — говорилось туманно. Но соединятся уже до конца жизни. От мамы он просил одного — верить ему и ждать!

Она от таких писем голову теряла! А тут еще раз в полтора-два года появлялись от него люди с приветами, письмами и посылками. Все это были наши, по их словам, советские люди и с Мещерским встречались, будучи в командировке за границей.

Если бы вы знали, Герасим Николаевич, какие это отвратительные люди! Шутят, а глаза холодные, недобрые, подлизываются к маме, а не уважают ее, я же это все вижу! Появятся, зайдут несколько раз и исчезнут.

А мама как будто слепая! Она ничего не видит, не слышит! Достаточно появиться на пороге какому-нибудь проходимцу и сказать, что он от Мещерского, как мама тает и готова на коленях стоять перед ним!

Но даже не это самое тяжелое! Дома у нас стало страшно, как будто кто-то смертельно болен и все ждут его смерти...

Я бы давно ушла, но мне жалко маму, Герасим Николаевич! Она очень изменилась, дергается вся, не спит по ночам, все время принимает аспирин! В последнее время мы живем, как на железнодорожной станции. Мама перестала заниматься хозяйством. Мы не ремонтируем квартиру, мы питаемся всухомятку, мы живем так, как будто все, что с нами про-

исходит, — это начерно, а вот скоро начнется совсем другая, новая, настоящая жизнь. Какая? Чего мама ждет? Я пробовала с ней поговорить, она не слушает, она кричит мне, что я ограниченное тупое существо и не способна ее понять. В тот день, когда я получила аттестат зрелости, она уехала в Гагры и даже не поздравила меня! Несколько месяцев она не знала, что я поступила в медицинский институт, а когда узнала, пожалала плечами и сказала, что это похоже на меня — выбрать такую неинтересную профессию...

Все последнее время она была очень мрачна, почти не разговаривала со мной, из-за каждого пустяка ссорилась. И вот свершилось «великое» событие! На прошлой неделе явился новый посланец от Мещерского! И мама ожила!

Он пришел к нам и заболел чем-то похожим на малярию. Сутки пролежал без сознания. Следующую ночь они до рассвета проговорили. А после он ушел, и больше я его не видела. Но мама стала другим человеком. Она энергична, весела, она все время шутит и даже ласкает меня, чего не случалось уже много лет, Герасим Николаевич!

Я попробовала поговорить с ней серьезно. Просила, чтоб она сказала мне правду. Чего она ждет от Мещерского? Кто эти люди? Почему они приходят в наш дом, как хозяева, и обращаются с нами, как со слугами? О чем она говорила ночью с этим последним?

И вот что мне ответила мама: «Кира, — сказала она, — я поняла, что тебе лучше жить отдельно. Ты не принимаешь к сердцу мои интересы, мне чужды твои. Ты взрослый чело-

век, а в природе есть закон, по которому молодые уходят от родителей... Уходи от меня на любых условиях. Квартиру мы разделим или я выплачу деньгами... Я отдам тебе мои золотые часы и котиковую шубу...»

— Мама! — сказала я. — О чем ты говоришь? По законам природы живут звери. Мы люди. Для нас обязательны законы общества! Как я могу тебя оставить? Ты несчастный, больной человек! Я никуда от тебя не уйду!

Но она швырнула в меня пепельницей и заперлась в своей комнате.

И вот я пришла к вам за советом. Что мне делать? Что с нами происходит? Иногда у меня появляется догадка, от которой становится так страшно, что дыханье останавливается! Помогите мне разобраться в нашей жизни! Кто такой Мещерский? В чем его власть над мамой? О какой «новой» жизни она твердит? Помогите нам, Герасим Николаевич! Я знаю только одно — так жить, как мы живем, нельзя... Дайте мне, пожалуйста, папиросу, я иногда курю, когда никто не видит, а вас мне не стыдно... Спасибо! Нет, я зажгу спичку сама... Я люблю огонь. Все, Герасим Николаевич... Больше мне нечего рассказать!»

Лицо Киры ежесекундно менялось, как смуглорозовая поверхность раковины, по которой скользят тени.

— Значит, вы пришли к нам, потому что вам трудно живется дома?

— Да, я хотела...

— Вы хотели, чтобы я за вас понял, что у вас дома хорошо, что плохо?

Кира молчала, с тревогой и удивлением наблюдая за полковником.

— Вы хотели, — продолжал Смирнов доброжелательно, — чтобы мы навели порядок у вас в доме? Но мы, Кира, организация, разоблачающая преступников! Мы не вмешиваемся в личную жизнь людей, да и никто не имеет права это делать, если нет к тому серьезных данных.

— Я хотела...

— Вы, Кира, хотели, чтобы я сказал вам, хорошо или плохо поступает ваша мама? А вот сами вы как об этом думаете?

— Я не знаю, все это очень серьезные вопросы... — торопливо сказала Кира. Она снова закусил губу, в глазах ее вспыхнули огоньки обиды. — Я пришла к вам с открытой душой... — медленно сказала она и бросила недокуренную папиросу в пепельницу. — Вы как будто осуждаете меня!

— Кира, сколько вам лет?

— Двадцать два! С половиной. Нет уж, вы, пожалуйста, не делайте мне выговор. Я не для этого пришла! — твердо сказала она, тряхнув головой.

— Ну что вы, разве я смею! — улыбнулся полковник. — Я просто вот о чем хотел спросить. До каких пор вас воспитывать? Нет, правда? Ну, положим, маме вашей было некогда. В школе воспитывали? В комсомоле тоже? В институте опять воспитывают? Не пора ли начать себя выражать самостоятельно?

— Человек выражает себя в труде! Вот, когда я...

— В поступках выражает себя человек! Труд тоже поступок!

— Мне подозрительны люди, приходящие от Мещерского! — твердо сказала Кира.

— Почему вы терпели их до сих пор?

— Я живу у мамы... — слабо возразила Кира.

— Вот уже четыре года с половиной вы совершеннолетний человек! В чем оно выразилось, ваше совершеннолетие? Вы одна ездите в метро? Ходите в дождик без галош. Ну, вот видите, ей целых двадцать два с половиной года, а она плачет!

— По-вашему, я и трусиха, и безвольная, и...

— Это не по-моему. Это на самом деле. Ведь и к нам вы пришли не по своей инициативе, правда? Солгать вы, по-моему, не сможете!

— Правда... — всхлипнула Кира, вытирая глаза перчаткой. — Дайте мне еще одну папиросу.

— Обойдетесь и без папиросы! Кто вам посоветовал прийти к нам?

— Володя! То есть Олешин. Один студент наш. Нет, вы действительно считаете, что я никуда не гожусь?!

— Да нет, я вам такой глупости не говорил. И Володя, небось, где-нибудь поблизости дожидается?

— В скверике... А откуда вы знаете? — слезы у Киры мгновенно высохли, и она улыбнулась, с любопытством глядя на Смирнова.

— Старый я, Кира. Сейчас вас проводят к подъезду! — Смирнов подписал пропуск Киры и нажал кнопку звонка. — Ну, желаю счастья! — сказал он Кире.

— А... — Кира поднялась со стула. — Вы мне ничего не скажете? Ничего не посоветуете?

Смирнов встал. Вошел дежурный.

— Иван Иванович, проводите гражданку Прейс! — приказал Смирнов дежурному. Потом обернулся к Кире и, сочувственно улыбаясь, сказал:

— Сами, сами решите. Пора! Голова на плечах есть. Сердце имеется! Володя тоже близко, это для вас важный фактор. Он вам, повидимому, правильно советует. А вы все-таки попробуйте своим умом жить! До свиданья...

— А я... могу когда-нибудь еще раз к вам прийти? — спросила Кира погрузнев.

— Занят я очень, Кира! — просто сказал Смирнов, шагнув к дверям. — Если только уж что-нибудь важное...

Дежурный нетерпеливо кашлянул.

Кира что-то хотела сказать, но передумала.

— Ладно. Сама! — сказала она и, вздохнув и махнув перчаткой, вышла в коридор.

— Иван Иванович! — задержал Смирнов дежурного. — Пришлите ко мне сейчас же Александра Даниловича.

— До свиданья, Герасим Николаевич! — негромко сказала в коридоре Кира, но Смирнов рассеянно кивнул ей. Он уже не видел ее и не слышал... Его на мгновенье оглушила и ослепила внезапно пришедшая догадка.

Когда Берестов торопливо вошел в кабинет, Смирнов стоял у окна, опершись обеими руками о раму. Он обернулся навстречу вошедшему, и Берестов увидел, что у Смирнова блестят глаза, он был одновременно раздражен и обрадован чем-то.

— Только что была у меня дочка Аделины Прейс, — сказал он, возвращаясь к столу. —

Девушка неплохая, но еще очень сырой человек. Рассказала она вещи интересные, капитан! Точка-то у Прейс давняя! Да, да... Мы ее не раз ощущали в действии по ряду вопросов. Прохлопали, Александр Данилович! Но ничего, зато, по-моему, у нас закроется ряд нерешенных вопросов! Как ведет себя Горелл? — неожиданно и отрывисто спросил полковник.

— Спит. Ест. Молчит. Совершенно спокоен, даже обидно, товарищ полковник! — отвечал Берестов, с интересом наблюдая за лицом Смирнова.

— Позвоните сейчас же в прокуратуру и сообщите, что они могут сегодня предъявить Гореллу обвинение в убийстве Окунева и в зверском нападении на малыша Юру Столбцова и капитана Захарова. Дальше. Посмотрите, нет ли у вас сведений в архиве о некоем Мещерском Кирилле. Период нэпа и позднее.

Когда Берестов ушел, полковник снял трубку, набрал номер телефона генерала и, соединившись, сказал:

— Разрешите зайти к вам, товарищ генерал! Возникло одно соображение исключительной важности! Есть! Через несколько минут я буду у вас.

Прокурор предъявлял Гореллу обвинение в убийстве.

За маленьким столиком, составляющим как бы продолжение письменного стола Смирнова, сидела стенографистка, вертела в руках карандаш и мысленно прикидывала, удастся

ли ей сдать сегодня в институте зачет по немецкому языку.

Но вдруг она почувствовала, что людей, находившихся в кабинете, охватило напряжение. Стенографистка подняла голову и взглянула на присутствующих. Прокурор читал материал следствия. Смирнов сидел, низко пригнув голову к заметкам, которые он набросал только что на листе бумаги. Генерал, в штатском, сидел тихий и незаметный на стуле у книжного шкафа. Берестов внимательно изучал старинный дубовый футляр часов. Горелл сидел в кресле, как всегда сонно опустив плечи, и полужакрытые, дремлющие глаза его ничего не видели. Он попрежнему молчал.

— Профессор токсиколог Федоровский Сергей Яковлевич, исследовав препараты, взятые у покойного Окунева и тяжело раненного капитана Захарова, установил, что холодное оружие в обоих случаях было отравлено ядом, поражающим нервные центры, в первую очередь сердечно-сосудистую систему.

Стенографистка взглянула на обвиняемого. Веки его открылись, взгляд стал осмысленным и тревожным. Он шевельнул губами и дернул кадыком, как бы проглотив что-то. Оглянулся на Смирнова и снова перевел глаза на прокурора. Тот дочитывал последние абзацы обвинения. Стенографистка вдруг заметила, что на лице заключенного отчетливо проступили синеватые пятна, а кожа между ними приняла мертвый белый оттенок. Губы его потемнели, дыхание стало прерывистым.

Стенографистка оглянулась на Смирнова и отчетливо увидела, как учащенно бьется у него жилка на виске. Генерал прикрыл лицо

ладонью, как козырьком. Она встретила взглядом с Берестовым, и тот быстро отвел глаза.

— Почему они так волнуются? — удивилась стенографистка.

— Что происходит?

Прокурор умолк, дочитав последнюю строчку.

У стенографистки внезапно застучало сердце, таким гнетущим стало напряжение. Она снова взглянула на заключенного. Нижняя губа у него отвалилась, обнажив желтые от никотина зубы.

Он привстал и снова тяжело опустился на стул.

Все молчали. Никто не двигался.

— Это ошибка! — сказал заключенный и встал, не выпрямляясь, держась за ручки кресла. — Я никого не убивал и не ранил. — Он схватился руками за горло. — Меня никто об этом не предупреждал! — почти выкрикнул он. — Это подлость! По вашим законам убийство карается смертью! Я знаю законы! Я не соглашался на смерть!

— Интересно! — резко сказал генерал, не отнимая ладони от глаз. — Джентльмен весьма посредственно владеет языком! Слышите, товарищи, какой грубый акцент? Как же он разгуливал у нас?

Заключенный не слышал генерала. Им владела одна идея — обиды. Жестокой, предательской обиды, которую ему кто-то нанес из-за угла. Он метался и кричал, он рыдал и рвал на себе одежду. Смирнов вызвал врача, заключенному дали валерианки с бромом.

Через несколько часов, когда заключенный пришел в себя, все снова собрались в кабинете Смирнова.

— Значит вы утверждаете, что не виновны в убийстве? — спросил прокурор.

— Мне все равно никто не поверит! — апатично сказал заключенный. — Меня расстреляют, и этим дело кончится. Конечно, я не убивал! Я всего только дубль Большого Юлиуса!

Берестов не выдержал и свистнул. Генерал опустил руку и, слегка улыбнувшись, кивнул Смирнову.

— Я — двойник! — повторил заключенный. — Они предали меня, и я не собираюсь молчать! Я только помогаю Большому Юлиусу, когда ему надо выиграть время или скрыться, он подставляет меня под удар, а сам продолжает выполнять задание.

— Большой Юлиус... — пробормотал Смирнов. — Ну, этого-то мы знаем! А имя Стефен Горелл вам известно? — обратился он к заключенному.

— Нет! — поспешно откликнулся тот. — Но у Юлиуса много имен. Он берет новое имя почти для каждого дела. Постоянный номер и кличка рано или поздно расшифровываются. Для того, чтобы расшифровать Юлиуса, надо сопоставить много имен.

— В чем выражалась ваша задача теперь, у нас? — спросил генерал.

— Сегодня я вам все скажу!.. — торопливо ответил заключенный и, привстав, обернулся в сторону генерала, инстинктивно чувствуя, что с ним говорит старший по званию и положению из всех присутствующих в комнате. — Я теперь все скажу! — с оттенком угрозы по-

вторил он. — Я прибыл в Россию несколько дней тому назад, в ящике для книг, в дипломатическом багаже. Шеф, господин Робертс, дал мне документы на имя Морозова и среди них военный документ, как бы случайно забытый мною среди новых документов, на имя Клеб... Клебанова. Очень трудная фамилия. У меня кончились сигареты, разрешите закурить вашу... Благодарю вас. Вот так, теперь хорошо. Вы мне не поверите, но я счастлив, что наконец-то могу отплатить этим мерзавцам сполна и рассказать вам все, все, все... С этими документами я должен был явиться в квартиру на Большой Афанасьевский, побыть там несколько часов и уже оттуда направиться к военному объекту и там произвести съемку неосторожно, чтобы меня арестовали... Робертс сам высадил меня из машины, катаясь с женой за городом, и я отправился выполнять задание...

— Вам было приказано молчать на допросах? — спросил Смирнов.

— Естественно! — подхватил заключенный. — Молчать и тянуть время. Чтобы вы думали, что он у вас в руках, и не мешали ему закончить дело...

— А сущность задания Большого Юлиуса вам известна?

— Что вы! Нет, нет!.. — с искренним испугом вырвалось у заключенного. — Что вы! Зачем мне знать? Я сейчас поясню, как я с ним работаю. Это очень просто! Вот, например, недавно близ Парижа. Одна вилла одного ученого. Юлиус — его гость. Ученый работает в кабинете. Юлиус в саду перед окнами кабинета, в шезлонге читает. Я в кустах жду сиг-

нала. Наступает удобная минута, мы меняемся местами. Я читаю перед окнами ученого, Юлиус фотографирует в лаборатории. А ученый видит — Юлиус сидит на солнышке и читает... Много разных комбинаций бывало. Я все скажу. Ведь это подлость подвергнуть меня опасности быть казненным за убийство. И после того, как они мучили меня столько лет...

Заключенный снова принялся судорожно всхлипывать. Смирнов подал ему воды и выждал, пока тот успокоится.

— Француз? — спросил генерал.

— Да, мосье! Филипп Дестен — это мое настоящее имя...

— Как вы попали к Юлиусу? — прервал генерал восклицания заключенного.

— Несчастье всегда обрушивается на голову неожиданно! — сдавленно сказал Дестен. — Я — парикмахер, мосье. В сорок пятом году я был у матери в Бретани. Я путешествовал на велосипеде — это дешево и приятно. По дороге домой, в Париж, меня заметил Большой Юлиус. Я ночевал в пансионе для туристов, в местечке Боширо. Ночью меня разбудил яркий свет, я открыл глаза и увидел над собой полицейских. Они надели на меня наручники. Меня арестовали за убийство. Я чуть не сошел с ума, когда на следующий день меня подвели к трупу: я никогда не видел этого человека! Через несколько дней Юлиус вошел в камеру и сказал, что сходство с ним может спасти меня от казни. Вот так я поступил в его распоряжение. Два раза пробовал бежать, и каждый раз Юлиус избивал меня за это. Я не решился бежать в третий раз. Ну вот и все,

что же еще? Я не вернулся в Париж, к семье. Жене сказали, что я погиб при автомобильной катастрофе на шоссе. Я не знаю, что с семьей. Они обещали не трогать Катерину и маленькую Катрин, но разве им можно верить? Это псы!

— Ну, в общем на сегодня все ясно! — сказал генерал Смирнову поднимаясь. — Господин Дестен может заняться составлением своего подробного жизнеописания, а у нас с вами есть более срочные дела. Прошу зайти ко мне, полковник. И вас прошу, капитан! — добавил генерал Берестову.

— Так где же Горелл, уважаемые товарищи? — спросил генерал Смирнова и Берестова, когда они остались одни в кабинете генерала. — Ваша догадка, Герасим Николаевич, оказалась правильной. На объекте тридцать четыре был взят двойник. Но от того, что ваша догадка подтвердилась, нам стало не легче, а труднее. Значит, Горелл опять ушел из рук! Как же это случилось, капитан Берестов?

— Голову с меня надо снять, товарищ генерал! — с отчаянием сказал Берестов. — Я виноват. Только сейчас понимаю, как виноват! Дело было так. Мы значит, проводили Горелла до Афанасьевского и стали держать наблюдение. Дальше. В тот самый день, когда Дестен отправился на объект тридцать четвертый, товарищ из нашей группы, Рябушенко, докладывает по телефону: «Подшефный вернулся на точку». Я ему говорю: «То есть как это «вернулся»? Он же не выходил!» Рябушенко отвечает: «Да, не выходил, товарищ капитан!» — «Чего ж ты. — говорю, —

рапортуешь, что вернулся?» Рябушенко молчит. Я пришел на место, мы с ним встретились. Ну, я...

— Насели на Рябушенко? — спросил генерал.

— Было! Я ему твержу: «Значит, ты пропустил, как он вышел! И не ты один, а и другие пропустили!» Правда, там условия наблюдения очень сложные, и Горелл мог сорваться с любого места. Вызываю других. Никто не видел, как Горелл выходил из квартиры.

— Ну, вы, конечно, разбушевались... — подсказал генерал.

— Да нет, что ж бушевать! Я все хотел выяснить, кто же из моих людей скрывает свою ошибку! Это ведь последнее дело, товарищ генерал-майор!

— Он не бушевал, он их уговорил! — хмуро буркнул Смирнов.

— Точно, товарищ полковник! — виновато согласился Берестов. — Теперь я понимаю, что уговорил их признаться в несуществующей ошибке. Ну, они люди дисциплинированные, делу добра хотят, вот и поверили мне!

— Значит, когда Дестен вышел с Афанасьевского, вся группа последовала за ним...

— Да! — мрачно кивнул Берестов. — А когда его на тридцать четвертом объекте с таким восторгом сцапали, ваши направились огорчаться в отдел. А Горелл, значит, в это время обыграл наблюдателя, оставшегося дежурить на Афанасьевском. С одним человеком-то он управился... И ушел! Моя вина, товарищ генерал!

Генерал встал с кресла и некоторое время молча шагал по комнате, стараясь ступать

так, чтоб носки ботинок попадали в квадратики рисунка ковра.

— А, по-моему, так! — сказал он, останавливаясь, раздраженно. — Страх ошибок гораздо опаснее самой ошибки! Слышите, товарищи? Боясь ошибиться, человек перестает быть активным. Он трясется за свой авторитет и в конце концов, стараясь изо всех сил, любыми средствами спасти подмоченную репутацию, теряет лучшие свои качества. Кстати говоря, один из таких способов «спасаться» — это быстрое и безоговорочное признание своей вины. Мол, чем быстрее и полнее признаюсь, чем крепче себя раскритикую, тем меньше спросят! А вот если бы Рябушенко настаивал на своем, твердил, что, мол, «не выходил — и точка», — мы бы задумались и в конце концов смекнули бы, в чем дело. Нет, ну право же! — горячо продолжал он, снова принимаясь шагать по квадратикам ковра. — Что мы, не люди? Люди! С живым человеком всякое может случиться. Но если есть среди нас полная правдивость, если люди преданны, ошибка не страшна. Вот давайте подумаем, как теперь из положения выходить. Горелла надо сегодня же найти, это — приказ! Слышите, капитан Берестов? Боевой приказ!

Миша Соловьев пришел навестить Захарова.

В маленькой палате свет был белый и неподвижный. Захаров полусидел в подушках, и Миша не сразу узнал его: капитан весь как-то ссохся и потемнел. Миша поздоровался и сел на стул, поджав под сиденье ноги и подбирая полы твердого, неприятно пахнущего халата.

— Ну, чего скучился? — осторожно раздвинул губы в улыбку Захаров. — Думаешь, я уж теперь навсегда сморщился? Нет, я таким буду лет в шестьдесят. Вот поправлюсь, опять помолодею... Как поживаешь, Мишук?

Миша через силу улыбнулся.

— Ничего, очень хорошо, спасибо, товарищ капитан! — сказал он, отводя глаза от взгляда Захарова. — Нормально!

— Зачем врешь? — Захаров помолчал, набираясь сил. — Опять за бумажки полковник посадил?

— Да! — горестно кивнул Миша. — Я рапорт хочу подавать, чтоб послали обратно в часть.

— Что же так? — усталый и далекий взгляд Захарова заглянул Мише в глаза.

— Не выходит у меня, товарищ капитан! — покорно ответил Миша. — Стыдно. Вроде я хуже всех. Даже к делу теперь не подпускают. Так, по мелочам, кое-что помогаю... А я... — Миша убито замолчал.

— А ты подвиг хочешь совершить? — тепло улыбнулся Захаров.

Миша молча вздохнул. Уши его побагровели.

— Подвиг, «Малыш», это не только поступок. Подвиг — это еще характер! — медленно, экономя силы и дыханье, сказал Захаров. — Я другое сейчас подумал, — продолжал он... — Может, призвания у тебя нет к нашей работе? Ведь ты знаешь, одно дело — профессия, а другое — призвание! Врачом, например, быть — нужно призвание! Педагогом — тоже. Бывает, человек с отличием институт закончит,

а работать в своей области как следует не может. И ему нехорошо, и людям с ним трудно!

Захаров умолк. Веки его упали, дыханье стало чуть слышным. Прошло несколько минут, Миша пригнулся, всмотрелся в его лицо и понял, что капитан спит. Но когда Миша скрипнул стулом, приподнимаясь, капитан открыл глаза.

— Нет, нет, я здесь, — сказал он Мише. — Это со мной теперь бывает. Ни с того ни с сего будто выключатель во мне кто-то повернет... Когда окрепну... О чем мы с тобой? Нет, я должен сам вспомнить. Да, о призвании. Я, видишь ли, когда-то был учителем. Для меня лучшей работы нет. Но не в том дело. Началась война, я пошел в ополчение. Оттуда — в армию. Служил в пехоте, разведчиком. По партийной мобилизации послали работать в органы. Отказываться я не мог, я ж коммунист, понимал — люди нужны на трудном участке. И вот до сих пор. Но я, Мишук, всегда партийную работу любил. Еще с комсомольских лет привык все с людьми, все интересно было, отчего человеку трудно да как помочь? И вот, когда я попал в органы, понял — разницы нет. Здесь, «Малыш», та же партийная работа, только условия труднее. Только всегда наступление! А ты — еще молодой! Тебе люди неинтересны, ты еще сам с собой не разобрался! Пофорсить хочется, ты еще все о себе!..

— Не надо, товарищ капитан, вам трудно говорить!

— Да ну, трудно!.. — раздраженно сморщился Захаров. — Доктор говорит — поправлюсь!

Он снова закрыл глаза и некоторое время лежал молча. Миша сидел с ним, скорчившись на маленьком, неудобном стуле, и испуганно слушал белую тишину.

— О чем я? — громко сказал Захаров. — Нет, сам... Доктор говорит, это пройдет. Да. Ты хочешь уходить. Ну, что ж, Михаил. Здесь без призвания служить нельзя. Но я думаю, ты еще сам себя не знаешь. Я к тебе пригляделся. Еще немного, и захочется тебе все силы отдать на то, чтоб люди жили спокойно... Я советую — подожди...

— Вот вы вернетесь в отдел, тогда я решу!

— Я, «Малыш», уже в отдел не вернусь! — односторонне сказал Захаров и отвернулся к стене. — Здоровье не позволит...

— Поправитесь, товарищ капитан! Рана заживет! — торопливо подхватил Миша

— Рана — что! Конечно, заживет! С ядом боролся, сердце сорвал... Ну да что об этом сейчас толковать. Расскажи, как живешь? Интересное что-нибудь расскажи!

— Интересное... — Миша вдруг заулыбался вспомнив. — А как же, есть, товарищ капитан! Еще к вам шел, думал, обязательно расскажу. Я тут с Кубиковым знакомство свел. С Игорем Александровичем. С экспертом.

— Да ну? — Захаров оживился, приподнялся в подушках и взял со столика пустую трубку.

— Ездил к нему материалы оформлять, ну, он обедать меня оставил. В воскресенье на глассере катались. Да, вот видите, какой у меня в отделе авторитет. Для всех горячка, а я с Кубиковым... — обиженно вздохнул Миша.

— Ну ладно, я кое-что объясню, — усмехнулся Захаров, посасывая пустую трубку — Использовать тебя в деле Горелла больше нельзя. Ты сам виноват, ты ему показался.

— Когда? — побелел Миша, мгновенно забыв о Кубикове.

— Давно. Еще в самый первый раз, когда ты Окунева поддерживал наблюдением... Горелл сзади шел на другой машине. На той, что светофор за вами проскочила, помнишь?

— Дурак я, товарищ капитан... Ой, шляпа!

— Так об этом и речь! погоди, я объясню, с какой стороны шляпа. У Никитских ворот он приказал шоферу обогнать вас, специально для того, чтоб на тебя посмотреть. А ты сидел открыто, будто на именины едешь... Ну вот теперь и суди, как тебя использовать, если с самого начала расшифровался? На кого тебе обижаться? Молчишь? Ну вот, то-то и оно. А ты рапорт собрался подавать.

— Дурак я! — с горечью повторил Миша.

— Дураков у нас не держат. Незрелый ты еще, Михаил! И уж очень носишься со своей персоной. Небось, тогда на заданье выскочил, любовался собой! Мол, вот он, молодой талантливый контрразведчик Михаил Соловьев, бесстрашно преследует врага... Ты, «Малыш», проще! Больше думай о людях, для которых работаешь! Ну, так что ж Кубиков?

— Ничего особенного, товарищ капитан! — вяло ответил Михаил, оглушенный тем, что узнал от капитана. Но сейчас же другая мысль вытеснила огорченье. Он с новым, тяжелым чувством взгляделся в лицо капитана.

— А как же вы теперь будете, товарищ

капитан, если не вернетесь в отдел? — несмело, с сочувствием спросил он.

— Обыкновенно! — снова отвернулся Захаров. — Опять пойду в школу! Я историю преподавал. Вот немного окрепну, поступлю на курсы повышения квалификации учителей. Класс дадут, Мишук! Тридцать пять ребячьих душ — это, знаешь, богатое хозяйство!.. Я сейчас...

Голос Захарова утих, точно погас.. Он снова задремал. Миша подождал, но дремота у Захарова перешла в глубокий, тихий сон. Тогда Миша написал капитану записку, в которой прощался с ним и говорил все то, что говорится тяжело больным, и на цыпочках, неслышно, ушел.

Кира решила поговорить с матерью решительно и начистоту. Это было одно из тех тяжелых, бесформенных объяснений, в которых люди плохо понимают, чего они хотят друг от друга, и изливают раздражение, скопившееся за много лет.

Часам к трем ночи объяснение достигло предела напряжения.

Аделина Савельевна стояла посреди комнаты, и ее огромные черные зрачки глядели слепо, не видя окружающего.

Кира сидела за столом, подперев голову руками, и громко, по-детски, плакала.

— Чего ты от меня хочешь? — с угрозой сказала Аделина Савельевна.

— Я хочу чтобы мы были порядочными! — сказала с отчаянием Кира — Понимаешь? Чтобы ты хоть что-нибудь любила, хоть чему-

то радовалась! Жить, как все, спать спокойно! Я ненавижу твоего Мещерского, потому что он до сих пор мешает нам жить. Не отвечай ему на письма. Пусть не приходят больше от него, не жди от них ничего...

— Хорошо! — вдруг покорно согласилась Аделина Савельевна и присела за стол рядом с Кирой. — Я согласна. Только давай сейчас ляжем спать!

Она говорила удивительно спокойно и доброжелательно. Кира слишком устала, чтобы вдуматься в искренность Аделины Савельевны; они помирились и легли спать.

Рано утром Аделину Савельевну арестовали.

Прощаясь, Кира обняла мать, встряхнула ее за плечи и сказала почти спокойно:

— Мамочка, это ошибка. Или временная необходимость. Ты нелепый, но честный человек, слышишь, мама? Ты не должна бояться, тебе нечего бояться! Мы скоро увидимся!

Аделина Савельевна поморщилась и нетерпеливо оттолкнула Киру.

— Глупости все это! — сказала она, идя к дверям. — Какое значение имеет то, что ты болтаешь?

Господин Робертс собирался ехать в больницу навещать Беллу. Он ездил туда каждый день и всегда привозил в чемодане множество стаканов и банок с протертой пищей и соками, которые вводили девочке через зонд.

Обычно Робертса в больницу провожала Мадж, это она готовила для Беллы еду по рецептам хирурга. И на этот раз она принесла

в квартиру Робертса баночку бульона с протертым куриным мясом и бутылку миндального молока.

У Робертса сидел Биллиджер. Мадж поправила сборки на белом кисейном фартучке, который она всегда надевала, готовя пищу для Беллы, и целомудренно улыбнулась Биллиджеру.

— Благодарю вас, Мадж! — раздраженно сказал Робертс. — Поставьте все это на стол.

— Не стоит благодарности! — Мадж, розовея, опять улыбнулась Биллиджеру. — Я обожаю вашу бедную девочку!

— Хорошо, хорошо, — перебил Робертс. — Идите, Мадж, мы заняты!

Обиженно улыбаясь, Мадж вышла и плотно прикрыла за собой дверь.

— Хоть какая-то польза будет от всей этой дурацкой стряпни! — сказал Робертс, осматривая бутылку с миндальным молоком. — Я возражал — они чудесно готовят там, в больнице, и можно было не тратиться! Но жена настояла! Давайте чемодан, Биллиджер! Ваша идея встретиться в больнице превосходна. Им никогда не придет в голову...

Биллиджер встал, подошел к книжному шкафу, открыл нижний ящик и достал оттуда кожаный чемодан, чуть побольше тех, которые хранились в квартире Юлии.

Робертс принес из передней другой чемодан, с которым он ежедневно ездил в больницу.

— Хорошо! — сказал Робертс, сравнивая чемоданы. — Правда, мой чуть темнее и более изношен, но это не бросается в глаза!

Он отбросил в сторону свой чемодан и осторожно раскрыл другой.

— Вообще говоря, не по правилам! — буркнул он, перекладывая пачки денег и документов. — Прибор и взрывчатка вместе. Но возиться на этот раз некогда!

— Не стоит огорчаться! — сказал Биллиджер, допуская в интонации разумную дозу наглости. — С некоторых пор в нашей операции многое делается не по правилам. Например, нам с вами нельзя переносить взрывчатку, нельзя встречаться с Большим Юлиусом...

— А как иначе передать взрывчатку и документы? Дестен долго молчать не будет! — с беспокойством перебил Робертс. — У меня на его счет нет иллюзий. Хорошо, если он выболтает только то, что можно! Нет, операцию надо закончить в ближайшие два дня!

Биллиджер молчал.

Робертс уже не скрывал своего беспокойства. Он смотрел на Биллиджера и старался угадать, отправил ли тот письмо руководству с изложением всех промахов и недостатков его, Робертса, или только еще собирается?

— В конце концов это ваша обязанность — находить новые точки и новых связных! — решил дать по врагу залп Робертс. — Где они, ваши новые московские связи? Вас освободили почти от всех обязанностей! Вы целые дни болтаетесь по городу, а где результаты?

— Я не скрываю своих затруднений! — пожал плечами Биллиджер. — Связи, которые у меня возникли, еще не закреплены, и я не хочу рисковать своей дипломатической репу-

тацией. Я думаю, что вам пора ехать. Горелл всегда очень точен.

— Собачья работа, собачья жизнь! — пробормотал Робертс, сбрасывая куртку и надевая пиджак.

Биллиджер не торопился уходить. Он сидел в кресле, просматривая пачку новых книг на русском языке, купленных вчера Робертсом. Нет, он решительно нагло себя ведет! Значит, он уже отправил сообщение о неудачах Робертса и, может быть, даже получил ответ.

Ко многим недостаткам Робертса принадлежала еще и вспыльчивость.

— Вы мне больше не нужны, Биллиджер! — сказал он, завязывая галстук. — Можете идти.

— Очень хорошо! — улыбаясь, сказал Биллиджер, укладывая книги на столе Робертса в прежнем порядке. — Счастливого путешествия.

И то, что Биллиджер не обиделся, когда его отослали, как Мадж, за ненадобностью, заставило Робертса еще раз почувствовать хрупкость своего положения.

Горе объединяет людей. Но нигде это так не ощущается, как в приемной детской больницы. Вероятно потому, что, кроме горя, людей еще объединяют родительские чувства, здесь все понимают друг друга.

Этот чистый, встревоженный мирок молчаливых отцов, неумелых братьев, притихших сестреноч и сверх меры разговорчивых матерей показался Гореллу тесным, как коробка из матового стекла. Пахло домашним печеньем и хлором. На столе стояли цветы в горшках,

украшенных бантами из твердой белой стружки. Вишневый кафель пола что-то на мгновение напомнил, но Горелл затормозил воспоминание. Некогда и ни к чему.

В руках у Горелла, по инструкции Биллиджера, был плюшевый игрушечный заяц и коробка конфет. Он прошел в конец зала и присел на стул у самого окна.

На соседнем стуле сидела молоденькая женщина. Сначала Горелл машинально отметил, что на ней синее платье с белым воротником, а в ушах маленькие жемчужные серьги. Потом он заметил прядь волос около уха, золотистую и одновременно отливающую тусклым серебром, слегка вьющуюся. Она развернула игрушечный сервиз, только что купленный в магазине, и вкладывала в каждую чашечку по конфетке. Пальцы ее почти молитвенно прикасались к хрупким вещицам, лаская их: скоро эти игрушки будут трогать там, наверху, в палате.

Заметив взгляд Горелла, женщина улыбнулась.

— Не стоило бы приносить! — по-хозяйски сказала она. — Послезавтра повезу домой, ну да уж пусть развлечется. А у вас, видно, совсем маленький! — И она кивнула на плюшевого зайца в руках Горелла.

Горелл издал неопределенный звук горлом.

— Ничего! — успокаивающе сказала женщина. — Здесь хорошие врачи. Правда, малыши тяжелее болеют! Ведь они сказать ничего не могут, с ними все наугад.

Она пошла к окошечку в стене, за которым дежурная сестра принимала передачи для больных ребят, и по дороге еще раз огляну-

лась на Горелла. Этот человек чем-то испугал ее. Она никак не могла понять — чем! И только через несколько часов, уже дома, вспомнив его взгляд, поняла, что он не был человеческим. Так смотрят животные — открыто, коротко, без мысли и чувства, повинуюсь инстинктам.

«На таких женятся!» — подумал Горелл, наблюдая за женщиной, быстро направляющейся к выходу, и где-то внутри в нем опять ожила знакомая заунывная боль. Задрожали колени, но в это время в приемную вошел высокий человек с очень маленькой головой, с круглым розовым лицом, на котором поблескивали очки в золотой оправе. В правой руке у него был кожаный чемодан.

Он огляделся и, заметив Горелла, направился к нему. Дойдя до окна, он наклонился и поставил чемодан рядом со стулом, на котором сидел Горелл.

И в тот момент, когда он выпрямился, мысленно рассчитывая, через сколько секунд можно будет выйти из приемной, навстречу ему и со всех сторон шагнули люди, и Горелл и Робертс оказались отрезанными, изолированными телами этих людей от озабоченного мирка передней.

Издав сквозь зубы короткий, злобный свист, Горелл бросился к подоконнику, но на плечи диверсанта надел капитан Берестов.

— Глупо! — сказал Гореллу подошедший полковник Смирнов. — Что же, вы думаете, за окном нет наших людей?

— Снять с бандита оружие! — приказал Берестов помощникам. Смирнову подали пистолет, снятый с диверсанта.

— Поз-звольте! — взвизгнул Робертс, к которому только сейчас вернулась способность говорить. — Ос-ставьте меня! Я протестую! Я требую, чтобы сообщили послу! Я неприкосновенен! Я буду жаловаться! Я пришел навестить своего ребенка!

— Да, да, да! — перебил его полковник Смирнов. — Мы знаем все, что вы говорите в таких случаях. Слышали не раз. Могу вас успокоить: и послу сообщим, и формальности все сделаем, какие положены в тех случаях, когда дипломатического представителя хватают за руку на месте преступления, как вора и убийцу.

Когда преступники под надежной охраной были посажены в машины, а полковник Смирнов, готовясь сесть в свою машину, закурил и уже шагнул с тротуара к машине, к нему подбежала полная женщина в белом халате и схватила Смирнова за руку.

— Это правда, что у нас задержали диверсанта? — выпалила она. — Я заведующая приемной... Это правда?

— К сожалению, правда! — сказал Смирнов и сел в машину.

— Но это же господин Робертс! — вскрикнула заведующая, разглядев в полумраке машины зеленое от ужаса лицо Робертса. — Боже мой, боже мой, это же он самый! У нас его дочка и жена! Он писал благодарность нам в книге посетителей! Он написал такие хорошие слова о больнице, о стране... Как же это так?

Машина уже скрылась за углом, вливаясь в общий поток на магистрали, а заведующая все топталась на тротуаре и, приглаживая во-

лосы, выбившиеся из-под косынки, что-то приговаривала.

И вот полковник Смирнов встретился с Гореллом.

Но теперь перед ним сидит именно тот, кого он так настойчиво искал.

Что убеждало Смирнова?

Весь вид Горелла — встревоженный и самодовольный, нахальный и трусливый.

— Я должен вас поздравить с превосходным классом работы! — сказал Горелл, растягивая нижнюю губу в улыбку. — За всю жизнь я был арестован только трижды.

— Вас арестовывали пять раз, — поправил полковник, перелистывая свои заметки, приводя в порядок материалы для допроса.

— Как разведчик я был арестован трижды! — в свою очередь поправил Горелл. — Вы не плохо информированы! — снисходительно отметил он. — Те два ареста...

— О ваших уголовных преступлениях речь пойдет в свое время! — перебил полковник, взглянул на Горелла, и тот отвел глаза покорно и быстро, как отводят глаза животные под взглядом человека.

— Я должен предупредить! — резко произнес Горелл, изо всех сил стараясь удержаться на позиции беззаботной независимости. — Моей дальнейшей судьбой будет заниматься майор Даунс из генерального штаба войск! Прошу связаться с ним через посольство в Москве. Он сделает свои предложения...

Полковник Смирнов едва заметно облегченно вздохнул. Да, нет никаких сомнений в

том, что это Горелл. Вот он уже начал торговаться...

— Мы не будем связываться с майором Даунсом, — спокойно ответил Смирнов. — Мы не торгуем преступниками, как это делают некоторые государства. Мы их ловим и судим. Вашей судьбой займется суд, как только закончим следствие.

— Но... — Горелл откровенно встревоженно отгрыз и выплюнул конец папиросного мунштука. — Но это элементарно! Какой смысл меня расстреливать или держать в тюрьме? Я могу пригодиться! Делайте ваши предложения! Вы победитель, следовательно, я не буду торговаться слишком долго... Класс моей работы вам известен!

— Вы нам не нужны! — коротко сказал полковник. — Мы напрасно тратим время. Как ваше настоящее имя?

— То есть как «не нужен»? — со злостью и страхом вырвалось у Горелла. — Вы с ума сошли! Я не нужен? Я не желаю больше разговаривать с вами. Я требую свидания с вашим начальством! Вам я отказываюсь отвечать...

— Хорошо! — охотно согласился полковник и потянулся к кнопке звонка... — Я сообщу о вашем желании руководству...

— Подождите! — быстро сказал Горелл. — Вы меня не поняли. А я не понимаю вас. Я не нужен вам как разведчик. Чего вы добиваетесь?

— Ваша судьба как преступника кончена! — с терпеливой брезгливостью объяснил Смирнов. — Вами теперь займется суд. Не буду

лгать даже для того, чтобы облегчить свой труд, — будущее ваше не представляется мне благополучным. Вы причинили слишком много зла...

Горелл взглянул на полковника и надолго замолчал. Лицо его на глазах осунулось.

Шло время.

Полковник выписывал что-то из папки. Где-то за стеной суховато постукивала пишущая машинка. Трудолобиво гудел лифт.

Прошло полчаса.

Горелл молчал.

Полковник взглянул на часы и снова потянулся к кнопке звонка.

— Подождите! — резко и просительно сказал Горелл. — Я почему-то верю всему, что вы говорите. Это, конечно, глупо, но я ничего не могу поделать. Меня расстреляют? — дрожащим голосом спросил он, и рот его снова обмяк.

— Вероятно, — кивнул полковник, пригибаясь к бумагам, чтобы не видеть лица Горелла, изуродованного страхом.

— Но что-нибудь можно сделать! — борясь с приступом страха, говорил Горелл. — Ведь всегда что-то можно сделать! Скажите мне, что? Я верю вам! Я сделаю все, что вы скажете!

Полковник промолчал.

— А если я все расскажу? — с надеждой предложил Горелл. — Все, понимаете? Я много знаю! Я такие вещи знаю, до которых вам никогда не докопаться! А я расскажу! Зачем вам упускать случай?

Полковник попрежнему молчал.

— По вашим законам чистосердечное признание смягчает приговор! — слабея от страха, говорил Горелл. — По вашим законам человеку всегда надо дать шанс исправиться! Я ничего не скрою, слышите? Только сохраните мне жизнь!

— Я ничего не могу обещать! — ответил полковник.

— Не надо обещать! — подхватил Горелл, сухо всхлипнул и уставился блестящими и неподвижными глазами на полковника. — Я вижу, вы честный человек! Я и так скажу... Слышите? Все!

— Как ваше настоящее имя?

Горелл умолк. Потом снова сухо всхлипнул.

— Не знаю! — признался он. — Я помню только первое имя — Стефен. Все остальные — чужие. Я говорю правду. И родителей не помню. Стекло, много стекла, галереи, потолки. Вишневый кафель. Иногда вспоминаю море, большое, черное, с белыми гребнями волн. И ветер несет по дюнам песок. Может быть, это сны. Простите, мне нехорошо. Нет, я не могу умереть, это чудовищно! Что вам сделать? Ведь я все могу, понимаете? Все, что захотите!.. Только — жить! Жить, слышите?

Зазвонил телефон. Полковник снял трубку, хмуро выслушал и сказал:

— Я сейчас же приеду.

Потом, не глядя на Горелла и не отвечая на его сбивчивые, истерические обещания и возгласы, сказал дежурному, когда тот вошел:

— Уведите заключенного, — и прибавил: — Я уезжаю. Если меня будут спрашивать, скажите, что я в больнице у капитана Захарова.

Капитан Захаров умирал.

Когда Герасим Николаевич вошел в палату, умирающему только что сделали укол.

Врач сидел на табурете, вплотную придвинутом к постели, и ждал действия лекарства.

Полковник подошел к постели, несколько секунд смотрел в лицо капитана, потом наклонился к врачу и тихо сказал:

— Уступите мне место. Вам уже больше нечего здесь делать. А я постараюсь ему помочь.

Врач хотел возразить, но взглянул на полковника и молча встал.

Полковник сел к изголовью, наклонился, обнял Захарова за плечи и негромко сказал:

— Алеша, это я! Ты меня слышишь?

Высохшая кожа на лице Захарова как бы озарилась изнутри слабым светом. Он вздохнул и открыл глаза.

— Алеша, за семью не беспокойся!

— Да, присмотрите! — странно отчетливо выговорил Захаров. — Трое, а мужчины больше нет в семье. Спасибо, что пришли, Герасим Николаевич!

Нянечка, кипятившая шприц в углу палаты, заглушенно всхлипнула. Доктор тихо сказал ей что-то, и они вышли в коридор, оставив Смирнова и Захарова вдвоем.

Полковник просунул руку между подушкой и легким, остывающим телом Захарова и крепче прижал его к себе.

— Жене скажите правду, — все так же отчетливо говорил Захаров. — Матери не надо. Пусть думает — опять в долгосрочной командировке. Жить хочется, Герасим Николаевич! Я думал — не с вами, так в классе. Осенью хорошо, первый день в новом году, приходят

ребята здоровые, повзрослевшие. И твои, и уже другие... Мог тоже механиком. А если бы поправился, тогда опять с вами. Дурак я был, Герасим Николаевич. Все думал, что мно-о-о-го впереди. Нерасчетливо жил. Если б знал, сколько сделать можно было бы...

— Ты много сделал, Алеша! — громко сказал полковник. Ему казалось, что Захаров не слышит. Свет в лице капитана угасал, кожа потемнела, черты погрубели. — Мы его взяли. Слышишь, Алеша?

— Это хорошо... Руку дайте! — уже с трудом произнес Захаров. Полковник нашел в складках одеяла холодную, тяжелеющую руку Захарова и сжал, стараясь согреть.

— Вот, значит, оно как! — слабея, сказал Захаров. — Надо идти одному. Никогда не был один. Страшно одному. Вы здесь, товарищ полковник?

— Я не уйду, Алеша! — полковник придвинулся к Захарову еще ближе. — Ты меня слышишь?

— Плохо... Далеко ушел. Все будет в порядке, товарищ полковник. Надо справиться...

Полковник вспомнил, что так говорил Захаров, уходя на задания, и промолчал, не найдя в себе сил ответить товарищу.

— Темнеет! — не сказал, а выдохнул Захаров. — Вы еще здесь? — и умолк.

Вскоре он перестал дышать. Полковник высвободил онемевшую руку и долго сидел молча, ни о чем не думая, не двигаясь, ощущая только усталость. Сзади послышались шаги, вошел врач. Полковник поднял руку и закрыл глаза Захарову.

Когда Герасим Николаевич вернулся в отдел, Миша Соловьев принес расшифрованные и перепечатанные стенографисткой первые листы допроса Горелла и Робертса.

— Надо изъять чемодан с «бомбой» у гражданки Харитоновой, — все еще борясь с усталостью, сказал полковник. — Возьмите санкцию у прокурора на обыск и поезжайте.

Миша прибыл к Юле Харитоновой. Он вошел в квартиру с управдомом, дворником и понятными.

— Это нахальство! — сказала Юля Мише Соловьеву. — Вы пользуетесь тем, что я одинокая беззащитная женщина! Я ничего не знаю!

— Одну минуточку! — вежливо остановил ее Миша. — Вы сами откроете шкаф, или мне придется это сделать? Лучше бы — сами!

— Открывайте, ломайте, арестовывайте — мне все равно! — Юля швырнула ключи.

Миша открыл шкаф, достал чемоданы Горелла и раскрыл их на мгновение, чтобы убедиться, — те ли.

— Ах, вы за этим! — сказала она успокоенно. — Насчет этого я уже заявила. Сама! Вещи не мои, принадлежат жильцу.

— Распишитесь, пожалуйста, в протоколе обыска! — предложил Миша. Юля размашисто расписалась, и Миша ушел.

Представитель Министерства иностранных дел вручал Робертсу и Биллиджеру предписание покинуть Советский Союз в 24 часа.

— Очень жаль! — сказал, напряженно улыбаясь, Биллиджер. — У вас прекрасные библиотеки. Я заканчиваю книгу о советской ли-

тературе, мне осталось совсем немного. Несколькими месяцами!

— В вашей книге, господин Биллиджер, все равно не будет ни одного слова правды о советской литературе, — сказал представитель Министерства иностранных дел, — так что вы можете ее закончить где угодно!

— Я сделаю это на пароходе! — нагло сказал Биллиджер. — По дороге домой. Она будет иметь большой успех. Я пришлю вам экземпляр.

— Все это глупости, Биллиджер! — раздраженно перебил Робертс. — Вот мое положение действительно затруднительно! Мой ребенок в больнице. Жена не соглашается оставить дочь!

— У нас нет претензий к вашей дочери! — пожал плечами представитель Министерства иностранных дел, — так же, как и к вашей жене. Когда девочка поправится, она в сопровождении матери будет направлена на родину. Больше я ничего не имею сообщить вам!

Рано утром перед отъездом на аэродром Робертс в сопровождении переводчика посольства отправился в больницу проститься с дочерью и женой.

Сбивчиво, с отвращением выдумывая предлоги, Робертс объяснил жене причины своего внезапного отъезда и простился.

Направляясь по коридору к выходу, он решил зайти к главному врачу и попросить его позаботиться о жене и дочери. Каковы бы ни были неприятности, они не могут до конца уничтожить престиж дипломата.

Главный врач принял Робертса стоя, молча выслушал, побагровел и, сорвав очки, сказал:

— Вы просто мерзавец! И сию минуту убивайтесь из больницы... Это — наглость прийти сюда! При чем тут жена и дочь! А вы думали о них, когда зарабатывали себе репутацию международного преступника? Немедленно покиньте территорию больницы! Здесь Юрка Столбцов лежит, тот самый мальчик, о котором упомянуто в газетах, и мы еще не знаем, удастся ли сохранить ему здоровье... У меня у самого погиб сын во время войны! Как вы смели прийти ко мне, господин Робертс? Это... это... ни в какие ворота не лезет! Это душевное распутство! Вот что!

— Господин Робертс — дипломатический представитель! — сдержанно, но с долей злорадства сказал переводчик посольства, присутствовавший при разговоре. — Оскорбляя его, вы оскорбляете...

— Бандит он, а не дипломат! — не смущаясь, перебил главный врач. — И будьте добры немедленно увести его отсюда! Все! Больше я с вами не разговариваю! Я занят!

Робертс, не прощаясь, направился к дверям.

Полковник Смирнов знал, что следствие по делу Горелла будет длительным и тяжелым. Но действительность превзошла все его ожидания.

Развращенный мозг Горелла не мог допустить мысли, что есть преступления, простить которые народ не может.

Горелл решил сыграть на своей последней карте. Он решил заслужить прощение потоком признаний, в которых и правда и ложь были одинаково чудовищны.

Каждый факт приходилось многократно проверять, прежде чем признать его. Иногда Горелл в течение нескольких дней подряд лгал, обливая множество людей зловонной клеветой. Потом начинал рыдать и признаваться во лжи. Иногда один и тот же факт он освещал различно, в зависимости от степени своего отчаяния, и Смирнову приходилось поднимать груды материалов, чтобы докопаться до корня факта.

Отсылая Горелла, полковник выходил на улицу и долго бродил в толпе, пока не исчезал вкус желчи во рту. Мир снова становился веселым и доброжелательным, но это длилось недолго — Смирнову приходилось возвращаться в отдел и снова выслушивать страшные сообщения Горелла.

Смирнов почти не спал и не ел. Он приезжал домой на несколько часов и за столом отмалчивался, как бы издали слушая разговоры жены и сыновей. Ему казалось, что он приносит к себе в дом частицу той зловонной грязи, в которой ему приходилось возиться ежедневно.

Но с каждым днем распутывался клубок вопросов, до сих пор казавшихся безнадежно запутанными. Иногда Смирнову представлялось, что он разминирует — только не поле, не дороги и поселки, а отношения между народами, готовя почву под добрый, счастливый посев мира и дружбы.

Несколько раз в эти тяжелые дни полковнику звонила Кира Прейс и просила разрешить свидание с матерью.

— Сообщите ей, что завтра мы дадим свидание! — сказал, наконец, полковник Смирнов

Берестову. — Пусть приходит к одиннадцати утра.

— Здравствуйте, Кира! — приветливо сказал полковник, когда она вошла, похудевшая, в темном платье, ставшем слишком широким для нее, и молча, кивнув на приветствие, села в кресло у стола. — Сейчас вы встретитесь с Аделиной Савельевной. Дать вам папиросу? Ведь при мне вы не стесняетесь курить.

— Нет, спасибо! — сурово сказала Кира, выдерживая взгляд полковника. — Я ничего от вас не хочу!

— Как вам угодно! — пожал плечами полковник, и пока не вошла Аделина Савельевна, оба они молчали и думали о своем.

Войдя, Аделина Савельевна криво улыбнулась дочери, с любопытством взглянула на полковника и молча села в кресло рядом с Кирой.

— По правилам я должен присутствовать при свидании, — сказал Смирнов. — Но я хочу, Кира, чтобы в разговоре с Аделиной Савельевной вы чувствовали себя совершенно свободной и спокойной. Вы будете говорить наедине.

— Я не просила вас об этом! — не поворачивая головы, сказала Кира. — Я не хочу никаких одолжений.

Полковник вышел.

Он вернулся через полчаса.

Красная, возбужденная Аделина Савельевна прикуривала свежую сигарету от еще не погасшего окурка. Кира, сжавшись в комочек в кресле, держалась пальцами за виски и беспомощно смотрела на дверь.

— Это не она! — сказала Кира полковнику. — Не мама!

Полковник молчал.

— Нет, конечно, я говорю чепуху! — продолжала Кира. — Эта женщина — моя мать. Нет, я все понимаю, она сумасшедшая. Не в тюрьме ее надо держать, а в больнице!

— Идиотка! — отчетливо произнесла Аделина Савельевна. — Признаком сумасшествия она считает мое равнодушие к ней. Ну да, я ее не люблю. Вообще не люблю детей. Киру я не ждала, она испортила мне лучшие годы жизни. Ну бывает же, что человек, скажем, не любит гречневую кашу? А я не люблю детей. Что тут непонятного?

— Бог с ней! — устало сказала Кира. — Любит — не любит. Я должна была это понять раньше. Моя вина. Но все остальное? Ты, мама, очень злая! Ты наговорила мне все эти вещи, чтоб испугать, чтоб причинить боль. Или — ты сумасшедшая...

— Ну, в общем мне все это надоело, — нетерпеливо бросила Аделина Савельевна. — С меня достаточно родственного свидания!

Она встала, но, уловив что-то в глазах полковника, села и выжидательно посмотрела на него.

— Потому что иначе быть не может! — продолжала с тревогой Кира. — Не могла же ты всерьез признаваться мне, дочери, в том, что все эти годы шпионила и предавала?

— А какой смысл запирается в том, что уже раскрыто помимо меня? — деловито бросила Аделина Савельевна и снова раскурила сигарету.

— Нет, погоди! — Кира растерянно оглянулась. Смирнова и снова вернулась взглядом к и. — Скажи, что ты думала, сообщая

мне тот адрес? На что ты рассчитывала сейчас, когда попросила меня сделать подлость? Ты не ждала моего появления на свет. Ты меня никогда не любила. Всю жизнь ты занималась своими подленькими делишками и ничем больше не интересовалась! Но у меня есть семья, она вырастила меня, дала мне здоровье, образование... Пусть мать моя оказалась уродом, но детство было! Я, как все ребята, учила стихи, играла, ездила в пионерские лагеря, мечтала, переходила из класса в класс и, главное, была искренне убеждена, что счастлива! И теперь у тебя хватило низости требовать, чтоб я предала свою родную семью! Ты этого ждала? Но ведь, значит, ты — чудовище!

— Я прошу закончить свидание! — жестко сказала Аделина Савельевна.

— Сейчас вас уведут, — ответил полковник Смирнов, поднялся, налил воды в стакан и подал Кире. Она взяла стакан обеими руками и все-таки расплескала воду на колени.

— Не могу! — сказала она через секунду, ставя стакан на стол. — Глотать не могу. Что-то случилось с горлом.

— Это пройдет! — сказал Смирнов и вынул из папки, лежащей перед ним на столе, большой пергаментный конверт. — Гражданка Прейс, — обратился он к Аделине Савельевне. — На предварительном следствии вы показали, что занимались шпионажем под давлением некоего Мещерского.

— Он не некий. Он русский дворянин, Кирилл Владимирович Мещерский, — с вызовом ответила Прейс. — И я выполняла его просьбу не под давлением. Я была счастлива служить любимому человеку.

— Хотите знать правду? — резко спросил Смирнов, раскрывая конверт.

Нет. Аделина Савельевна не хотела знать правду. И в то время, когда Смирнов читал ей сведения о том, что Мещерский — Блюм, Кирилл — Альберт, бельгиец по происхождению, был сначала германским, а позже английским шпионом и в Россию прибыл с поручением добыть сведения о молодой экономике Советской республики, — Аделина Савельевна критически усмехалась и повторяла:

— Ну и что же? Пусть! Какая мне разница, как его зовут? Пусть — шпион! Я помогала ему и горжусь этим!

— Да перестаньте вы слушать самое себя! — перебил ее полковник, и что-то в голосе его насторожило Аделину Савельевну. — Я понимаю, что моральные качества вашего героя вас не интересуют. Вы примиритесь с любой грязью. Но я думаю, что вам пора, наконец, узнать о том, что он умер в конце двадцать восьмого года. Убит в Стокгольме, при невыясненных обстоятельствах, в баре гостиницы. Взгляните на фотографию, это он? Теперь взгляните на его карточку из нашего архива. Запись о смерти сделана в начале двадцать девятого года, можете судить об этом сами по виду чернил и желтизне бумаги... Да и потом подумайте, к чему мне вас обманывать. Что я этим выиграю?

Аделина Прейс была подлой, но неглупой женщиной.

— Да... — сказала она в те короткие секунды, когда известие о смерти Мещерского еще только стучалось в ее сознание. — Вы ничего этим не выиграете. Я понимаю. Я вижу.

что вы говорите правду. Да... позвольте мне уйти. Значит, все эти годы... Все эти письма...

Она встала. Много раз в своей жизни она симулировала обморок. Но теперь, сделав шаг к дверям, Аделина Прейс впервые в жизни по-настоящему потеряла сознание.

— Поезжайте домой! — сказал Смирнов Кире после того, как она рассказала ему свой разговор с матерью. — У вас есть деньги на такси? Если нет, я дам. Возьмите машину и поезжайте домой. Позвоните Володе, пусть он немедленно придет к вам. Выпейте крепкого чая и примите таблетку тройчатки, потому что через полчаса вас свалит мигрень... До свиданья!

— Я хочу еще сказать... — начала было Кира, но Смирнов настойчиво и твердо остановил ее.

— Ничего вы мне не будете объяснять! — сказал он, помогая девушке подняться с кресла. — Знаете, Кира, часто бывает, что люди, много и правильно говоря о своих ошибках или несчастьях, поддаются опасной иллюзии. Им начинает казаться, что все тяжелое позади. Что все изменилось — и жизнь, и они сами. Но слова заменяют поступки лишь на время, несчастье возвращается, и тогда они страшно обижаются несправедливостью судьбы. Так возникают судьбы неудачников! Вы неплохой молодой человек! Не болтайте, а покажите своей семье, на что вы способны. Вы ведь сами сказали, что у вас есть семья! Это очень правильно. Она у нас прекрасная, умная, сильная, всегда с нами и во всем придет на помощь. Но у нее есть непреложное качество. Не верить словам! Дело с нас спра-

шивают! Всегда помните об этом. Ну так как же, дать вам денег на такси?

— Спасибо! — сказала Кира, пошатываясь на затекших от напряжения ногах, изо всех сил пытаясь улыбнуться. — Дайте... Я отдам... Я ничего не буду говорить. До свиданья. Я постараюсь!

— В добрый час! — кивнул Смирнов и, когда девушка была уже у дверей, еще раз повторил: — В добрый час! Желаю удачи.

Следствие заканчивалось. У полковника Смирнова накопился длинный список срочных дел. В нем несколько раз повторялось: «Звонил Пономарев. Обязательно ответить».

— Герасим Николаевич? — обрадовался полковнику академик Пономарев. — Слушай, я тебя прошу, приезжай! Да нет, ну чего же мы будем встречаться в городе! Не поговорим как следует... Тебя дергают, меня теребят. Слушай, Герасим Николаевич, ты в этом году купался в речке?

— Нет еще! — улыбнулся Смирнов. — Никак не доберусь до берега. Вот уж в отпуск в Крым уеду, тогда...

— Что — Крым! — закричал в трубку Пономарев. — Нет, ты приезжай ко мне! Я тебя таким пляжем угощу — ахнешь! Слушай, я серьезно прошу, приезжай. Мне посоветоваться надо...

В ближайшее воскресенье полковник с утра поехал к Пономареву.

— Нет, нет, я тебя в дом не зову! — сказал Пономарев здороваясь. — Едем прямо на речку!

Когда добрались до речки, Смирнов снял шляпу, развязал галстук и сел на пенек.

— Действительно! — сказал он почти благоговейно. — Удивительная природа у нас, в Средней России. Спокойная. И веселая вместе с тем. И милая, понимаешь, Александр Петрович, — сердцу милая!

Река действительно была хороша.

Узкая, глубокая, с чистойшей, прозрачной водой, она петлями извивалась меж берегов. А на кромке берега, у самой воды, лежали серебристо-серые шары ветел. На противоположной стороне начиналось поле желтеющей пшеницы, вдали темнела полоска леса, и над всем этим сияло щедрое, высокое, синее небо.

— Что я тебе говорил? — с восторгом подхватил Пономарев. — Подожди, сейчас купаться будем по моему методу, с комфортом.

Он принес из машины две запасные камеры и накачал насосом.

— Да ну их, я и сам умею плавать! — запротестовал было Смирнов, но когда они разделись и, вздыхая и ухая, влезли в воду, Герасим Николаевич поплавал, а потом по примеру Пономарева распластался по-лягушечьи на камере и замер, стараясь не шевелиться в теплом верхнем слое воды, у берегов яркозеленом от отраженья ветел, а на середине — голубом.

— Хорошо! — похвастался он перед самим собою и зажмурился. — Очень в общем здорово!

Позже, пока Смирнов сидел на траве, обсыхал и курил, Александр Петрович опять пошел к машине и вернулся с чемоданчиком. В чемоданчике оказались две бутылки пива, хлеб, опурцы, помидоры и яйца, сваренные вкрутую.

— Чудак, пиво-то надо было в реку опустить! — заворчал Смирнов. — Пока мы купались, оно бы остыло. Ну, о чем ты хотел советоваться?

— Погоди, вот поедим, еще разок искупаемся, тогда поговорим! — запротестовал Пономарев.

— Нет уж, давай сейчас! — настоял Смирнов. — Ты в этой роскоши повседневно வாщаешься, а я хочу перед отъездом еще хоть часок ни о чем не думать... Я слушаю тебя, Александр Петрович!

— Понимаешь, в чем дело, — начал смущенно Пономарев, — хочется обменяться мыслями. Понимаешь, в чем дело! Давно, лет пятнадцать тому назад, просматривая новые английские публикации по моему предмету, я наткнулся на интересную статью одного молодого ученого биолога.

Пономарев рассказал, как постепенно у него возникло теплое, дружеское чувство к молодому английскому ученому. Он стал следить за его работами и искренне огорчился, когда они исчезли.

Но вот, после длительного перерыва в несколько лет, снова появилась статья знакомого англичанина. По ряду признаков, понятных только ученому, Пономарев понял, как туго пришлось английскому биологу в годы молчания. Все прежние его статьи были связаны с изучением проблемы процессов обмена веществ в организме человека. На этот раз статья рассматривала процессы загрязнения пор кожи и по существу рекламировала новый сорт крема, очищающего кожу лица. Имя уче-

ного появилось в числе сотрудников крупного косметического концерна. Все это было свидетельством поражения, все говорило о том, что у англичанина не хватило сил и средств продолжать работу над основной своей темой, он устал от нищеты, от беспокойства за завтрашний день и — сдался.

— Можете представить себе, Герасим Николаевич, как я обрадовался, когда через некоторое время снова прочитал большую статью моего английского неизвестного друга, посвященную изысканиям по основной его теме! — говорил Пономарев. — И какая это была талантливая, умная статья! У него хорошая голова, он понял, что тяжелые проблемы, встающие сегодня перед человечеством в вопросе здоровья народов — тесно связаны с экономикой стран... Он понял это и защищал и доказывал свою точку зрения как ученый биолог. Я обрадовался и в то же время подумал: «Надолго ли? Хватит ли у тебя сил держаться?»

— Да, вряд ли он долго продержался в промышленности с такой точкой зрения. Этот крупнейший косметический концерн, наверное, принадлежит Америке! — заметил Смирнов.

— Несколько лет он боролся! — продолжал свой рассказ Пономарев. — Появилось еще несколько его публикаций. И — снова молчание. Когда он опять напечатал статью — она была посвящена проблеме коррозии металлической посуды и рекламировала мазь для чистки кастрюль... Я подумал: «Наверное, у моего англичанина большая семья. Может быть, у него на руках старики родители...» Словом, я много думал о нем. И торжествовал и испу-

гался за него, когда из очередной партии свежих публикаций выяснил, что его имя больше не упоминается в числе сотрудников химической фирмы.

Так шло время, — продолжал рассказ Пономарев, — и вот недавно, несколько недель тому назад, я получил от него письмо. О чем он мне написал? Во-первых, соглашался с рядом моих положений, о которых он знает тоже из публикаций. Рассказал о своей основной работе, связанной с обменом, которую продолжает в тяжелых условиях.

Но не это самое главное!

Он, Герасим Николаевич, чудесно мечтает в своем письме. И знаешь о чем? Он пишет, что все свои силы положит сейчас на то, чтобы помочь созданию Совета коллективной охраны мира в Европе. И он считает, что в этом Совете должен быть отдел, объединяющий работников культуры, в том числе и ученых. И что совместно, в постепенном дружеском, творческом контакте мы можем очень много сделать для народов. А ведь знаешь, Герасим Николаевич, я тоже об этом не раз думал! Наука уже давно вышла из глубинных протоков знания к основным руслуам законов природы. Уже опасно и вредно для прогресса науки разрабатывать ряд ее областей разрозненно по методу «кто во что горазд»! Уже давно пора объединяться!

— Позволь, а разве мы против творческой дружбы с Западом? — прервал Герасим Николаевич поток возбужденных мыслей Пономарева. — Да мы чертову уйму сил, времени и денег тратим на самые разнообразные попытки сближения...

— Вот я и хочу...

— Да нет, разреши, я мысль закончу! Ты, Александр Петрович, и приятель твой английский — вы хотите оздоровить человечество. А империалисты хотят убивать, потому что, по их мнению, это самый эффективный способ наживы. Вот основное наше расхождение, и не с Западом, а с небольшой, но пока еще сильной группировкой империалистов Запада. Мы ищем способы облегчить жизнь народа, империалисты требуют разрушительной войны, потому что обнищавшим народам легче диктовать свои условия. Вот наше расхождение!

— Но ведь это все очень просто и, я бы сказал, общеизвестно! — раздраженно перебил Пономарев.

— Да, конечно... — согласился Смирнов. — Но я должен тебе заметить, что один из эффективных способов поддерживать разнь между странами — это усложнение простых вопросов. Нагромождение вокруг простейших, общеизвестнейших истин всяческих мнимых трудностей! Но ведь не об этом же ты хотел говорить со мной? В чем дело?

— Да, вот... — смутился Пономарев. — Обстоятельство одно есть, по поводу которого я хочу посоветоваться! Понимаешь, этот самый мой английский неизвестный приятель пишет, что очень хочет встретиться со мной. И возможность такая в этом году предвидится: зимой в Чехословакии будет проведен съезд биологов. Он получил приглашение приехать и пишет, что пойдет на любые жертвы, но приедет в Прагу. Понимаешь ли, Герасим Николаевич, это трудно объяснить, это понятно только нам, ученым... Мы с ним никогда не ви-

делись, но много раз, уверяю тебя, много ночей просидели рядом за одним микроскопом, наблюдали одни и те же процессы и одновременно приходили к выводу. Мы — близкие люди! Мне с ним так же хочется увидеться, как и ему со мной. Вместе подумать, поспорить, проверить нашу близость по другим вопросам. Вероятно, будут разочарования в чем-то, но в общем, Герасим Николаевич, он хороший парень! Ведь не так просто для него было опубликовать свою статью, скажем, о том, что как велики ни были бы сегодня отдельные научные открытия, они не в силах помочь человеку в обстановке разобщенности, недоверия и крайней необеспеченности... Ну, чего ты молчишь?

— Я все хочу понять, что требуется от меня? — ответил Смирнов.

— Ну как что... — пожал плечами Пономарев. — Понятное дело... Парень он хороший, а все-таки я промахнуться не хочу! Вот я и думал посоветоваться с тобой!

— Чудак! — засмеялся Смирнов, потягиваясь на солнце.

— Кто чудак? — обиженно спросил Пономарев.

— Да ты, конечно! Что же, по-твоему, мы являемся главным управлением обеспечения душевного равновесия?

— Ну зачем же приводить к абсурду? — вспыхнул Пономарев. — Я, по-моему, вполне закономерно хочу выяснить его фигуру.

— Встретишься, согласишься, послушаешь и согласишься!

— А если ошибусь?

— Плохо! Для всех будет плохо.

— Позволь, а если спровоцирует?

— Чудак! — Смирнов поднялся, сел и потянулся к папиросам. — Вот это уж, я могу тебе сказать совершенно точно — чепуха! Что это значит — «спровоцировать»? Сыграть на твоих дурных качествах? Значит, тебя можно запугать или купить?

— Ты что, взбесился? — дребезжащим от ярости голосом осведомился Пономарев. — Это просто... просто... Это безобразие! Я совсем другое имел в виду!

— Да нет, что уж теперь лавировать. Ты как раз это имел в виду, — твердо повторил Смирнов. — Тебе хочется застраховаться у государства от ошибок, как страхуются от пожара? Это чепуха, Александр Петрович.

— Я предлагаю изменить тему разговора! — Пономарев вскочил на ноги. Голубые глаза его округлились от злости, он покраснел и задохнулся. — Идем купаться.

— Как тебе угодно... — согласился Смирнов. — Только, знаешь, я хочу 'немного подремать. Ты иди купайся, а я на солнышке полежу...

Пономарев ушел. Смирнов слышал, как он вздыхал и плескался за ветлами, а потом затих. И Смирнов задремал. Он проснулся от прикосновения к плечу, открыл глаза и увидел над собой Пономарева. Тот сидел на корточках и сосредоточенно смотрел в лицо полковнику.

— Ну что? — спросил Смирнов, поднимаясь и зевая. — Накупался? Гляди-ка, ты весь синий и в мурашках. Разотришь полотенцем, простудишься!

— Слушай, Герасим Николаевич, неужели ты плохо обо мне думаешь? — убито спросил Пономарев.

— Конечно, нет! — ответил Смирнов. — Ты неряшливо мыслишь, вот в чем дело. Дай мне папиросу, мои кончились... Вот поедешь ты на съезд, увидишься там со своим англичанином, неужели не разберешься в человеке?

— А если трудно будет разобраться?

— Ну, так у нас в народе есть правило в трудных случаях советоваться. Это уж естественно. Но сегодня-то тебе еще не трудно, а ты совет просишь. Вот я и говорю, неряшливо мыслишь.

— Неряшливо — значит часто неправильно!..

— Вероятно! Пора ехать, Александр Петрович. Я еще своих толком не видел, неделя была тяжелая и сегодня с утра к тебе уехал. Пора. Собирай свое хозяйство.

Смирнов отряхнулся и стал натягивать пиджак.

Когда Пономарев поставил чемодан в машину, Смирнов задержал его за рукав у открытой дверцы и сказал:

— Отправь шофера одного, а мы пешком дойдем. Тут ведь недалеко, километра три. Я пройтись хочу.

Пономарев принялся было отговаривать, ссылаясь на жару и усталость, но полковник мягко настаивал на своем.

— По азимуту пойдём! — решил он и направился межой через овсы к перелеску.

Пономарев поплелся за ним, ворча и жалуясь.

— Собьемся! — бормотал он. — Проплутаем бог знает сколько! Здесь лес серьезный!

— Ничего, авось, выйдем! — улыбался Смирнов. Они вошли в перелесок, потом в лес, и Смирнов опять уклонился от дорожки и повел Александра Петровича напрямки, по кустам.

— Слушай, это же, ей-богу, безобразие! — возмущился Пономарев, но полковник обернулся и знаком остановил его.

— Давай немного помолчим! — попросил он. — И старайся идти тише.

Сначала Пономарев злился, но потом, приглядевшись к полковнику, развлекся и забыл о досаде. Смирнов брел через кусты и овражки легко и неслышно. Иногда он останавливался, щурясь, смотрел на вершины деревьев, приглядывался к стволам и, определив направление, двигался дальше. Ни одна ветка не хрустнула под его ногой, и, вступив в кустарник, он ловко прихватывал и раздвигал ветви, пропускающая Пономарева.

Однажды он остановился, прислушался, помолчал, сплюнул с досадой, закурил и сказал:

— С тобой, конечно, ничего не получится. Ломишься, как медведь! Надо было идти одному! — и, повысив голос, сказал: — Товарищи, выходите из «секрета»! Свои!

Но кругом дышал и шелестел лес. Было тихо и безлюдно.

На мгновенье Пономареву показалось, что полковник разыгрывает его. Но Смирнов достал пустой портсигар из кармана и монетой простучал о крышку сложный, не сразу поддающийся уху ритм.

И тотчас кусты раздвинулись, и навстречу поднялся смущенный, улыбающийся человек.

— Ну, как дела? — спросил полковник здороваясь.

— Нормально, товарищ..

— Полковник... — подсказал Смирнов.

— Товарищ полковник... разрешите доложить! Старшина особого батальона охраны Чекин выполняет задание. Происшествий и фактов за время дежурства не обнаружено... Разрешите спросить, товарищ полковник!

— Спрашивайте...

— Товарищ полковник, вы меня обнаружили или случайно наткнулись?

— Я вас искал и обнаружил, — сказал Смирнов, поднимая сухую колючую прядь малины и показывая ее старшине. — Вот видите: рядом кусты осыпаны малиной, а на тех ветках, за которыми вы маскировались, пусто. Соединяете приятное с полезным?

— Извините, товарищ полковник, виноват, не подумал! — огорченно признался Чекин. — Согрешил с малиной-то!

— Но между прочим я на то и полковник, чтобы старшину обнаружить! — улыбнулся Смирнов. — На будущее учтите. До свидания! Теперь можно идти по дорожке! — добавил он, обращаясь к Пономареву.

— Это кто же? — недоумевая, спросил Пономарев, оглядываясь на то место, где только что стоял человек, а теперь медленно распрямлялись узкие прозрачные травинки. — И куда он девался?

— Ну, теперь мы его так просто не найдем! — усмехнулся Смирнов. — Теперь он учтет! А это, Александр Петрович, один из тех людей, жизнь которых сейчас состоит только в одном стремлении — сохранить от врага тебя и твою лабораторию... Не беспокойся, где надо — сами бережем.

Смирнов допрашивал Горелла.

— Значит, уже тогда, в сорок третьем году, в Сосновске вы выполняли приказ вашей разведки, пытаясь найти и уничтожить профессора Гордина с его группой?

— Да, я уже объяснял вам... — озлобленно соглашался Горелл.

— В то время три страны серьезно занимались решением проблемы атомной энергии: Америка, Германия и Россия. К сорок третьему году все взбесились на этом пункте, и начались скачки с препятствиями. Ставка была слишком велика — победа в войне! Поэтому наше разведывательное бюро бросило все дела и занималось только этим вопросом. Большая группа атомных разведчиков работала в Германии. Меня послали в Россию. Мое положение осложнилось тем, что я работал на территории России, занятой немцами...

— Осложнилось? Напоминаю, вы вчера решили говорить только правду. Мы с вами согласились, что ложь бессмысленна!

— Ну, да, гестапо помогало мне! — вырвалось у Горелла. — Да. Какой смысл скрывать?

— За что же гестапо было так великодушно к вам?

— Этого я не знаю. Договаривалось начальство, я только работал. Ну, конечно, не даром. Я не знаю, чем мы платили правительству Гитлера — людьми или...

— Или чем?

— Ну вы же взрослый человек! В немецкой промышленности были наши капиталы... И наоборот! Я не знаю, как они там торговались, меня в эту сторону дела не посвящали.

— Подумайте. Вспомните! К этой стороне дела нам еще придется вернуться. Что вам удалось открыть в России?..

— Мало. Гордин со своей группой ушел в партизаны. Я делал попытки захватить его с помощью немцев, но не удалось. Лабораторию они взорвали уходя.

— Об этом вы рассказывали подробно и относительно правдиво. Значит, вы утверждаете, что в сорок пятом году в Мюнстенберге искали архив доктора Фигнера?

— Да... Его сын летчик Густав Фигнер рассказал, что старик, спускаясь в убежище, носил с собой в чемодане все материалы по теме. Там его завалило во время бомбежки. Я уже начал раскопки под видом отдаленного родственника, желающего достойно похоронить останки ученого и его жены. И как раз в это время меня опознала одна русская...

— Мария Николаевна Дорохова, которую вы искалечили.

— Разве? Я должен был ее убить. А что бы вы сделали на моем месте?

— Не будем отклоняться от дела, — сказал Смирнов, преодолевая приступ тошноты. — Процесс и казнь, организованные нашими союзниками, были, конечно, инсценированы?

— Нет, повесить-то они кого-то вместо меня повесили, — объяснил Горелл. — Я подробностями не интересовался. Это дело организовал мой ангел-хранитель майор Даунс.

— Что было потом? Вы все еще многое скрываете и выдумываете! Обмена не будет, перестаньте баловаться иллюзиями!

— Да нет. Иллюзий у меня нет, — сухо

всхлипнул Горелл. — Какие там иллюзии. Я все сказал, что было потом.

— Расскажите то, что вы скрыли о диверсии в Институте урожайности в 1946 году...

— Я все сказал! — с тревогой возразил Горелл.

— Далеко не все! — остановил его Смирнов. — Например, мне не ясен один пункт. Как вы проникли в хранилище образцов зерна?

— Я уже объяснял, — говорил Горелл, изо всех сил стараясь сдержать озноб. — Я объяснял. Мне удалось сговориться с хранительницей образцов Акимовой. Она давно хотела уехать за границу, к родственникам. Я дал ей крупную сумму в нашей валюте и помог перебраться через границу. По-моему, если память меня не подводит, она из Польши уехала в Мексику, к сестре... Естественно, — продолжал объяснять Горелл, справившись, наконец, с волнением, — она выполнила мое требование. Она ввела меня в хранилище и указала наиболее ценные образцы.

— В институт вы приходили с отношением от станции юннатов? Почему вы избрали детское учреждение?

— Ну, это естественно! — с раздражением ответил Горелл. — У вас очень заботятся о детях. И к людям, приходящим от детских учреждений, больше внимания и доверия.

— Поэтому-то вы и встретились с Робертсом в детской больнице! Значит, Акимова в Мексике?

— Не знаю, может быть, в Париже. Это ее дело. Разрешите сделать заявление. Я устал.

— Я вас долго не задержу. — Смирнов придвинул к себе пухлое дело с множеством

бумажных полосок, вложенных между страницами. — Значит, Акимова либо в Мексике, либо в Париже. Да, это похоже на правду, — сказал он, раскрывая одну из закладок. — В комнате ее была найдена записка, написанная карандашом и неоконченная. Повидимому, черновик письма, написанного и посланного впоследствии. В этой записке, адресованной мужу, с которым она незадолго до того разошлась, Акимова пишет следующее:

«Леня, скоро меня не будет здесь. В последние дни, связывающие меня с Россией, все хорошие и теплые мысли с тобой. Я все простила, я уйду без злых чувств. Будь счастлив и иногда...» На этом записка прерывается... Почему вас так интересовал сорт пшеницы «Победа будет за нами»?

— Странный вопрос, — ухмыльнулся Горелл. — Это превосходный сорт, не поддающийся засухе.

— И вы уничтожили весь запас института! Запас, подготовленный к рассылке по колхозам засушливых районов!

— Так мне было приказано! — злобно огрызнулся Горелл. — Сорок шестой год был засушливым. Если бы засуха повторилась в сорок седьмом, Россия оказалась бы в тяжелом положении... Меня обязали в первую очередь вывести из строя сорта, не поддающиеся засухе. Я это сделал. Потом поджег архив и библиотеку. Здание неудобное — отдельные дома, разобщены, находятся вдали друг от друга. Я до сих пор не понимаю, как мне удалось выполнить операцию. И уходить было трудно!

— А что вы сделали с телом Акимовой?

Горелл опустил голову на руки и молчал.

— Вот видите, вы уже вообще неспособны говорить правду! — сказал Смирнов. — Я предупредил, что попытка воспользоваться искренним признанием как обстоятельством, смягчающим приговор, для вас неосуществима!

— Нет, я могу, я могу, я обещаю! — выкрикнул Горелл. — Я уже отвечаю на все ваши вопросы! Как вы узнали, что я убил Акимову?

— Просто! — ответил Смирнов. — Я не поверил, что она способна предать. Зоя Акимова сирота, она выросла в детском доме. Родина помогла ей вырасти. Девочка беспризорница стала научным работником. Впрочем, вашему сознанию все это недоступно. Вы убили Акимову и выкрали ключи от хранилища!

— Нет. Я, конечно, сначала выкрал ключи, а потом уже... — апатично сказал Горелл. — При ней могло не оказаться ключей... Потом я задержался в институте после работы. Там почти не было охраны. Во всяком случае такой, которая могла бы помешать мне! Трудно было только переходить от здания к зданию незамеченным! И слишком быстро обнаружили пожар в библиотеке. Я не успел уйти, мне пришлось вместе со всеми до рассвета тушить пожар и разбирать обломки стен в архиве.

— Где было тело Акимовой?

— У меня в машине. Я это сделал в машине. Я предложил подвезти ее домой из института.

— Зачем вам понадобилось убивать ее?

— У нее были нехорошие глаза, когда она смотрела на меня. Я не сомневался в том, что, как только обнаружится диверсия, она назовет меня как... автора, — все так же апатично продолжал Горелл. — Она была трудным и неприятным человеком. Только идеальное состояние

моих документов помогло наладить хоть какой-то контакт...

— Как было подброшено «письмо к мужу»? И каким образом вы узнали о личной трагедии Акимовой?

— Машинистка института оказалась приветливее... А письмо я подбросил сам. Я попытался вечером зайти к Акимовой.

— Как она приняла вас?

— Плохо. Я попросил воды, она вышла на кухню, в это время я бросил за кровать письмо. Она дала мне воды, как негру, на пороге комнаты.

— Как же вам удалось уговорить ее сесть в машину?

— Чудом. Она торопилась отвезти на вокзал посылку с зерном. Кто-то куда-то уезжал. Заявляю вам, я устал.

Смирнов взглянул на часы и нажал кнопку звонка.

— Конечно, если бы не помощь еще одного человека... — осторожно начал Горелл, — я бы не справился с операцией. Ваш человек! — медленно сказал Горелл. Зрачки его сузились и утратили блеск, рот запекся. — Один ответственный работник! — продолжал Горелл. — Заместитель директора института урожайности, некий Ковалев...

— Врете вы! — делая над собой огромное усилие, сдержался и спокойно сказал Смирнов. — Ведь я проверю, и опять окажется, что вы оклеветали!

— Я ошибся! — испуганно пробормотал Горелл, отводя глаза от взгляда Смирнова. — Мне показалось. Я устал, и у меня мутится в

голове... Нет, нет, он мне не помогал... Он даже не заметил меня в институте.

— Уведите арестованного! — с облегчением сказал Смирнов, когда на пороге показался дежурный.

Через несколько минут вошел Миша с почтой.

— Товарищ Соловьев! — сказал полковник, вытирая лицо и шею носовым платком. — Когда Наташа кончит расшифровывать последние страницы допроса Горелла, просмотрите их и выпишите данные, касающиеся Акимовой Зои Ивановны. А потом напишите письмо в партийную организацию Института урожайности, в котором скажите... В котором напишите то, что надо написать в случае, когда о хорошем, честном человеке долго живет несправедливая, недобрая слава. Вы меня поняли?

— Да! — охотно и торопливо кивнул Миша. — Вполне понял, Герасим Николаевич...

Смирнов взглянул на Мишу и едва заметно улыбнулся. Миша заметил его улыбку и густо покраснел от обиды. Смирнов перехватил его неуверенный, обиженный взгляд и теперь улыбнулся широко, с удовольствием.

— Вы меня не поняли, младший лейтенант! — сказал он. — Это хорошо, что вы радуетесь возможности реабилитировать человека. Это очень важно для нашей работы — уметь радоваться человеческой чистоте и честности. А вот поспешную обидчивость надо в себе ломать. Она плохой советчик! Выполняйте...

Миша вздохнул, сделал четкий оборот кругом и строевым шагом направился к дверям, но на пороге задержался, обернулся и широко улыбнулся в ответ полковнику.

Стихли его шаги в коридоре, и Смирнов принялся приводить в порядок записи, сделанные за день.

Да, следствие заканчивалось. Собственно, это, конечно, формальное определение. Горелл сказал почти все. Сгруппирован, проверен материал по всем пунктам обвинения. Вскоре преступник предстанет перед закрытым судом.

Закрытым, потому что каждый пункт обвинения повлечет за собой дальнейшую кропотливую, сложную работу. Ведь многие из тех, о чьей преступной деятельности рассказывал Горелл, еще на свободе, на нашей земле и за рубежом. Дело не только в том, чтобы обличить и изолировать преступников. Самое важное для спокойствия и безопасности народа — определить и извлечь злокачественные ветви опухоли. Впереди еще много работы...

А позади — не только одни убытки.

Вот об этом думал полковник Смирнов. Нет, не только одни потери и огорчения позади!

Недолго осталось прожить старику Воскобойникову. Но те немногие годы, которые доведется ему прожить, он проживет честным человеком. Смирнов в этом не сомневается.

Тяжелое испытание выпало на долю Киры Прейс. Девушка прозрела от душевной слепоты, поняла, что каждый из нас ответственен за свою жизнь и поступки близких. А главное, она поняла, что, сколько бы ни уклонялся человек от исправления своих проступков и ошибок, они заявят о себе, и чем дольше уклоняться, тем сильнее заявят!

— Ничего! — думает Смирнов, вспоминая открытый, горячий взгляд Киры. — Такая вы-

правится. Основа — добрая! И урок получила хороший!

Смирнов вспоминает, с каким болезненным стыдом рассказывал шофер о том, как соблазнили его «левые, легкие две сотни». Смирнов разрешил Берестову сказать парню, для кого он нарушил правила. Ничего, пусть помучается! Ему еще предстоит свидетельствовать на суде. Нелегко будет выйти и признаться в том, что чужак купил тебя за две сотни. Многое передумал и передумает паренек. И никогда больше не соблазнится легкими рублями!

А как тяжело, надрывно плакала в кабинете Смирнова девушка Вера, приютившая Горелла под своим кровом на одну ночь!

— Как я жить теперь буду? — все спрашивала она Смирнова. — Все знают, что я пропавшая! А я не хотела, — повторяла она, — честное слово, я не хотела, товарищ начальник, чтоб у меня такая жизнь получилась! Один раз не повезло, и чем дальше, тем хуже...

— Потому, что ты уступаешь неудачам! — сказал Смирнов девушке. — Ты знаешь, что такое неудачник?

— Что? — жадно откликнулась Вера, поднимая к Смирнову лицо, мокрое от слез. — Что, товарищ начальник?

— Неудачник — это человек с одной затянувшейся неприятностью! Да, да, это уж у меня проверено! — кивнул Вере полковник. — Вот ты эту неприятность победи, сломай, и тогда увидишь, как славно жизнь пойдет!

— Уехать бы мне! — слабо сказала Вера. — Куда-нибудь подальше, где не знают...

— А что же, это дело! — согласился полковник. — Уезжай. Станешь честно работать — со

всех сторон друзья будут! Это уж всегда так в коллективе. Не дадут в обиду!

— А вы помогите мне хорошее место найти, куда ехать, — нерешительно попросила Вера.

— Помогу! — охотно согласился Смирнов. — Я тебе после суда напишу открытку и в ней скажу, куда обратиться. А ты пока специальность приобретаешь. Что-нибудь, хотя бы на первое время, простое, — нехорошо с пустыми руками в коллектив ехать. А там корни пустишь — учиться начнешь...

Что ж, очень возможно, перевернется судьба Веры на новый, хороший лад. Пока девушка держится своих слов, поступила на курсы штукатуров... Дальше видно будет.

Полковник скомкал и сжег листки с заметками в пепельнице.

Теперь в течение нескольких дней будет перерыв в следствии. За это время можно будет обработать протоколы, подумать над ними, отдышаться. Смирнов мысленно вспомнил количество дел, отложенных в связи с следствием и понял, что отдышаться не удастся.

Во всяком случае хотя бы два дня! Только на два дня ослабить напряжение. Это нужно, потому что к вечеру начинает болеть левый висок и затылок. Надо провести хотя бы один вечер с сыновьями и женой.

Смирнов встал из-за стола и подошел к окну.

Надвигается осень. Это заметно по ровному холодку и спокойствию в тенях и красках. И еще по тому, что на крыше соседнего дома сонно бродит кровельщик в синей майке, в черных футбольных трусах и в валенках. А голова, торчащая в слуховом окне, явно принадлежит управдому.

Осень — значит, скоро отпуск!

Смирнов вспомнил серые бетонные дорожки аэропорта, качающиеся столбы прожекторов и то особое беспокойство, с которым на долгий срок отрываешься от работы и близких.

А потом самолет оторвется от земли, из-под крыла в сторону шарахнутся деревья и здания и часа полтора все в самолете будут молчать и дремать.

А потом — повеселеют, закурят и сосед будет долбить тебя в плечо жестким пальцем и кивать вниз, в окошко, что-то страстно тебе втолковывая. По опыту многих полетов и большой жизни Смирнов знает, что там, внизу, завод или стройка, на которых работал сосед, либо высотка, которую не отдал он с товарищами в трудном сорок первом.

А потом облака станут тяжелее, земля рыжее и суше, зелень ярче, небо светлее и в то мгновенье, когда ты меньше всего это ожидаешь, из-под крыла поплывет навстречу самолету плоское бледноголубое пятно.

И все в кабине приподнимутся и будут смотреть за тем, как растет голубая полоска, набухая светом и глубиной.

А сосед ткнет тебя жестким пальцем в плечо и что-то начнет говорить горячо, настойчиво, и, не вслушиваясь, ты утвердительно кивнешь.

Только тебе пришлось защищать наши берега не здесь, а на севере. И ты остро, как в последние мгновения сна, вспомнишь зеленые берега, сероватую полоску залива под Выборгом и столб волн, выросший совсем близко. Взорвался на mine передний катер.

И это было...

Но она хорошеет и крепнет, наша родная земля, поэтому не жаль молодости, хоть она и была труднее, чем у тех, кому сегодня исполняется двадцать. Поэтому особенно сильна близость тех, кому вдвое больше. Слишком много высоток и берегов мы отстояли вместе...

Так думал Смирнов, вглядываясь в спокойные, чистые линии родного города.

— Да, скоро в отпуск! Пора...

— Товарищ полковник, разрешите обратиться!

Смирнов вздрогнул и обернулся.

— Товарищ полковник, разрешите передать расшифрованное сообщение с Украины, — сказал капитан Берестов и подал полковнику несколько листов бумаги.

— Положите на стол! — сказал Смирнов, с трудом отрываясь от своих мыслей.

Когда Берестов ушел, Смирнов закурил, сел к столу и принялся внимательно читать сообщение с Украины.

«...На берегу обнаружен парашют, — читал Смирнов. — На стропах оказались следы крови, видимо, диверсант поранил руки о скалы приземляясь. Тщательное обследование местности позволило обнаружить в ближайших зарослях «держки дерева» следы крови и нитки. Видимо, диверсант плутал в кустарнике, в темноте уходя с берега. Экспертиза показала идентичность крови на камнях, на ветках кустарника и на стропах. Экспертиза показала также, что шерстяные нитки, сорванные шипами кустарника, применяются в нашем производстве для изготовления материала, из которого шьют кителя офицерскому составу Красной Армии. Удалось установить, что в те сутки на железно-

дорожной станции майор или подполковник приобрел билет на Москву. Точно сказать, майор или подполковник, кассирша не могла, так же как не определила и рода войск. Кассирша заявляет, что обратила на него внимание только потому, что на правой руке у него был свежий бинт со следами крови. В эти же часы сделано заявление колхозником виноградного и бахчевого колхоза Никитой Ивановичем Клетиным. Товарищ Клетин показывает, что около семи часов утра его остановил майор авиации и спросил, не подвезет ли он его на машине до станции. Клетин отказался подвезти, потому что торопился по вызову агронома и еще потому, что майор, как он заявляет, ему «не понравился». По заявлению Клетина, у майора забинтована правая рука в области ладони и кисти. Майор предложил Клетину за доставку на станцию сто рублей, после чего Клетин решил, что о нем надо сообщить.

Агроном задержал товарища Клетина в связи с тем, что надо было сделать срочные анализы образцов виноградных лоз; и Клетин освободился только к вечеру, после чего и сделал заявление. Наблюдение за поездом, на который «офицер», по заявлению кассирши, приобрел билет, не дало результатов... Следы дальнейшего продвижения «офицера» не обнаружены.

— Торопится! — пробормотал Смирнов; еще раз просматривая сообщение. — Почему он так торопится?

А если вся история с «офицером» — ошибка? Совпадение данных? — спросил себя Смирнов, откладывая листки с сообщением. — Парашют

в камнях со следами крови на стропях... Мало-мало!

Почему они не дали характеристику Клетина? Ему не понравился майор. Антипатии людей различны. Почему он не понравился Клетину? Кто такой Клетин?

Через несколько часов этот поезд придет в Москву. Конечно, «офицера» на нем нет. Он уже несколько раз изменил маршрут. Не абсолютный же идиот? Как мог он демонстрировать кассирше пораненную руку? Сознательно! Значит...

Значит, ему желательно, чтобы мы поверили тому, что он направился к Москве... Это уже интереснее. Куда же он тогда направился?

Смирнов позвонил. Вошел капитан Берестов.

— Александр Данилович, насколько мне помнится, недели три-четыре тому назад к нам поступило заявление одного техника по фамилии Певзнер. Принесите!

В своем заявлении Леонид Певзнер сообщал, что он работает на совершенно секретном участке, обеспечивающем безопасность побережья. Совсем недавно их участок принял на вооружение новую аппаратуру, позволяющую быстро и точно определить самолет в воздухе на любой высоте. Товарищ Певзнера, тоже техник, Былинкин, выпивая в компании мало знакомых людей, сболтнул за столом о новой аппаратуре. «Я прошу учесть, — пишет Певзнер, — что Былинкин сболтнул из самых хороших чувств, он хвастал нашей военной мощью. Я его знаю несколько лет близко, ручаюсь за него, как комсомолец и гражданин, в том смысле, что он не враг. Но у него, как говорят в общежитии, дурашливый характер, он сна-

чала сболтнет, потом подумает. По всему своему складу он не может в настоящее время находиться на секретной работе, потому что от таких людей бывает большой вред Родине.

Промолчать о том, что произошло, не считаю возможным, так же как и не считаю необходимым скрывать свое заявление от Былинкина...»

— Речь идет о новых мощных радиолокаторах, — пробормотал Смирнов. — А ну-ка, посмотрим по карте соотношение выброса «офицера» и местонахождение базы радиолокаторов.

Проверив соотношение по карте, Смирнов минут на двадцать замолчал.

Он сидел, курил и машинально прислушивался к будничным, понятным шумам улицы, долетающим из окна.

Потом он набрал номер.

— Товарищ генерал! — сказал Смирнов. — Разрешите зайти сейчас к вам. Есть срочный вопрос...

Повесив трубку, Смирнов докурил папиросу и нажал кнопку звонка...

— Александр Данилович, — сказал он, когда вошел капитан Берестов. — Надо заказать два билета на самолет, южное направление. Сегодня ночью я отправляюсь в командировку. Надо помочь украинским товарищам. Получается довольно удачно, — в деле Горелла сейчас нужен перерыв на несколько дней, пока сверяем старые показания и определяется доработка последних закрытых вопросов. Вы продолжаете оформление дела. Вызовите мне младшего лейтенанта Соловьева.

Когда Берестов вернулся в отдел, Миша сидел, склонившись над столом, и делал выписки

из протокола, необходимые для составления письма, реабилитирующего Акимову.

— Что-то, как я погляжу, ты у нас привыкать начал к канцелярщине, — сказал Берестов, останавливаясь около стола Миши. — С вдохновением строчишь!

— Канцелярщина бывает разная! — веско ответил Миша, дописывая строчку. — Бывает такая, что...

— Спасибо за разъяснение! — поблагодарил Берестов. — Полковник зовет!

— Меня?

— Именно. Так и сказал, позовите мне младшего лейтенанта Соловьева. Надо, говорит, посоветоваться с ним по важному вопросу. Без него не могу решить! — И уже серьезно добавил: — Иди быстро!

— Есть, явиться к полковнику! — торопливо сказал Миша, запер документы в сейф и ринулся к Смирнову.

Он вернулся через пять минут. Берестов посмотрел на него и усмехнулся — столько явных усилий требовалось Мише, чтобы пережить радостное известие так, как это положено настоящему, уравновешенному, опытному разведчику.

— Какое место тебе в самолете брать? — улыбаясь, спросил Берестов, с удовольствием глядя на Мишу. — Как ты любишь летать — у окна или на втором сиденье?

— У окна! — торопливо сказал Миша. — Если можно, конечно! — прибавил он, потом посмотрел на часы, подумал и растерянно сказал:

— А ведь домой-то я не успею съездить! Мне еще справок надо подготовить для полков-

ника целую гору! Еще в архив надо!.. Как же быть, товарищ капитан?

— А ты без вещей! — посоветовал Берестов.— По-солдатски! Полотенце и мыло всегда в дороге найдешь!

— Берет меня с собой в операцию! — вырвалось все-таки у Миши. — Должно быть, трудное дело, раз сам...

— С полковником всегда бывает трудно, — уже серьезно сказал Берестов. — Но ведь кто-то должен выполнять трудную работу! — потом помедлил и прибавил: — Ну что ж! Счастливого пути! Желаю тебе удачи, «Малыш».

И столько теплоты было в голосе Берестова, что Миша удивленно и благодарно оглянулся на капитана и даже забыл обидеться на прозвище «Малыш», которое он теперь все реже и реже слышал от товарищей.

Татьяна Григорьевна Сытина
«Конец Большого Юлиуса»

Редактор *Е. А. Ильинская*
Художественный редактор *Г. В. Гречиго*
Художник *Ю. П. Ребров*
Технический редактор *Н. З. Левинская*
Корректор *О. М. Павлова*

Сдано в набор 29.04.55 г.

Подписано к печати 28.07.55 г.

Формат бумаги 70×92¹/₂

9 печ. л. = 14,76 усл. печ. л. 10,489 уч.-изд. л.

Г-12170.

Военное Издательство
Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 17817.

Заказ № 3472

Отпечатано с матриц во 2-й типографии
имени К. Е. Ворошилова
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР

Цена 3 р. 75 к.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Военное Издательство просит
присылать свои отзывы об этой
книге по адресу: Москва, К-104,
Тверской бульвар, 18, Управление
Военного Издательства.*

Цена 3 р. 75 к.